Б. Р. Мандель

Всемирная литература

Искусство слова в Средневековье и титаны эпохи Возрождения. Начало Нового времени

DirectMEDIA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данный учебник представляет собой один из вариантов учебного курса «История зарубежной литературы», изучаемого в высших учебных заведениях гуманитарного направления согласно Федеральным образовательным стандартам и образовательным программам. Кроме того, в большей части, материал учебника соответствует также стандартизированным принципам курса «Литература». Учебник освещает основные исторические этапы развития мировой литературы в средние века и эпоху Возрождения, делая упор на художественные особенности, мастерство создателей и краткое описание исторической и общественно-политической обстановки. В учебнике сделана попытка охватить наиболее яркие литературные явления эпохи. Учебник написан доступным языком. Материал расположен в связи с логикой развития исторических событий. Одной из важнейших частей книги является список литературы, вопросы для самостоятельной подготовки к экзаменам и зачетам. «Всемирная литература: искусство слова в Средневековье и титаны эпохи Возрождения. Начало Нового времени. Иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура)» представляется полезным не только для студентов и преподавателей высших учебных заведений, но и для всех, интересующихся историей мировой литературы.

- Мандель Б. Р.
  - Введение
  - Глава I
    -
    - § 1. Данте
    - § 2. Франческо Петрарка
    - § 3. Джованни Боккаччо
    - § 4. Лудовико Ариосто
    - § 5. Торквато Тассо
    - § 6. Имена, известные не всем… Пьетро Аретино
    - § 7. Младшая муза Микеланджело
    - § 8. Николо Макиавелли: политология и литература
  - Глава II
    -
    - § 1. Себастьян Брант
    - § 2. Иоганн Рейхлин

- § 3. Ганс Сакс. Истории о докторе Фаусте
- Глава III
  -
  - § 1. Ученый насмешник Франсуа Рабле
  - § 2. «Плеяда». Поэзия Пьера Ронсара
  - § 3. Мишель де Монтень
- Глава IV
  -
  - § 1. Джеффри Чосер – творец «Кентерберийских рассказов»
  - § 2. Томас Мор
  - § 3. Филип Сидни – легенда эпохи
  - § 4. Эдмунд Спенсер – рыцарь любви
  - § 5. Ранняя слава и загадочная смерть Кристофера Марло
  - § 6. Бен Джонсон
- Глава V
- Глава VI
  -
  - § 1. Мигель де Сервантес
  - § 2. Луис де Гонгора
  - § 3. Франсиско де Кеведо
  - § 4. Лопе де Вега
  - § 5. Педро Кальдерон
  - § 6. Тирсо де Молина
  - § 7. Луис де Камоэнс
- Глава VII
  -
  - § 1. Абу Нувас
  - § 2. Рудаки
  - § 3. Фирдоуси
  - § 4. Низами
  - § 5. Омар Хайям
  - § 6. Саади
  - § 7. Хафиз
  - § 8. Шота Руставели
  - § 9. Григор Нарекаци
  - § 10. Ли Бо
  - § 11. Ду Фу
  - § 12. Мацуо Басё
  - § 13. Ихара Сайкаку
- Список учебной литературы для самостоятельной подготовки
- Список дополнительной литературы для

самостоятельной подготовки
- Список дополнительной литературы для курсовых работ и семинаров
- Список художественных текстов
- Примерные вопросы для самостоятельной подготовки к экзаменам и зачетам

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

Мандель Б. Р.
Всемирная литература: искусство слова в Средневековье и титаны эпохи Возрождения. . Начало Нового времени . Иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура)

Введение

История мира сложна и запутана, а века, названные Средневековьем, – долги и неоднозначно оцениваемые исследователями, учеными – представителями разных научных дисциплин и разных направлений. Эпоха, длящаяся с V по XVII, или, согласно другим историкам, с IX по XVII – период, отмеченный взлетами и падениями человеческой мысли, войнами и сменами религий, далекими путешествиями и мрачными застенками… Много произошло в мире, и лишь одно развивалось только в одну сторону – величия, великолепия, красоты, истинности – литература этого мира, литература Европы и Востока, литература, подарившая нам гениев, титанов, поэтов, прозаиков, драматургов, открывших всю правду об основном герое книг – о Человеке!

Творческая, трепещущая, живая мысль, всецело отдававшаяся Богу, затем человеку, воплотилась в лучших мировых литературных творениях.

Полагаем, неверно назвать целую эпоху длиной почти в тысячу лет, прошедшую от падения Римской империи, бесплодной паузой в развитии человечества. Люди жили и творили, люди стремились к новому, к тому, что позднее жизнеописатель великих творцов Джорджо Вазари назовет *rinascita* – возрождение. Живопись и архитектура, скульптура и литература, по мнению Вазари, пришедшие в упадок со времен античности, низвергнувшиеся в пропасть небытия, начинают вновь возрождаться к жизни!

Капитолийский холм в сегодняшнем Риме

И самое важное здесь, пожалуй, даже не в невероятном подъеме искусства и культуры, а в коренных сдвигах в области человеческого сознания. Рождается новый герой, новый человек, главный предмет и объект всех наук и искусств – Человек!

Нам известно и время рождения новой эпохи. Поразительно, но мы называем этот момент с точностью до дня! Италия, 8 апреля 1341 года, Пасха! Место действия – Капитолийский холм. Римский сенатор увенчал лаврами великого Петрарку, Франческо Петрарку, поэта и мыслителя, общепризнанного гения. Древний обряд был давно забыт, и вот… Снова, снова… Петрарка возложил венок к алтарю Святого Петра – символика ясна: соединить античность и христианскую духовность!

От «утра» до «осени Возрождения» – длинный путь, ведущий нас по литературам Европы с самыми любимыми книгами человечества, и пройти его не просто, но, к счастью, лучшие герои этих книг до сих пор с нами, а, порой, они становятся нам даже ближе современных, ибо проблемы, волновавшие Гамлета и Дон-Кихота, и сейчас еще, может быть, неразрешимы, и познать этот сочиненный великими мир – дело благое и благодарное!

Глава I
Начало великой европейской литературы. Италия XIII-XIV. Данте. Петрарка. Боккаччо

Италия – родина Возрождения, страна, чье литературное Средневековье дало миру образцы классической модели Возрождения, родина нового искусства и новой литературы. Родина Данте.

§ 1. Данте

Данте Алигьери

Данте Алигьери (1265-1321)… Май или июнь 1265 года. Флоренция. Так когда же появился на свет будущий гений? Нотариус утверждает, что в мае. Итак, 14 мая 1265 – вот дата рождения Дуранте(так звучит полное имя деда по матери, в честь которого и был назван будущий поэт) Алигьери. Удивительно, как мало в мире людей, которых мы зовем по именам! Петр, Лука, Иоанн, Августин, Данте (да еще и уменьшительным именем человечество называет его)…

Далекая Флоренция. Площадь Синьории

Вероятно, отец Данте был юристом. В семье, ведущей свое начало от рыцарского рода, феодальные настроения были чрезвычайно сильны, хотя долгое пребывание в городе купцов и политиков, художников и поэтов заставляло эти традиции тускнеть. Понятно, что могла дать Данте школа этой эпохи – схоластика царила еще долго… Университета во Флоренции не было, и по всей вероятности, юноша учился в Болонье, университет которой славился медицинским и юридическим факультетами. Самообразование – он читал все, что попадает в поле зрения, ища свой путь, путь ученого, мыслителя и поэта. Великий римлянин Вергилий станет его «вождем, господином и учителем». Данте, овладевший французским и провансальским языками, стал поглощать поэмы о Трое и Фивах, об Александре Македонском и Цезаре, о Карле Великом и его паладинах, а в рифмованных французских энциклопедиях и дидактических поэмах он находит все новые и новые знания. Видимо, в Болонье Данте знакомится с Гвидо Гвиницелли,[1] поэтом, считавшимся родоначальником «нового сладостного стиля» (позже, в своей «Комедии» Данте назовет его отцом).

Вероятно, в 1283 году на улицах Флоренции Данте снова увидел дочь Фолько Портинари Беатриче, которую впервые встретил семилетней девочкой.

С тех пор, как я впервые увидал
Ее лицо здесь на земле, всечасно
За ней я в песнях следом поспевал…

Тогда же и появляются первые строки, посвященные далекой и недоступной красавице, вскоре, в 1290 году умершей. Любовь и скорбь пронизывает стихи Данте, созданные в период с 1283 по 1292 год. Восхваление возлюбленной, стремление к божеству, мистическое толкование любви – вся эта сложнейшая символика вызовет целый поток исследований, в которых часть ученых увидит в Беатриче лишь поэтическую фикцию – аллегорическое выражение политических и философских идеалов автора. Однако существование Беатриче подтверждено – в архивах Флоренции было обнаружено завещание Фолько, в котором упоминается имя его дочери Беатриче.

Беатриче Портинари. Д.Г.Росетти (1863-1864)

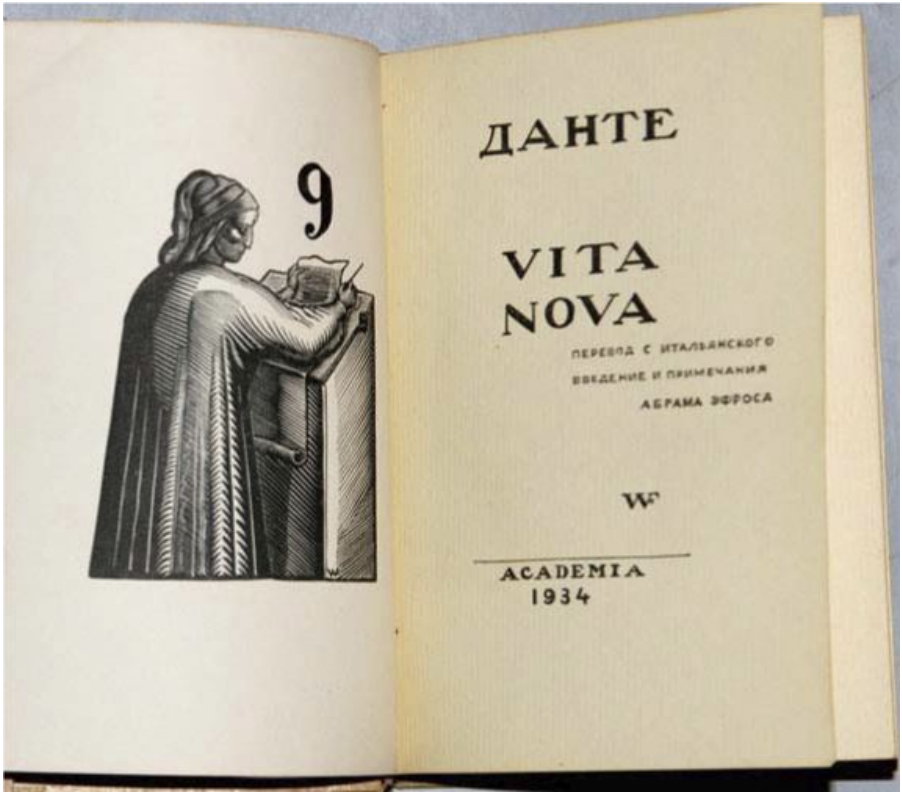
Первый сонет, связанный с обликом возлюбленной Беатриче, «A ciascun alma presa», Данте, по обычаям поэтов своего времени, послал другим поэтам, и, видимо, с этого момента завязывается его дружба с Гвидо Кавальканти,[2] вождем флорентийских поэтов. Хотя нельзя отрицать и тот факт, что оба они принимали участие в многочисленных войнах, вспыхивавших между Флоренцией и ее соседями в бурных 1287-1290 годах.

Стиль молодого Данте совершенствуется:

> Любимой очи излучают свет
> Живого благородства, и повсюду
> Что ни возьми – при них подобно чуду,
> Которому других названий нет.
> Увижу их – и трепещу в ответ,
> И зарекаюсь: "Больше я не буду
> Смотреть на них", но вскоре позабуду
> И свой сердечный страх, и тот обет.

В 1290 году умирает совсем юная Беатриче… Данте собирает свои творения в книгу «Новая жизнь» (Vita Nuova). 24 сонета, 5 канцон и одна баллада – перед нами самая настоящая и самая поэтичная история люб-ви – автобиография страдающей души. Аллегоричность и таинственность, сны и потустороннее – лучшие традиции *нового сладостного стиля* пронизывают книгу Данте.

Смерть возлюбленной заставляет его обратить внимание не только на бренность существования – Данте обращается к философии, ища в ней спасения, и судьба преподносит ему трактат Боэция «Об утешении в философии». Данте посещает ряд своеобразных клубов, философских факультетов в монастырях Флоренции.



Уникальное издание книги Данте

Исследователям известны его взаимоотношения с доминиканцами монастыря Santa Maria Novella. От Блаженного Августина до схоластической философии, от Овидия к Горацию, от Лукиана к Сенеке… Философия и классическая литература, физика и астрономия…Однако политическая борьба во Флоренции не может оставить равнодушным и его – Данте становится членом цеха врачей и аптекарей, к которым принадлежали еще и книгопродавцы, и художники.

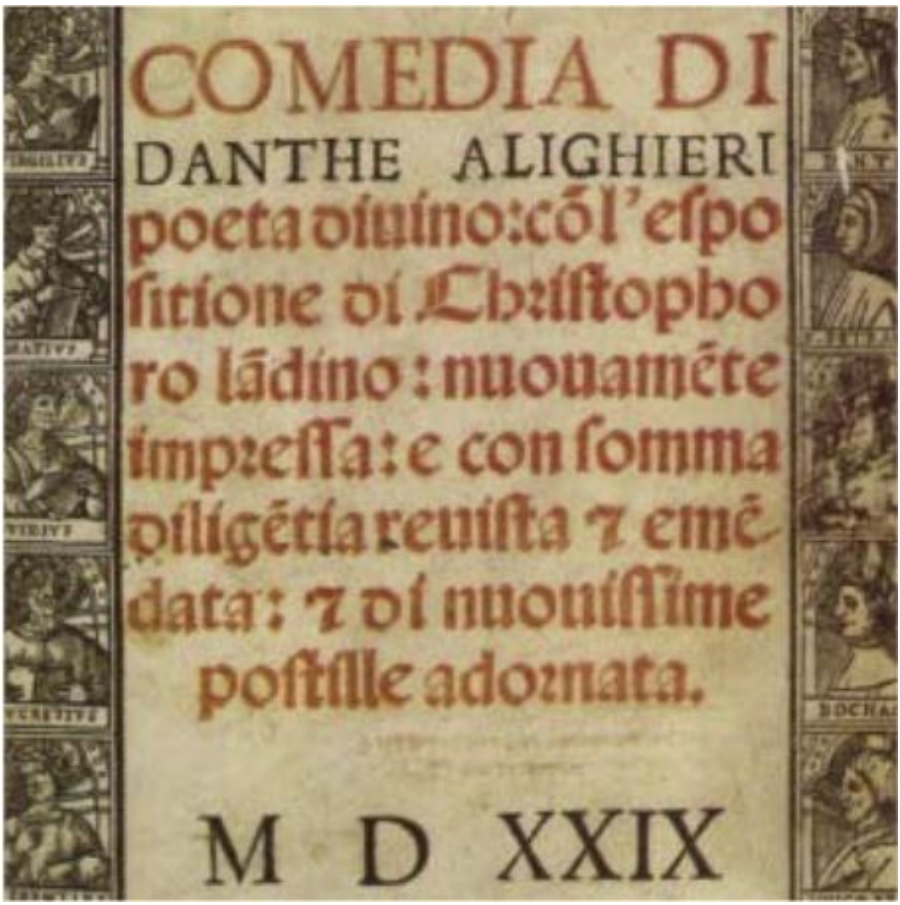
Данте становится членом городских советов, хотя и не проявлял ни особенного интереса к политической жизни, ни особенного усердия в исполнении своих политических обязанностей. Но если он не искал политических лавров, то его «нашли политические тернии». Сложнейшие отношения гвельфов [3] и гибеллинов[4], раскол гвельфов на Белых и Черных (вся семья Алигьери примыкала к Белым).

Бой между гвельфами и гибеллинами

Данте исполняет важные политические обязанности в коллегии приоров. Победа над Черными! Однако под защитой французов Черные гвельфы возвращаются во Флоренцию… Месть! Началась жизнь скитальца, с ее лишениями и тайными надеждами на возвращение. Данте едет то в Падую, то в Мантую, то в Верону. Творческих замыслов много, но когда же взять в руки перо? Работа – только урывками. Трактат «Пир», труд об итальянском языке…

«Пир» – видимо, создан в 1307-1308 годах. Данте хотел дать нечто вроде средневековой энциклопедии в виде комментария к своим философским канцонам. Но трактат остался неоконченным. В четырех написанных главах перед нами введение и объяснение к трем канцонам. По форме «Пир» – схоластическое произведение, тесно связанное с углубленными философскими занятиями Данте до изгнания. В трактате говорится о богословии, о морали, об астрономии, и многое в нем уже предвещает если не образы, то концепции «Божественной комедии». «Пир», как затем и «Божественная комедия», написан по-итальянски. В то время как шла работа над трактатом и зарождалась поэма, для Данте был уже решен вопрос о том, на каком языке ему нужно обращаться к читателям. Он был горячим защитником итальянского языка, и в этом одна из величайших его заслуг перед итальянской культурой. Данте сумел понять, что

появился новый человек, способный читать и учиться, что если писатель хочет говорить для своего времени и влиять на сограждан, он должен отбросить язык школы и ученых схоластов, заговорить на языке, который понятен и доступен всем. Защите итальянского языка и посвящен его неоконченный латинский трактат «De vulgari eloquentia», относящийся к тем же годам, что и «Пир».



Титульный лист «Комедии» Данте. Венеция, 1529

…Надежды на Генриха VII, избранного Императором Германии, заявившего, что он положит конец междоусобицам в Италии, рушатся – Генрих умирает, так и не покорив Флоренцию. На родине Данте вычеркивают его имя из списка амнистированных (позднее дают разрешение вернуться на условиях унизительного покаяния). Странствия продолжаются – до конца жизни он теперь в Равенне, в доме внука воспетой им Франчески де Римини Гвидо Полента. Здесь он умер и здесь он похоронен (во Флоренции тоже есть гробница Данте – пустая…).

Примерно с 1307 года Данте начинает работать над своей «священной поэмой». Вероятно, большая часть ее была создана в монастыре Санта-Кроче-ди-Фонте Авеллано. Закончил поэму он в Равенне.

Итак, «Комедия». Комедия? Да, ведь в те далекие времена так можно было назвать произведение со счастливым концом. «Комедией» Данте назвал свое творение потому, что, скорбное и страшное вначале, оно завершается радостным концом («божественной ее назвал Боккаччо, один из первых комментаторов поэмы Данте) В этом произведении с наибольшей полнотой отразилось мировоззрение поэта, последнего великого поэта средних веков, поэта, продолжающего феодальную литературу, впитавшего, однако, в себя уже и некоторые черты, типичные для новой буржуазной культуры раннего Ренессанса.

Из иллюстраций Г.Доре к «Божественной комедии»

По форме поэма являет собой загробное видение, что было достаточно популярным в средневековой светской и клерикальной литературе. Как и у многих средневековых поэтов, она держится на аллегорическом стержне. Так, дремучий лес, в котором поэт заблудился на полпути земного бытия, – символ жизненных осложнений. Три зверя, которые нападают на поэта: пантера, лев и волчица – три самые сильные страсти:

чувственность, властолюбие, жадность. Этим аллегориям дается еще и политическое истолкование: пантера – родина гения, Флоренция, пятна на шкуре ее должны обозначать вражду партий гвельфов и гибеллинов. Лев – символ грубой физической силы – Франция; волчица, алчная и похотливая – папская курия. Звери угрожают национальному единству Италии, о котором мечтал Данте, единству, скрепленному господством феодальной монархии. Но, пожалуй, стоит уберечь себя от лишней политизации поэмы Данте.

Автора спасает поэта Вергилий – символ разума, посланец Беатриче (веры). Вергилий ведет Данте через ад в чистилище и на пороге рая уступает место Беатриче. Смысл этой аллегории тот, что человека от страстей спасает разум, а знание божественной науки доставляет вечное блаженство.

Конечно, «Божественная комедия» насквозь проникнута политическими тенденциями автора, ибо Данте никогда не упускал случая посчитаться со своими идейными, и даже личными врагами – он ненавидит ростовщиков, осуждает кредит как «лихву», осуждает свой век как век наживы и сребролюбия. Деньги для поэта – источник всяческих зол.

С.Боттичелли. Ад

Темному настоящему великий Данте противопоставляет светлое прошлое, Флоренции буржуазной Флоренцию феодальную, город, где царили, правили простота нравов,

умеренность, рыцарское «вежество». Следует иметь в виду, что к папству как к принципу Данте относится с величайшим почтением, хотя отдельных представителей его, особенно тех, которые способствовали упрочению в Италии буржуазного строя, ненавидит – отсюда и поразительные встречи с ними в аду… Религия Данте имеет сильнейший личный элемент, чуждый старой ортодоксии, хотя мистика и францисканская пантеистическая религия любви, которые принимаются им со всей страстью, все же являются резким отклонением от классического католицизма. Его философия – богословие, его наука – схоластика, его поэзия – аллегория.

Тяжким грехом называет Данте свободную любовь («Ад», 2-й круг, знаменитый эпизод с Франческой да Римини и Паоло). Но любовь, которая влечет к предмету поклонения чистым платоническим порывом – великая мировая сила, которая «движет солнце и другие светила». А дух пытливости, стремление раздвинуть круг знаний и знакомство с миром, соединяемое с «добродетелью» и побуждающее к героическим дерзаниям – провозглашается идеалом.

Данте конструирует видение из эпизодов настоящей жизни. Загробный мир заставляет вспомнить отдельные уголки Италии, а живые человеческие образы типичные фигуры, психологические ситуации всем живо знакомы и известны. Люди, которые мучаются в аду, несут покаяние в чистилище (причем, объему и характеру греха соответствует объем и характер наказания), пребывают в блаженстве в раю, – это живые люди. Среди них нет и двух одинаковых. В этой огромной галерее исторических деятелей нет ни одного образа, который не был бы оформлен безошибочной интуицией поэта и мыслителя.

Данте и Вергилий в ладье Харона. Н.де Улиссе, 1444-1450

В удивительно точной композиции «Божественной комедии» сказался рационализм нового творчества, развившегося в атмосфере зарождающейся буржуазной культуры.

«Божественная комедия» построена чрезвычайно симметрично: три части, каждая часть состоит из 33 песен, причем кончается словом Stelle – звезды. Всего 99 песен, которые вместе с вводной песней составляют число 100. Поэма написана терцинами, особыми строфами, состоящими из трех строк. Эта склонность к определенным числам объясняется тем, что Данте придавал им мистическое толкование – число 3 связано с христианской идеей о Троице, число 33 должно напоминать о годах земной жизни Иисуса Христа и т.д.

Согласно католическим верованиям загробный мир состоит из ада, куда попадают навеки осужденные грешники, чистилища – местопребывания искупающих свои грехи грешников, и рая – обители чистых и блаженных.

Данте с чрезвычайной точностью описывает устройство загробного мира, графически определенно выписывая детали его архитектоники: в вводной песне он рассказывает о том, как достигнув середины жизненного пути, заблудился в дремучем лесу, а великий римлянин, предтеча христианства, Вергилий, избавив его от трех диких зверей, загораживавших ему путь, предложил совершить странствие по загробному миру; узнав, что Вергилий послан Беатриче, поэт без трепета отдается руководству

Вергилия. Пройдя преддверие ада, населенное душами ничтожных, нерешительных людей, они вступают в первый круг – лимб, где пребывают души не могших познать истинного бога. Здесь Данте видит выдающихся представителей античной культуры: Аристотеля, Еврипида и других. Следующий круг (ад имеет вид колоссальной воронки, состоящей из концентрических кругов, узкий конец которой упирается в центр земли) заполнен душами людей, некогда предававшихся необузданной страсти. Среди носимых диким вихрем Данте видит Франческу да Римини и ее возлюбленного Паоло, павших жертвой запретной любви друг к другу. По мере того как Данте сопровождаемый Вергилием, спускается все ниже и ниже, он становится свидетелем мучений чревоугодников, принужденных страдать от дождя и града, скупцов и расточителей, без устали катящих огромные камни, гневливых, увязающих в болоте. За ними следуют объятые вечным пламенем еретики и ересиархи (среди них император Фридрих II, папа Анастасий II), тираны и убийцы, плавающие в потоках кипящей крови, самоубийцы, превращенные в растения, богохульники и насильники, сжигаемые падающим пламенем, обманщики всех родов. Наконец, последний, девятый круг ада, предназначенный для самых ужасных преступников. Здесь обитают предатели и изменники, из них величайшие – Иуда, Брут и Кассий, их грызет своими тремя пастями Люцифер, восставший некогда на бога ангел, царь зла, обреченный на заключение в центре земли. Описанием страшного вида Люцифера заканчивается последняя песнь первой части поэмы.

Миновав узкий коридор, соединяющий центр земли со вторым полушарием, Данте и Вергилий выходят на поверхность земли.

Люцифер. Г.Доре

Там, на середине окруженного океаном острова, высится в виде усеченного конуса гора – это чистилище, также состоящее из ряда кругов, сужающихся по мере приближения к вершине горы. Охраняющий вход ангел впускает Данте в первый круг чистилища, начертав предварительно у него на лбу мечом семь P (Peccatum – грех) – символ семи смертных грехов. По мере того, как Данте поднимается выше, минуя один круг за другим, эти буквы исчезают, так что, когда он, достигнув вершины горы, вступает в расположенный на вершине последней земной рай, он уже свободен от знаков, начертанных стражем чистилища. Круги его населены душами грешников, искупающих свои прегрешения. Здесь очищаются гордецы, принужденные сгибаться под бременем давящих их спину тяжестей, завистники, гневливые, нерадивые, алчные… Вергилий доводит поэта до врат рая, куда ему, не знавшему крещения, нет доступа. Здесь вожатого Вергилия сменяет Беатриче, восседающая на влекомой грифом колеснице (аллегория торжествующей церкви), побуждающая Данте к покаянию и вознесшая его, просветленного, на небо.

Заключительная часть поэмы посвящена странствованиям Данте по небесному раю, состоящему из семи сфер, опоясывающих землю и соответствующих семи планетам: сферы Луны, Меркурия, Венеры и т. д., за ними следуют сферы

неподвижных звезд, сфера хрустальная, за хрустальной сферой расположен Эмпирей, бесконечная область, населенная блаженными, созерцающими бога, последняя сфера, дающая жизнь всему сущему. Пролетая здесь, Данте видит императора Юстиниана, знакомящего его с историей Римской империи, учителей веры, мучеников за веру, чьи сияющие души образуют сверкающий крест; возносясь все выше и выше, он видит Христа и деву Марию, ангелов и, наконец, перед ним раскрывается «небесная Роза» – местопребывание блаженных. Здесь Данте приобщается высшей благодати, достигая общения с Создателем.

«Комедия» Данте – его последнее и самое зрелое произведение, по сути, завершившая все развитие средневековой литературы.

Резюме: великая «Божественная комедия» Данте, уникальное и неповторимое произведение мировой литературы, написанная на итальянском языке и, по сути, давшая ему свое первое письменное воплощение, привлекает взоры читателей уже более шести столетий. Данте стал для миллионов читателей не просто поэтом, он стал носителем нового, высшего знания, проникшего в смысл человеческой жизни. Поэт, понявший Землю и предназначение живущих на ней. Наверное, потомкам не разгадать и не понять до конца всю грандиозность гениального творения, но его загадки и бьющаяся мысль будет волновать человечество, заставляя задумываться о правде и лжи, вере и безверии, пороке и чистоте, ненависти всепобеждающей любви.

§ 2. Франческо Петрарка

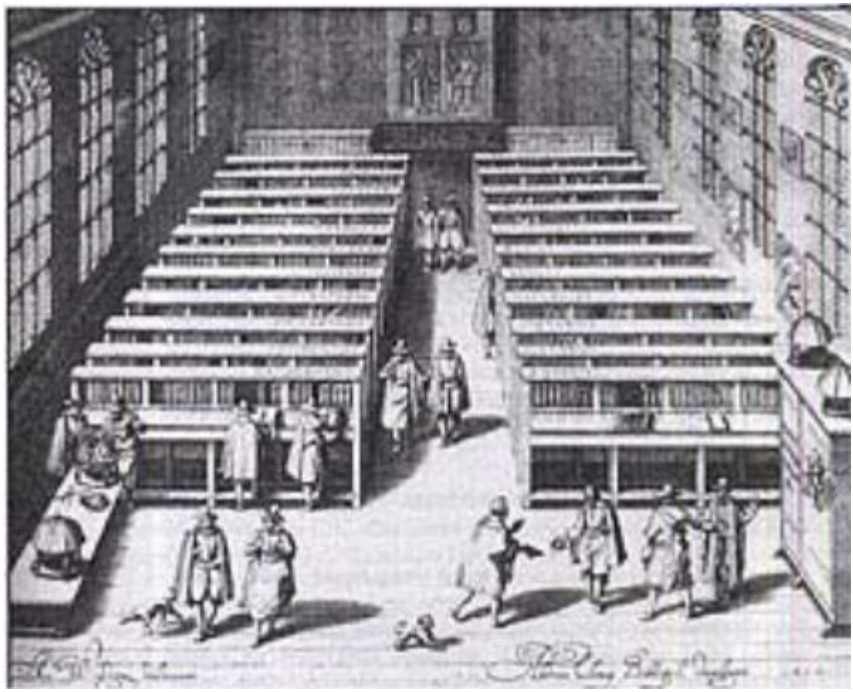
Вероятно, это имя должно стоять первым, когда мы начинаем разговор о новой эпохе – имя *Франческо Петрарки* (1304-1374). Франческо Петрарка (1304–1374) происходил из семьи потомственных тосканских нотариусов, которые на протяжении нескольких поколений занимались и вполне успешно юридической практикой, выступая ходатаями по гражданским и уголовным делам, скрепляя своей подписью и печатью акты о разделе и наследовании имущества, брачные контракты, договоры, заключаемые владельцами известных торговых домов. Кстати, настоящая фамилия отца Петрарки Петракко – позднее Франческо изменит, облагородит ее на латинский манер.

Ф.Петрарка

В доме деда, чрезвычайно набожного и весьма начитанного человека Петрарка получает нечто вроде начального образования. Дед сумел привить внуку не только уважение к знаниям, но и, по всей вероятности, любовь к великому наследию античной

культуры, которую Петрарка пронес через всю свою жизнь.

Однако вскоре семья покидает Флоренцию и перебирается сначала в Пизу, а затем в Авиньон – резиденцию папы римского. В дальнейшем вся жизнь семьи и Петрарки-младшего будет связана с этим городом, где причудливо переплетались различные культуры Италии, Франции, Германии, Прованса, а вся жизнь шла по распорядку папского двора. Здесь Петрарка заканчивает школу, получив обычное, вполне традиционное для средневековой школы представление о началах грамматики, диалектики и риторики, и вскоре поступает на юридический факультет в Монпелье, но через некоторое время переводится в Болонский университет, считавшийся тогда одним из лучших европейских университетов, готовящим будущих юристов. Но Петрарка не заканчивает курс – он бросает университет, возвращается в Авиньон и подчиняет свою жизнь занятиям поэзией, к которым склонялся с юношеских лет. Как отмечают исследователи его творчества, в папской столице он вел жизнь этакого «средневекового денди», посещая празднества и увеселения, нанося визиты многочисленным знакомым, сочиняя канцоны, мадригалы, сонеты в честь прекрасных дам. Вскоре он становится известным как необычайно тонкий лирик и мастер изысканных стихотворных форм. Слава лучшего поэта Авиньона, а также Италии и Франции, где с ним никто не мог соперничать приходит достаточно скоро. Благодаря своей известности, он становится вхож в лучшие аристократические дома.



Одна из аудиторий Болонского университета

Весной 1327 года, в церкви Святой Клары Франческо Петрарка встречает донну Лауру (запись об этом оставляет нам на старинном свитке, содержащем поэмы Вергилия…). Тогда-то он и приступает к созданию книги всей своей жизни – «Книге песен» («Canzoniere»).

1330 год становится для поэта годом поступления на службу к кардиналу Колоне и временем принятия духовного звания. Поэт получает достаточно средств для путешествий: Италия и Германия, Фландрия и Франция, Испания… Путь долог и увлекателен. Но творческие замыслы увлекают больше – Петрарка уединяется в местечке Воклюз, живописном, тихом, на берегу чудесной речушки Сорги…

Подлинная обложка одного из трактатов Петрарки

В начале 1341 г. Петрарка получает предложение от Парижского университета, позже от Неаполитанского короля и, наконец, от папской курии, которая сочла возможным короновать его лавровым венком. Событие, ставшее апофеозом всей жизни Петрарки, апофеозом и началом эпохи, ставшей в нашем сознании той самой эпохой Возрождения, состоялось 8 апреля 1341 г. Первый день Пасхи, когда празднуется воскресение Христа. По преданию, Петрарка сам назначил эту дату. Как утверждает Джованни Боккаччо, Петрарка видел особый смысл в том, чтобы его всемирное признание состоялось именно в день возрождения. Он верил, что акт увенчания его в качестве одного из основоположников гуманизма, создателя литературного итальянского языка, начинает новую эпоху в истории не только в его родной Италии, но и во всей Европе. Об этом дне Петрарка расскажет в письме своему покровителю – Неаполитанскому королю Роберту, одарившего его в знак признания выдающихся

заслуг перед поэзией пурпурной мантией, подбитой горностаем, наподобие тех, что в торжественных случаях возлагались на плечи монархов… Боккаччо говорит, что именно с этого дня начался отсчет новой исторической эпохи. Достижение вершины славы не стало моментом последнего триумфа Петрарки – поэт продолжает работать, он создает не только сонеты, из-под его пера выходят научные, религиозно-богословские трактаты, заметки об истории Италии. Он пишет двенадцать эклог, известных под названием «Буколическая песнь», трактаты «Об уединенной жизни», «О монашеском досуге», «О достопамятных вещах и событиях», полемический труд в защиту поэзии – «Инвектива против врача в четырех книгах» и свою знаменитую исповедь, которую он назвал «Secretum», что в переводе означает «Моя тайна». Известность его выходит далеко за пределы Италии. Теперь никто не сомневается в том, что он действительно является подлинным королем «всех образованных людей, поэтов и историков», как было написано в тексте закона, торжественно принятого Сенатом Рима в год его коронации. Петрарка отныне – желанный гость во всех столицах тогдашней Европы. Государи и владетельные князья считают за честь провести в разговоре с ним не то, что час – минуты. Папа расточает ему милости и благодеяния. Однако в 1353 г., накануне пятидесятилетия, Петрарка покидает Авиньон и возвращается в Италию. За право считать знаменитого поэта, ученого членом своей общины спорили многие города, в том числе и родная Петрарке Флоренция, правительство которой даже пообещало вернуть ему имущество, конфискованное когда-то у его отца как участника заговора против республики. Но Петрарка выбирает Милан, где при дворе архиепископа сложился кружок образованных людей, разделяющих идеалы гуманизма и увлеченность Петрарки культурой античности. Но слишком быстро вновь приходит разочарование – частый спутник таланта, Петрарка уезжает в Венецию, которую тоже вскоре покидает после нанесенного ему оскорбления некими философами, поставившими под сомнение его ученость.

Последние годы жизни Петрарки прошли в Падуе и в Аркве, маленьком селении среди оливковых рощ, кипарисов и виноградников. Он продолжал работать до последних минут жизни. По преданию, гениальный поэт и выдающийся ученый завершил свой жизненный путь 19 июля 1374 г., работая над очередной рукописью.

Петрарка влюбляется в Лауру. Миниатюра эпохи Возрождения

Многочисленные сочинения Петрарки известны далеко не всем. Исключение составляет «Книга песен», включающая в себя сонеты, мадригалы, канцоны, секстины, баллады, созданные им в честь его возлюбленной Лауры. Научные работы и то, что сегодня мы назвали культурологическими исследованиями, изучаются специалистами. По сути, Петрарка открыл античность как новый тип культуры и обосновал отличие античности от культур иных эпох. Вероятно, он первым применил принцип историзма в понимании культуры. Кроме того, что очень важно для понимания общей демократической направленности творчества Петрарки-мыслителя, он выдвинул и обосновал тезис, согласно которому творцом культуры является свободная, раскрепощенная личность, не испытывающая духовного и экономического гнета, обладающая чуткой душой, разносторонне образованная и гармонично развитая.

Петрарка нашел, описал и прокомментировал античных авторов, которые были неизвестны до него более десяти веков. Он первый проанализировал особенности языка Сократа, Аристотеля, Цицерона и Вергилия, Эпикура и Тацита, создал новую литературную латынь, переведя на нее, в числе прочего и дантовскую «Комедию»!Гениальный итальянский мыслитель и поэт становится предтечей Ж.Ж.Руссо, называя себя

«гражданином рощ», Петрарка писал: «Города – враги моим мыслям, леса друзья… В городе я другой человек, чем в деревне. Тут я повинуюсь природе, там – примеру».

А обоснование идеи о культурном единстве Европы, которая сегодня определяет самосознание любого образованного европейца? Это Петрарка показал, что, несмотря на различие языков, исторических судеб, народы Европы могут рассматриваться как суперэтнос, как носители одного и того же цивилизационного начала, ориентирующиеся на схожую систему ценностей, в отличие от народов, принадлежащих другим цивилизационным системам, в частности, представителям исламского и славянского миров. И все же мировая слава Петрарки основана исключительно на его итальянских стихах, хотя сам он относился к ним с пренебрежением, как к «пустякам», «безделкам», которые писал не для публики, а для себя, стремясь «как-нибудь, не ради славы, облегчить скорбное сердце».

Чума уносит возлюбленную поэта, донну Лауру, и в 1372 году Петрарка завершает девятую и последнюю редакцию «Книги песен». Эта книга стала его поэтической исповедью. 29 канцон и 317 сонетов, 10 баллад и мадригалов. Две части – «На жизнь Мадонны Лауры» и «На смерть Мадонны Лауры»…

Подобно поэтам «dolce stil nuovo», Петрарка дает нам идеальный и идеализированный облик возлюбленной, облик-знак, символ, средоточие совершенств. Поэт говорит об очищающем и облагораживающем действии ее красоты на его психику. Но Лаура книги Петрарки не теряет и реальных очертаний, не становится аллегорической фигурой, бесплотным символом истины и добродетели. Она остается прекрасной, вечно молодой женщиной, которой поэт любуется, находя все новые словесные краски для описания ее красоты, находя и выделяя то своеобразное и неповторимое, что есть только в ней.

Кроме изображения любви к Лауре в «Книге песен» мы встретим и стихотворения политического и религиозного содержания, аллегорическую картина любви поэта, где победа любви над человеком, целомудрия над любовью, смерти над целомудрием, славы над смертью, времени над славой и вечности над временем предстает в виде великого Триумфа!

Резюме: влияние Петрарки огромно! Национальные школы поэзии практически всех европейских стран рождались их подражания – Петрарка же выступил первооткрывателем новой поэзии, новой науки, новой красоты, которую возвысил до небес. Новая культура и новая наука, литературная критика и языки – наследие Петрарки необъятно! А сила любви, открывшаяся человечеству со страниц его «Книги песен» стала символом чувств

и разума нового человека Европы и мира!

§ 3. Джованни Боккаччо

Джованни Боккаччо

Еще один великий итальянский мастер раннего Возрождения – *Джованни Боккаччо* (1313-1375), друг Петрарки, автор знаменитого «Декамерона». Сведений о жизни его не так уж много – родился во Флоренции (или в тосканском городке Чертальдо близ Флоренции). Отец его – предприимчивый, энергичный купец, торговец. Поддерживая деловые связи с Неаполем, он отправляет подросшего Джованни на юг, в тот самый город, принадлежавший в то время к числу наиболее культурных и процветающих городов Италии. Здесь, в городе, находящемся под сильным влиянием французского аристократического духа, Джованни предстояло заниматься коммерческими делами, а также изучать юриспруденцию. Но ни к тому, ни к другому молодой Боккаччо склонности не имел. Очень быстро осознает Боккаччо, вращавшийся в утонченной среде

неаполитанской молодежи, что купца из него не получится…

Зато необыкновенный интерес к поэзии, литературе, поощряемый местными властями, заставляет его слушать лекции друга Петрарки и Данте поэта Чинно де Пистойи, одного из последних представителей уходящего в прошлое «нового сладостного стиля». Суета придворной жизни. Подобно Петрарке, он пишет любовные стихи, героиней которых становится красивая знатная дама Мария д'Аквино, воспетая Боккаччо под именем Фьяметта (огонек), которую молва делала побочной дочерью неаполитанского короля Роберта. Согласно исторической замечательной, в некотором смысле «исповедальной» книге Боккаччо, Фьяметта сначала отвечала на чувства поэта, а затем увлеклась другим. «Фьяметта» создавалась в 1343-1344 годах. Молодость, любовь… Книга эта стала, пожалуй, одним из первых в европейской литературе образцов психологической прозы, с ее попыткой на основе личных впечатлений глубоко проникнуть в души героев, вначале упоенных любовью, затем перенесших страшные удары судьбы – измены… Жизнь героини становится в конце книги тяжким испытанием. Страсть – вот что волнует автора, вот чему посвящено большинство страниц «Фьяметты». Счастье мировой литературы читать такие книги – образ женщины становится более сильным, чем образ героя-мужчины. Фьяметта становится символом сильной и непокорной личности.

Сороковые годы связаны в жизни Боккаччо с частыми переездами: Флоренция и Равенна, Неаполь и Рим. Перед его глазами проходят страшные эпизоды-чумы в Италии… После 1361 года Боккаччо возвращается на родину в Чертальдо, посвящает свои дни чтению священного писания и религиозных книг отцов церкви. Поклонение морали и знаниям – вот его интересы теперь…

Заброшены попытки закончить роман в стихах «Филострато», отложены в сторону «Филоколо» и «Тесеида». Забыты «Фьезоланские нимфы» и «Амето».

Творчество его утратило былую легкость, шутливость, озорство. Оно стало более серьезным и строгим. Муза поэзии уступает место Музе истории. К тому же Боккаччо часто занят другим – он выполняет ряд дипломатических и иных поручений республики. Одним из таких поручений явилось чтение публичных лекций о «Божественной комедии» Данте. Кроме того, вспоминая чудесное знакомство с Петраркой (видимо, впервые они встретились в 1350 году), он посвящает ему восторженный панегирик «О жизни и нравах господина Франческо Петрарки». Подобно Петрарке он пишет на латыни: один за другим выходят трактаты: «Генеалогия языческих богов» (1350-1363), «О

злосчастной судьбе знаменитых людей» (1355-1360) и другие. Защита поэзии от невежд, право писателя на поэтический вымысел – это и многое другое составляют основу трактатов Боккаччо. Отдельная глава в «Генеалогии языческих богов посвящена древнегреческим поэтам.

В 1360 г. Боккаччо приглашает во Флоренцию ученого грека, который толковал студентам местного университета творения Гомера и других эллинских авторов. Боккаччо, прекрасно осознававший огромное значение эллинской традиции, с гордостью заявлял, что именно ему современники обязаны «возвращением» Гомера.

Но величайшим поэтом для него оставался Данте. Боккаччо не только публично комментировал «Божественную Комедию», но и написал на итальянском языке «Жизнь Данте» (1357-1362). Это первая биография великого итальянца, и написана с душевной теплотой и глубоким почтением. Но это все было после… После «Декамерона»…

Миниатюра, предваряющая первый день «Декамерона»

Одна из самых знаменитых книг в мире, «Декамерон», была создана, скорее всего, между 1349 и 1351 годами. За образец Боккаччо берет средневековые сборники так называемых *примеров*, новелл на латинском языке, создаваемых для проповедников, причем, источниками не гнушались брать не только эпизоды Священного писания, но и языческие басни, анекдоты, сказки и легенды Древней Греции и Рима Историкам литературы известны сборники «Римские деяния» и «Народные проповеди»).

«Декамерон» Боккаччо стал сам, в свою очередь», образцом для писателей-новеллистов на все последующие века. Однако давайте не забывать, что многие современники считали «Декамерон» произведением посредственным, а Петрарка, например, хоть и перевел книгу на латынь, признавался, что с трудом ее одолел – «слишком толстая…».

Еще одна чудесная средневековая иллюстрация к книге Боккаччо

«Декамерон» содержит десять тематических блоков – десять дней рассказов троих молодых людей и семи девушек, собравшихся в тосканском имении одного из героев, чтоб спастись от чумы – и лучшего развлечения, чем пение и танцы, любовь и игры, купание и прогулки, а, главное, увлекательные, поучительные, фривольные, таинственные истории, они не нашли! Время Боккаччо еще не знало сказок «Тысячи и одной ночи», но как похожи новеллы с обрамляющими конструкциями, новеллы, где внутри одной содержатся другие, на прекрасные сказки мастерицы Шехерезады!

Боккаччо начинает книгу с описания чумы. Он пишет об этом

как очевидец, хорошо зная, что среди его читателей могут быть и, наверное, есть те, кто пережил недавно это страшное бедствие. Он говорит о симптомах болезни и ее неумолимом развитии. О том, как на переполненных кладбищах «рыли преогромные ямы и туда спускали целыми сотнями трупы, которые только успевали подносить к храмам. Клали их в ряд, словно тюки с товаром в корабельном трюме, потом посыпали землей. Потом клали в один ряд – и так до тех пор, пока яма не заполнялась доверху». Никто еще не писал подобным образом до Боккаччо… В сторону реверансы и литературный этикет!

Но, пожалуй, самым горестным следствием моровой язвы явился тот нравственный хаос, который воцарился во Флоренции. Врачи и священнослужители бессильны были перед грозной стихией. Чума рвала и извращала естественные человеческие отношения. Одни запирались в своих домах, другие проводили свое время в оргиях. Никто не занимался полезным трудом… «Бедствие вселило в сердца мужчин и женщин столь великий страх, что брат покидал брата, дядя племянника, сестра брата, а бывали случаи, что и жена мужа, и, что может показаться совсем уже невероятным, родители избегали навещать детей своих и ходить за ними, как если бы то не были родные их дети».

Имена своих избранников, молодых людей, спрятавшихся от чумы, Боккаччо заимствует из собственных произведений – Панфило (Памфило), Филострато, Фьяметта. Желая сделать свой загородный досуг (или последние дни жизни?) достойным и разумным, они решают на протяжении десяти дней рассказывать друг другу по одной новелле в день. Для поддержания естественного порядка они избирают ежедневно королеву или короля. Так и возникает книга, состоящая из ста новелл, рассказанных на протяжении десяти дней. Отсюда и название «Декамерон» (греч.), что означает буквально «Десятидневник».

С благочестивой тирады начинается наша книга новелл, что может навести читателя на мысль, что перед ним произведение, тесно связанное с общими традициями средневековья. «Всякое дело, милейшие дамы, – говорит Панфило, – какое только ни замыслит человек, должно совершаться во имя того, кто положил начало всему сущему, имя же его чудотворно и свято. Вот почему и я, раз уж мне выпал жребий открыть наши собеседования, намерен поведать вам одно из его поразительных деяний, дабы мы, услышав о таковом, положились на него, как на нечто незыблемое, и вечно славили его имя».

Вслед за этим Панфило рассказывает о нотариусе Чеппарелло, человеке в высшей степени порочном: лжесвидетеле, убийце, богохульнике, грабителе, распутнике, пьянице, шулере и

великом обманщике. Даже на смертном одре он так ловко обманул благочестивого монаха, что тот счел его святым… Намеки?

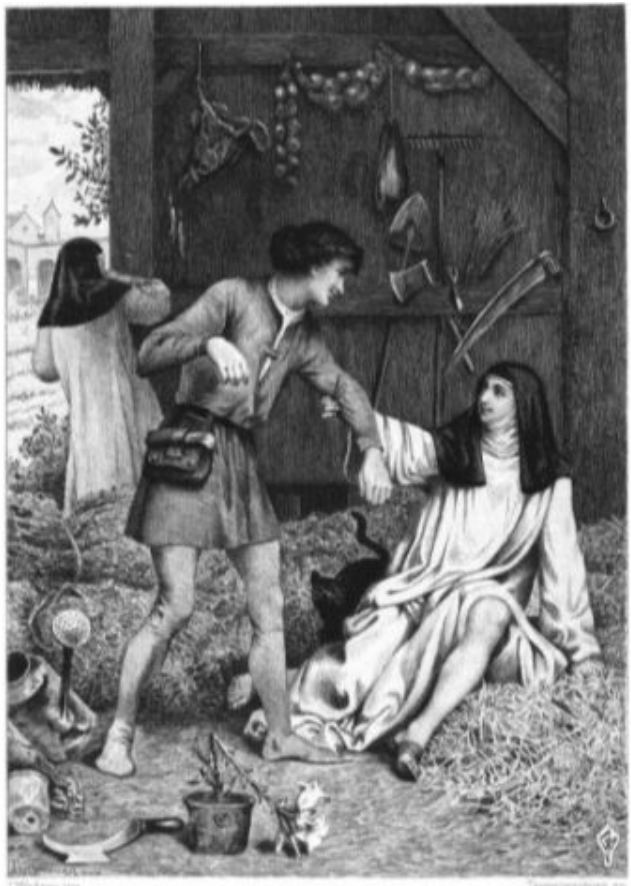


Иллюстрация к еще одной новелле

За первой, собственно вступительной, новеллой, бросающей более, чем сомнительный свет на средневековых католических чудотворцев, следуют другие новеллы, которые тоже можно назвать антиклерикальными. Это известная новелла о богатом парижском купце Абраме (Авраame), которого его друг, итальянский купец, настойчиво уговаривал принять христианскую веру. Прежде чем решиться на столь ответственный шаг, Абрам отправляется в Рим, чтобы поглядеть на главу христианской церкви. Проведя некоторое время в Риме, Абрам пришел к заключению, что папа и все его присные, «от мала до велика, открыто распутничают, предаются не только разврату естественному, но и впадают в грех содомский, что ни у кого нет ни стыда, ни совести… И чем пристальнее он в них вглядывался,

тем больше убеждался в их алчности и корыстолюбии…».

Почти половина новелл первого дня содержит антиклерикальные мотивы, а ведь в этот день рассказчикам дано право толковать «о том, что каждому по душе». Впрочем, не только в новеллах первого дня появляются колоритные фигуры монахов, а то и монахинь – неоднократно мелькают они и потом, заставляя улыбаться слушателей и читателей: озорная новелла о монахе, учащем простодушную девицу, как загонять дьявола в ад, новелла о сладострастном монахе, в обличье архангела Михаила посещавшего доверчивую венецианку и т.д.

На страницах «Декамерона» мы встретим купцов и ремесленников, мореходов, землепашцев, художников, сеньоров и монахов, словом, представителей все слоев тогдашнего общества, причем, стоит обратить внимание, что Боккаччо, как писателю-гуманисту подчас даже симпатичны человеческие свойства его героев.

Конечно, Боккаччо не был бы Боккаччо, если бы в своем значительном произведении не отвел земной человеческой любви достойного места. Любовь царит в «Декамероне», как царила в ранних его произведениях. У рассказчиков и рассказчиц «Декамерона» репертуар включает и откровенные чувственные анекдоты, и повести о самоотверженной аристократической любви. Здесь нет грубого «низа» и изысканного «верха». Это все неиссякающий поток жизни, сверкающий разными красками.

Любовь в книге – это не только буйство плоти, но и большое чувство, способное преобразить человека. Только любовь к прекрасной девушке превратила Чимоне в смелого, сильного, умного юношу… Амур способен не только пробуждать дремлющие умы, но и одерживать победу над роком! «Силы любви безграничны: любовь вдохновляет любящих на смелые подвиги и помогает им выдерживать испытания чрезвычайные и неожиданные…».

Миниатюра-иллюстрация к 5 дню – к той самой новелле о Федериго дельи Альбериги

Достаточно известна новелла о соколе, легшая в основу оперы «Сокол» (1786) русского композитора Д.С.Бортнянского – Федериго дельи Альбериги разоряется ради своей неприступной избранницы, и у него остается только любимый сокол, которого он за неимением чего-либо еще подает на обед пришедшей к нему в гости даме его сердца. Узнав о самоотверженном поступке, дама по-другому начинает смотреть на Альбериги. Вскоре она выходит за него замуж, и он опять становится богатым человеком.

Любовь совершает свои чудеса! Но о несчастной любви повествуют новеллы четвертого дня. Мрачным трагизмом исполнена уже первая новелла этого цикла, повествующая о том, как правитель Салернский убивает любовника своей дочери и посылает ей в золотом кубке его сердце… Смерть от любви завершает новеллу о том, как мессер Гвильельмо Россильоне угощает свою жену сердцем мессера Гвильельмо Гвардастаньо,

которого она любила. Узнав об этом, она выбрасывается из окна, разбивается насмерть, и ее хоронят рядом с ее возлюбленным. А новелла о любви Ромео и Джулии?

Но не только любовь в центре новелл «Декамерона» – Боккаччо не упустил возможность сурово обличить могущественных венценосцев за их кровавые затеи. Устами мудрого Натана он утверждает: «Всевластные императоры и могущественные короли почти исключительно ценой убийства… великого множества людей, – ценою выжигания целых стран и разрушения городов добились расширения владений своих, а следственно, и распространения своей славы». В новеллах последнего дня, прославляющих щедрость и великодушие, Пампинея решительно заявляет, что «почти все нынешние государи – жестокие тираны».

Жизнь героев «Декамерона» бьет через край, кипит: любовь и смерть, доброта и злодейство, хитроумие и смекалка… Автор любит истории с приключениями. Их много в новеллах второго дня, повествующих «о том, как для людей, подвергшихся многоразличным испытаниям, в конце концов, сверх всякого ожидания, все хорошо кончалось». Так, много приключений пережила прекрасная дочь султана Вавилонского. Удивительна история флорентийского купца Алессандро, ставшего мужем английской принцессы, а затем занявшего шотландский престол. К числу лучших новелл «Декамерона» принадлежит новелла о похождениях в Неаполе Андреуччо из Перуджи, который, попав в логово злоумышленников, лишается денег, а затем, подвергнувшись новым опасностям, возвращается домой владельцем драгоценного рубина…

В новелле о Джилетте из Нарбоны героиня, дочь врача, добивается того, что король выдает ее замуж за любимого ею графа Бельтрана. И хотя граф не желает быть мужем простолюдинки, умная и находчивая Джилетта умело добивается своей цели. Эта новелла стала основой комедии Шекспира «Конец – делу венец».

В новеллах Боккаччо то и дело возникают переодевания, узнавания и неузнавания, резкие сюжетные повороты и прочие приемы и мотивы, позднее широко использовавшиеся как в итальянской комедии, так и вообще, во всем мировом театре. Можно сказать, что в «Декамероне» закладывались прочные основы всей европейской литературы.

По страницам книги бродят влюбленные и скупцы, прелюбодеи и весельчаки, мошенники и острословы, но это не плоские фигуры вне времени и пространства, которые часто появлялись в занимательной литературе средних веков. Читатели

«Декамерона» узнавали в них своих современников или людей, память о которых была жива еще в Италии времен Боккаччо (например, герой рассказа Памфило, великий итальянский художник Джотто).

Добавим, что Боккаччо решительно утверждал: что «любую неприличную вещь можно рассказать в приличных выражениях, и тогда она никого не оскорбит, а уж тут я, по-моему, был безупречен». А «если в какой-либо повести и есть нечто непозволительное, значит, этого требовали ее особенности: ведь если посмотреть на такие повести трезвым взглядом человека понимающего, то нельзя не прийти к заключению, что только так их можно рассказывать, а иначе они утратят свою форму». И далее: «*Натуры испорченные в каждом слове ищут грязный смысл, им и приличные слова не идут на пользу, а чистую душу слова не совсем приличные так же не способны отравить, как и грязь – испачкать солнечные лучи…*». Это к вопросу о непозволительных темах, об уникальном солнечном эротизме новелл Боккаччо. «Декамерон» нужно читать!

Резюме: «Декамерон» – это, несомненно, самая «высокая вершина» на творческом пути Боккаччо. А может, после «Божественной комедии» вершина итальянской литературы? Но то, что книга эта оказала величайшее влияние на развитие мировой новеллистики, к счастью, уже и не оспаривается. Боккаччо – один из первых гуманистов и ученейших людей Италии, мрачный и веселый, шутник и пророк, мудрец и острослов – автор книг, без которых будут пусты полки любого, желающего приобщиться к мировой литературе!

§ 4. Лудовико Ариосто

Одна из улиц Феррары

Феррара… Север Италии… Город, имя которого связано с одним из замечательнейших итальянских поэтов *Лудовико (Лодовико) Ариосто* (1474-1533). Благородный род, богатый отец… Феррара давно вызывала неприязнь у окружающих ее городов – Милана, Венеции, Флоренции и, конечно, Рима. Уж слишком независимый и, главное, сумевший остаться мирным во время междоусобных войн, рвавших на части Италию в XV-XVI веках.

В возрасте пятнадцати лет Ариосто поступил в Феррарский университет, где изучал право по настоянию отца. Пять лет жизни! Пять лет Лудовико изучает право вопреки склонностям. Затем – обучение латыни под руководством ученого-гуманиста Грегорио да Сполето, возможно, к этому периоду относятся и самые ранние его стихи как на латыни, так и итальянском языках. Ода на латинском языке «К Филирою» была написана, видимо, в 1494, когда король Франции Карл VIII готовился к вторжению в Италию. Здесь, вполне в духе любимого им Горация, Ариосто заявляет о своем презрении к сильным мира сего. В 1500 году умирает его отец, занимавший крупный пост в герцогстве Феррары. Ответственность за семью легла на плечи Ариосто, старшего сына. К этому времени он уже несколько лет служит при дворе герцогов д'Эсте и в 1503 году поступает на службу к

молодому влиятельному кардиналу Ипполито д'Эсте, который, кстати, был весьма неравнодушен к изящной словесности.

Лудовико Ариосто

Ариосто рассчитывал на должность придворного поэта, слава его росла, хотя материально он, по-прежнему, оставался зависим от милостей хозяина. Обязанности его достаточно прозаичны. В последующие годы, правда, на него возлагали дипломатические миссии, порой связанные с серьезным риском. Злейшим врагом Феррары в то время был папа Юлий II. Ариосто несколько раз ездил в Рим, разъясняя и, по возможности, защищая политику Феррары при папском дворе. Самой рискованной была поездка в 1510, предпринятая в интересах Ипполито д'Эсте, который навлек на себя особое неудовольствие папы. Юлий приказал бросить Ариосто в Тибр. К счастью, поэту удалось бежать из Рима.

В судьбе поэта были и несколько лет в качестве губернатора гористого Гарфаньяна, местности, просто кишевшей бандитами, борьба с которыми шла с переменным успехом.

Вернувшись в Феррару, Лудовико, до этого, как упоминалось, уже писавший стихи на и на латыни, и на народном итальянском языке, стихи, навеянные поэзией Петрарки, работает над «Неистовым Орландо» (Роланд), поэмой, оказавшей огромное влияние на развитие литератур Европы. Источником поэмы Ариосто было произведение Боярдо «Влюбленный Роланд» (1475). Так что, в некотором смысле, поэму Лудовико Ариосто можно считать своеобразным продолжением и расширением эпизода Боярдо о побеге предназначенной в жены старику Намо прекрасной Анжелики.

Одно из самых старых изданий поэмы Ариосто. Милан, 1526 год

Поэма, законченная в 1515 году и посвященная герцогу

Ипполито, была принята им довольно холодно. И в самом деле, даже пересказать-то ее трудно – обилие вставных эпизодов, построенных как вариации известных в литературе тем, затемняют основное содержание поэмы. Доведя одну линию до захватывающего или острого момента, Ариосто бросает ее, чтобы начать новую, которую, в свою очередь, сменяет следующая. Потом следует возвращение к первой линии, развитие ее чуть дальше, и снова ввод новых персонажей, включенных в уже, естественно, в новую ситуацию. Принято считать, что поэму (в ней около 39 000 строк) объединяют три центральные темы: сумасшествие Роланда (героя французского эпоса), война христиан с сарацинами под предводительством Карла Великого, история любви сарацина Руджеро и девы-воительницы Брадаманты, мифических основателей рода д'Эсте. Можно добавить и выделить безумие Орландо (Роланда) как центральную тему, с которой тем или иным образом соотносятся все прочие события поэмы.

Автор выводит на сцену огромное количество героев, персонажей, спешащих через лес, где происходит основная часть действия, в поисках кого-то или чего-то желанного или утраченного. Порой эти поиски странно комичны, порой причудливы, порой разворачиваются точно по законам рыцарского романа…

Темы, затронутые автором, конечно важны и серьезны – сила иллюзии, заставляющая человека без конца и без смысла гоняться за тем, чем он никогда не сможет полностью обладать…

Поэма остроумна, а сложность ее на фоне современной литературы воспринимается совершенно иначе, наших современников научили и Джойс, и Толкин… Сюжет поэмы тщательно выстроен и в то же время уникально разнообразен.

Г.Доре. Иллюстрация к «Неистовому Орландо», 1879 год

Весь известный в ту эпоху мир и бесчисленные фигуры мужчин и женщин, встречающиеся на страницах поэмы отличаются живостью и яркостью, они дышат, существуют и действуют, втягиваясь в один большой водоворот запутанных событий. И все это рассказано настолько чудесным, просто волшебным, языком, что читатели уже не одного столетия любят и читают эту книгу:

С каким шумом щетинистое стадо
Разбегается по холму или полю,
Если волк из черной пещеры
Или с гор спустившийся медведь
Схватит зубом малого кабаненка,
А тот с хрюканьем и визгом, —
Так крича, напирали нехристи
На Роланда: «Смерть ему! Смерть!»…

«Роланд» не остался единственным произведением Лудовико Ариосто – пять комедий в стихах и прозе, среди которых напомним о тонком и изящном «Чернокнижнике», волшебном «Сундуке», действие в котором разворачивается во времена далекой античности – это просто театральное чудо, обогатившее сцены всего мира!

Резюме: поэма, созданная в 1515 году, спустя десятилетие обогатилась еще шестью песнями, и, в окончательно сформированном виде, остается датированной 1532 годом. Это гигантское и мастерски построенное многолюдное сооружение научило и вдохновило несколько поколений поэтов, художников и музыкантов. Оно во многом продолжило труды Данте и Петрарки по формированию итальянской литературы и европейского искусства в целом. Говоря об Ариосто «…*Он мужественно врет, с Орландо куролеся…»,* Осип Мандельштам только подчеркивает фантастическое мастерство выдумщика и рассказчика, великого итальянского фантазера, магистра удивительного сплава реальности и невероятного, яви и сна литературы!

§ 5. Торквато Тассо

Торквато Тассо

Одним из крупнейших итальянских поэтов XVI века следует, безусловно, считать *Торквато Тассо* (1544-1595). Детство и юность его богаты приключениями, путешествиями, переездами… Смотрите – родился в Сорренто, затем живет в Неаполе, Урбино, Риме, Венеции, Падуе, Болонье (в последних двух городах учился на юриста, по настоянию отца, известного поэта Бернардо Тассо, с которым живет с десяти лет). Мать умирает, а возможно была убита братьями мужа…Служба у кардинала д'Эсте, затем у герцога Альфонсо II. Путешествие вместе с ним во Францию и знакомство со знаменитым Пьером Ронсаром[5]. Однако известно, что уже в 70-х годах окружающим стали заметны явные признаки психической неуравновешенности Тассо – во время аудиенции у принцессы Лукреции ему кажется, что за ним следят…

Тассо в заключении. Э.Делакруа

Тассо бросается на слугу… его заточили в монастырь, из которого он сбегает и начинает бродяжничать… Затем Феррара, ссора с герцогом, бывшим некогда его покровителем, заточение в больницу Святой Анны (Торквато приковывают Цепью к больничной койке) на семь долгих лет… Затем отъезд в Мантую, снова странствия по Италии, назначение пенсии от папы Римского, смерть в монастыре Святого Онуфрия под Римом…

И творчество, бурное, нервное, потрясающее своей эмоциональностью и разнообразием тем.

1570 – жизнь при дворе короля в Париже – сонеты и мадригалы.

1573 – Феррара – постановка чудесной драматической пасторали[6] (излюбленный средневековый жанр) в пяти актах. Огромный успех!

Но «Аминта» была лишь мимолетным эпизодом, не

прерывавшим работы над поэмой «Иерусалим» (начало этого поэтического труда было заложено еще в 1562 году). Юношеские наброски пересматривались, переделывались, сюжет подвергался изменению. Весною 1575 поэма была закончена. Но Тассо не пожелал сразу ее напечатать. Он был всегда полон нерешительности, болезненной мнительности, а в этот момент, после огромного нервного напряжения, вызванного столь усиленным, мучительным трудом, его пугала уже одна мысль, что в своем новом произведении он нарушил какие-то литературные каноны, переполнил религиозный сюжет чувственными эпизодами и скрытыми цитатами языческой классики. Торквато показал поэму двум-трем людям, суду которых доверял… Их отзывы заставили его решиться на пересмотр текста… Однако он не успел ничего сделать – душевная болезнь уже подкралась к нему…

GIERVSALEMME
LIBERATA,
Poema Heroico del Signor Torquato
TASSO.
Al Serenissimo Signore; il Signor Donno
ALFONSO II. D'ESTE
DVCA DI FERRARA, &c.
In Ferrara 1581.

Обложка первого издания поэмы Тассо

Пока Тассо находился в заключении, предприимчивые издатели начали выпускать в свет его поэму – барыши изрядные, да только не в карман автора. Одно из изданий, напечатанное в

Парме, и было озаглавлено «Освобожденный Иерусалим». Все эти пиратские издания были сделаны наспех, полны ошибок и неточностей, поэтому Тассо чуть позднее разрешит одному из друзей приготовить авторское издание – он просмотрел его и оставил заглавие со словом *освобожденный*. Этот, теперь уже подлинный «Освобожденный Иерусалим» вышел в 1581.

Содержанием поэмы являются события последнего года первого крестового похода: осада и взятие Иерусалима крестоносцами. В ней фигурируют реальные участники похода: глава христианского войска Готфрид Бульонский, Раймонд Тулузский, Танкред Норманский, исторически известные вожди мусульман. Но Танкред подвергся романтической стилизации, а рядом с лицами историческими появились вымышленные: Ринальдо, один из ранних героев дома д'Эсте, Клоринда, Эрминия, волшебница Армида и множество фантастических персонажей – великаны, чудовища, сверхъестественные силы, небесные и адские…

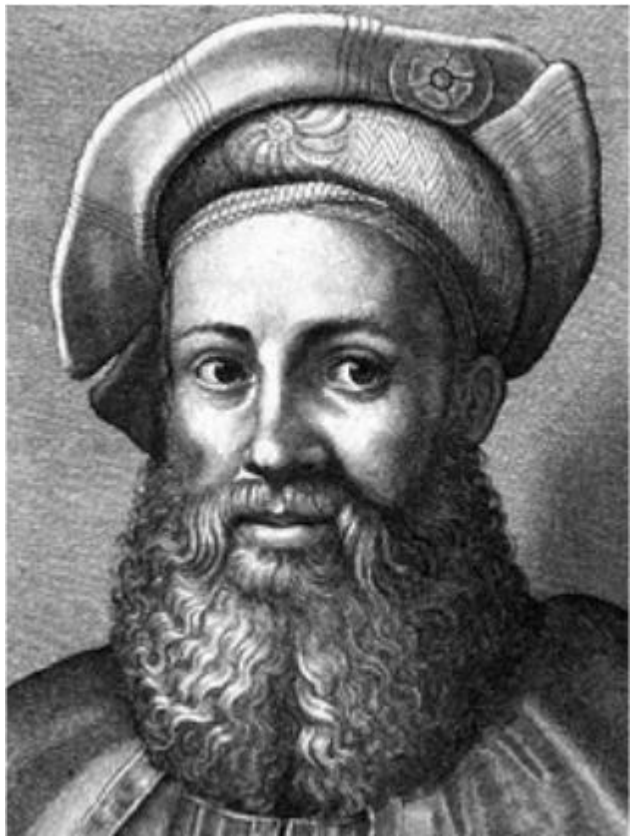
Герои поэмы Тассо Танкред и Эрминия на картине Н.Пуссена. 1649 год

Герои сражаются – битвы идут с переменным успехом… Танкред влюбляется в прекрасную мусульманскую воительницу Клоринду, Ринальдо похищен прекрасной волшебницей Армидой и живет среди океана наслаждений в ее садах, гибнут христиане, мусульмане, пока, наконец, сопротивление «неверных» не оказывается сломленным и Готфрид Бульонский вступает в

Иерусалим…

Резюме: «Освобожденный Иерусалим» был третьей великой рыцарской поэмою Италии после «Влюбленного Роланда» Боярдо (1494) и «Неистового Роланда» Ариосто (1516-1532)… Однако религиозность поэмы перебивается чувственным лиризмом, свойственным более язычеству древних римлян, а эпический пафос обращался в неискреннюю напыщенность. К сожалению, Тассо не смог органически слить воедино две непримиримо враждебные струи в родниках вдохновения. Гениальная поэма оказалась внутренне расколотою, как и психика ее творца. Но ее несравненная поэтическая сделала ее одним из популярнейших произведений не только итальянской, но и мировой литературы.

§ 6. Имена, известные не всем… Пьетро Аретино



Пьетро Аретино

Апрель… Месяц, столь щедрый на даты рождения людей талантливых, особых, что в этом уже замечается что-то мистическое… *Пьетро Аретино* (1492-1556). Тоскана, семья башмачника. Никакого образования, так, осколки, затем, с 14 лет – бродяжничество: был уличным певцом, погонщиком мулов, подручным палача, по некоторым данным – галерным рабом. В Венеции в 1512 году Аретино публикует свой первый сборник. Затем – Перуджа, где он изучает искусства, но изгнание неизбежно – после того, как изобразил Деву Марию с лютней в руках.

В 1516 году, как известно исследователям итальянской литературы, Аретино перебрался в Рим. Там он написал остроумнейшую и столь же непристойнейшую сатиру «Завещание слона», мгновенно привлекшую внимание папы Льва X, против

которого, собственно, она и была направлена. Лев X нашел пристроил Аретино при своем дворе: и под наблюдением, да и поэт талантливый – прославит! После его смерти в 1521 Аретино направил свое саркастическое перо против кардинала Джулио Медичи, впоследствии папы Климента VII, написав несколько язвительных поэм, прозванных пасквинадами (их тексты вывешивались на статуе Пасквино в Риме, близ площади Навона).

Уехав вскоре из Рима, Аретино вернулся туда после избрания папой Климента. Однако вскоре он был вынужден бежать из города: его крайне непристойные сонеты вызвали значительные нападки недоброжелателей. В 1527 Аретино обрел пристанище в Венеции, где написал и опубликовал большую часть своих произведений: комедии в прозе «О придворных нравах» (1526), «Кузнец» (1533), «Философ» (1546), эпическую поэму «Марфиза» (оставшуюся незаконченной), «Рассуждения» чей живой, но не совсем пристойный язык сразу обратил на себя внимание недоброжелателей, трактаты «Диалог о дворе», «Диалог об игре» и шесть томов писем! А трагедия «Горация» (1546)? Впервые в драматургии итальянского Возрождения хор заменяется народом, который определяет исход драматического конфликта. Отсутствие жестоких сцен, прямое развитие сюжета, ясность и однозначность характеров, великолепный язык. Аретино заменяет монологи рассказом о событиях путем непосредственного сценического действия, хотя, правда, не всегда успешно.

I TRE LIBRI DELLA HVMANITA'
DI CHRISTO
DI M. PIETRO ARETINO.
CON GRATIA E PRIVILEGII
M D XXXV.

Разворот книги Аретино «О человечности Христа» с

портретом автора

Комедия «Философ», названная нами выше – произведение истинно новаторское, как по форме, так и по содержанию, несмотря на явное заимствование из новеллы Боккаччо о простаке, ставшем жертвой авантюристки. Но, самое любопытное, что в комедии появляется и вторая сюжетная линия – философ-метафизик с говорящим именем Платаристотель (соединение имен Платона и Аристотеля), столкнувшийся с миром воров и проституток оказывается жестоко наказанным за пренебрежение к женщинам…Комедия чрезвычайно весела, озорна, а ловкое манипулирование сюжетом и легкая театральная условность делает ее поистине одним из шедевров мирового театрального искусства.

Написанные по заказу труды на религиозные темы – романизированные жития – «Вочеловечнный Христос» (1535), «Житие Святой Екатерины» (1540), «Житие Святой Девы» (1540), «Житие Святого Фомы Аквинского» (1543)…

Многочисленные поэтические произведения – канцоны и сонеты… Часто откровенно порнографические…

А.Фейербах.Кончина Пьетро Аретино. 1854 год

Велико значение Аретино, в своих письмах предвосхитившего практически все жанры современной журналистики. Описание гибели военачальника Джованни делла Банде Нере – яркий образчик военной корреспонденции. Нападки на Франциска I по поводу союза с турками – просто готовая передовица на политическую тему. Советы Микеланджело относительно «Страшного суда» – художественная критика. А советы начинающему автору избегать излишней аффектации, описание венецианского заката для Тициана, восхваление олив, грибов, вина и жареного фазана…?

Умер он от сердечного приступа, в собственном доме на Рива

дель Карбон в солнечном октябре…

Вероятно, Пьетро Аретино был первым из европейских писателей, который создал себе положение исключительно благодаря литературному таланту и ловкости. Богатство его, и довольно значительное, создавалось, в основном, из литературных гонораров.

§ 7. Младшая муза Микеланджело

Один из самых вдохновенных художников в истории искусства, один из титанов итальянского Возрождения, выдающийся скульптор и художник, *Микеланджело Буонарроти* (1475-1564), был еще и одним из тончайших лириков своей эпохи.

Фрагмент автопортрета Микеланджело

Конечно, поэзия была самой младшей из его муз, и совершенно верно утверждение исследователей, что, если потомки знают о стихах великого Мастера очень немного, то современники об этом практически ничего не знали…

Друзья пытались заставить Микеланджело подготовить к публикации его стихи, однако сборник так и остался неизданным. Несколько стихотворных посланий и философических сонетов были известны только по письмам и даже вызвали отклик, одно ответное четверостишие получило широкую огласку. Вот, собственно, и все, что просочилось наружу, в свет… Когда внучатый племянник Микеланджело, Буонарроти-младший –

решился опубликовать его стихи, уже после смерти деда, он стал их переделывать! В подлинном, природном своем виде они, по его разумению, не могли бы быть приняты читателями!

Механик и зодчий, скульптор и живописец – вот его основные ипостаси, гордыня не позволяла считать себя поэтом, достойным соперником великим Петрарке и Данте…

Он был поэтом, но не состоял в цехе придворных литераторов, не был светским дилетантом, пишущим на заказ, как многие лучшие художники, его товарищи по гениальности и славе: на песенные мотивы своего сочинения и под аккомпанемент лютни блестящим импровизатором стихов был Леонардо да Винчи, кстати, не пожелавший записать ни одной своей строчки (о его поэтическом таланте мы знаем из упоминаний современников), писал стихи и Рафаэль, сочинявший риторические и галантные строфы… (нам кое-что известно о его стихах по случайно уцелевшим черновикам на рисунках)… Писал и выдающийся мастер скульптуры, ювелир Бенвенуто Челлини…

Для Микеланджело поэзия была делом сердца и, прежде всего, совести, а не забавой и ключом в высший свет, к дворам правителей и пап. Он примеривал к себе судьбу флорентийского изгнанника Данте, судьбу поэта-гражданина, борца, философа, судьи…

Говорят, «Божественную комедию» он знал наизусть. Великая поэма была его Книгой книг. По свидетельству современников, однажды Леонардо, заспоривший на улице с друзьями о Данте, предложил обратиться за разрешением вопроса к шедшему навстречу Микеланджело.

И все же, пожалуй, именно гибкость и утонченность поэзии Петрарки оставило наибольший след, оказало сильнейшее влияние на поэзию Микеланджело – обороты речи, аллюзии, парафразы – мы видим их в строках Микеланджело, забывавшего творивших рядом с ним и погружавшимся в поэзию двухсотлетней давности.

Микеланджело. Ночь

Однако и он соблюдал приличия, что вынуждало его отвечать рифмованным комплиментом на комплимент и бранью на брань, благодарил стихами за подарки, но, к счастью, подобных стихов у него немного (или не сохранились). Нам известны сонеты к Вазари в ответ на подношения книг и яств, сонет к Гандольфо Поррино, восхваляющий небесную красоту его возлюбленной Манчины (видимо, чтобы найти предлог уклониться от воспроизведения в мраморе ее земного облика…), язвительное послание к неким жителям Пистойи, создавшим стихотворный памфлет против Микеланджело, так складывались мадригалы и сонеты, восхваляющие неких донн, и прочее, прочее, забытое или не дошедшее до нас.

Но и здесь – знаменитый ответ на стихи в честь его статуи «Ночь» с гробницы Джулиано Медичи: на приветственное четверостишие Джовании Строцци Микеланджело отозвался великолепными строчками поэта-мыслителя, поэта-гражданина, звучащими так почти по-дантовски:

Мне сладко спать, а пуще камнем быть,
Когда кругом позор и преступленье…

А в составлении эпитафии на гроб совсем юного Чеккино Браччи, которую он стал сочинять по просьбе своего почитателя и покровителя Луиджи дель Риччо – Микеланджело упорно, отринув пятьдесят вариантов, ищет важную мысль, чтобы выразить ее значительными словами…

По словам М.Эфроса, исследователя творчества

Микеланджело, *«…он обращался со словом с той же непреклонностью, как с мрамором, с красками, со строительным камнем, и ощущал свой стих так же весомо и плотно… В микеланджеловском слове есть дикая свежесть – не просто тяжесть, но даже стихийность…»*.

Это и было причиной того, почему внучатый племянник не посмел пустить его стихи в свет такими, каковы они были. Сам Буонарроти-младший был неплохим, хотя и рядовым, поэтом. Его коробила тяжеловесность микеланджеловской поэзии – он от чистого сердца хотел помочь поэту-деду приобрести внимание еще и за стихи, приобрести одобрение потомства. Строчку за строчкой он переделывал их.

В 1623 году появляется переделанное первое издание книги Микеланджело «Рифмы» (Rime). Читая их, потомки могли утверждать, что поэт в Микеланджело был не вровень с мастером изобразительных искусств, не гений, а средний талант… В конце XIX века, в 1863 году, и затем в 1897 году появились на свет подлинные строки Микеланджело, вызвав, кстати, волну недоумения. Теперь некоторые и считают, что Микеланджело писать стихи совсем не умел… А может, он был слишком мудр для нас, мудр, как изваянный им Моисей? Вслушайтесь, вчитайтесь в его строки:

Лишь я один, горя, лежу во мгле,
Когда лучи от мира солнце прячет;
Для всех есть отдых, я ж томлюсь, – и плачет
Моя душа, простерта на земле.

Резюме: особенности микеланджеловской речи, собственные законы его поэзии остались непонятыми и неоцененными. Для историков искусства – это лишь словесные комментарии к статуям, фрескам, зодчеству. А для историков литературы – побочное явление в итальянской поэзии…

Но приходит новое время, человечество прочло достаточно, чтобы суметь оценить и постичь стихи гения, понять, что анализировать их следует так же, как его статуи и картины, что внешнее выражение и внутренний мир его поэзии неразрывны и следует учиться понимать их взаимообусловленность – ведь мы видим ее в Микеланджело-художнике.

Есть истины в реченьях старины,
И вот одна: кто может, тот не хочет;
Ты внял. Синьор, тому, что ложь стрекочет,
И болтуны тобой награждены;

Я ж – твой слуга: мои труды даны
Тебе, как солнцу луч, – хоть и порочит
Твой гнев все то, что пыл мой сделать прочит,
И все мои страданья не нужны.
Я думал, что возьмет твое величье
Меня к себе не эхом для палат,
А лезвием суда и гирей гнева;
Но есть к земным заслугам безразличье
На небесах, и ждать от них наград -
Что ожидать плодов с сухого древа.

§ 8. Николо Макиавелли: политология и литература

Писатель и дипломат, воин и родоначальник политологии, *Николо Макиавелли* (1469–1527) родился во Флоренции, семье нотариуса. Родители его принадлежали к древнему тосканскому роду, были людьми небогатыми, но цену образованию знали. Времена были замечательные для того, кто хотел сделать карьеру – правление Лоренцо Медичи, Лоренцо Великолепного, называли «золотым веком» Флоренции. О детстве Макиавелли известно совсем мало: сам он назвал себя «наблюдателем» политических событий своего времени – вторжения в Италию в 1494 короля Франции Карла VIII, изгнания семейства Медичи из Флоренции, установление республики, вначале под управлением великого неистового монаха Савонаролы.

Николо Макиавелли

В 1498 Макиавелли был принят на службу секретарем во вторую канцелярию, Коллегию Десяти и магистратуру Синьории – посты, на которые он с неизменным успехом избирался затем еще

неоднократно вплоть до 1512 года. К сожалению, с оплатой на этой службе дело обстояло совсем неважно…

В 1506 он занимается работой по организации флорентийской милиции (Ordinanza) и контролирует ее деятельность. Макиавелли считал, что следует создать гражданскую армию, способную заменить наемников, ведь они так часто показывали свою слабость в боях.

Макиавелли выполняет ряд дипломатических и военных поручений на флорентийских землях и во время зарубежных поездок: это было время постоянных кризисов. Италия раздиралась внутренними распрями и страдала от иностранных вторжений.

Макиавелли был близок к главе республики, великому гонфалоньеру Флоренции Пьеро Содерини, и, хотя не имел полномочий вести переговоры и принимать решения, миссии, которые ему поручались, часто носили деликатный характер и были весьма важными. В 1502 году он дважды находился при дворе Чезаре Борджа в Урбино и Имоле. В Риме в 1503 году наблюдал за выборами нового папы (Юлия II), находясь при дворе императора Священной Римской империи Максимилиана I в 1507 году, обсуждал размеры флорентийской дани… Это только немногое из того, свидетелем и участником коего был Николо Макиавелли.

В его докладах и письмах можно обнаружить большинство идей, которые он впоследствии развил и придал им практически совершенную форму.

Карьера его пошла на спад после нанесенного Священной лигой, образованной Юлием II против французов в союзе с Испанией, поражения Флоренции. Медичи вернулись к власти, и Макиавелли был вынужден покинуть государственную службу. За ним следили, он был заключен в тюрьму по обвинению в заговоре против Медичи в 1513 году, его пытали веревкой. После освобождения Макиавелли поселился в поместье Альбергаччо, скромном местечке, доставшемся ему от отца.

Титульный лист знаменитой книги Макиавелли издания 1550 года

Спустя некоторое время, когда Юлий II умер и его место занял Лев X, гнев Медичи смягчился. Макиавелли стал ездить в город, посещать друзей, он даже принимает активное участие в литературных собраниях и надеется вернуться на службу (действительно, в 1520 году он назначается государственным историографом).

Надо сказать, что, в какой-то мере, именно увольнение и крушение республики, которой он верно служил, побудило его взяться за перо. Лишенный возможности заниматься любимым делом – политикой, Макиавелли пишет в 1513 году «Государь» (Il Principe), блестящий и широко известный трактат, написанный в основном в 1513 (издан посмертно в 1532). Первоначально автор озаглавил книгу «О княжествах» (De Principatibus) и посвятил ее Джулиано Медичи, брату Льва X, однако в 1516 году тот умер, и посвящение было обращено к Лоренцо Медичи.

В 1513-1517 годах Макиавелли обращается к истории и создает «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». В 1521 году – «Искусство войны», в 1520-1525 – «Историю Флоренции».

Вероятно, к 1518 году относится написание пьесы

«Мандрагора», вслед за ней появляется «Клиция» (1525), затем новелла «Бельфагор» (в рукописи была до 1520 года). Его перу также принадлежат стихотворные произведения. Хотя споры о личности Макиавелли и его мотивах продолжаются по сей день, он, безусловно, является одним из величайших итальянских писателей.

Обратимся к знаменитой комедии «Мандрагора». История вполне анекдотическая, на первый взгляд, напоминающая новеллу из великого «Декамерона» Боккаччо: главный герой, Каллимако, любит жену старика-богача, глуповатого Ничи.

«Мандрагора» на современной российской сцене

Все просто – создается хитроумный план, помощниками влюбленного становится некий плут и бездельник Лигурио – и Лукреция уже в объятиях Каллимако, который становится не только ее любовником, но и защитником, покровителем, господином…

Герои пьесы ищут выгоду везде, где только можно: забота о кошельке, о собственных интересах (что, собственно, и заставило Ничо уложить в постель к жене любовника) – вот основные цели их жизни. Горьки афоризмы Макиавелли, вложенные в уста Каллимако, героя, в сущности, мелкого и ничтожного… Однако он умен и расчетлив, а своего добивается не хуже, чем идеальный принц, монарх из «Государя», столь любимого многими диктаторами вот уже более четырехсот с лишним лет. Читателям нашего времени любопытно наблюдать столь бурное кипение обыденной флорентийской жизни, где страсть и любовь

переплетаются с политикой, повседневность врывается в управление городом, а герои переходят из собственного дома во дворец правителя, практически, не меняя ни одежд, ни обличия…

Резюме: к сожалению, имя Макиавелли, интеллектуально чрезвычайно высоко одаренного человека, замечательного писателя, необычайно проницательного наблюдателя, обладавшего редкой интуицией и способного к глубокому чувству и преданности, исключительно честного и трудолюбивого, часто употребляется как синоним предательства, коварства и политического аморализма. Отчасти такие оценки вызваны были сначала религиозными причинами, осуждением его трудов как протестантами, так и католиками. Поводом послужила, конечно же, критика христианства в целом и папства в частности. А взгляды его, как политика, родоначальника политологии, часто извращались комментаторами, его фразы об установлении и защите государственности вырывались из контекста и цитировались с целью закрепить расхожий образ автора как злонамеренного советника государей. А главное, на наш взгляд, то, что «Государь» считался его наиболее характерным, едва ли не единственным сочинением, а отобрать из этой книги отрывки, явственно доказывающие одобрительное отношение автора к деспотизму и находящиеся в разительном противоречии с традиционными моральными нормами, очень просто любому внимательному читателю. Но ведь Макиавелли действительно считал политику искусством, не зависящим от морали и религии, по крайней мере, когда речь идет о средствах, а не о целях – вот и сделал он сам себя столь легко уязвимым для обвинений в цинизме именно в тот момент, когда пытался найти универсальные правила политического действия, основанные на наблюдении за поведением людей, а не на рассуждениях о том, каким оно должно быть.

Глава II
Литература Возрождения в Германии

Начать эту главу следует, безусловно, с упоминания о том, что Возрождение в Германии начинается, прежде всего, в вольных и богатых немецких городах. Ученые-гуманисты, сомневающиеся в религиозных догматах, ценившие разум и знания, отстаивали светское образование и светскую культуру. Многие из них путешествовали в Италию, где навсегда проникались любовью и уважением к античному искусству.

§ 1. Себастьян Брант

Таким Себастьяна Бранта увидел А.Дюрер в 1520 году

Вероятно, одним из зачинателей новой светской, а, точнее, бюргерской литературы, следует считать *Себастьяна Бранта* (1457\1458-1521). Этот уроженец города Страсбурга, изучавший право и классическую литературу в Германии и Швейцарии, доктор права, профессор Базельского университета, советник, получивший титул пфальцграфа от императора Максимилиана, муниципальный канцлер Страсбурга, победитель в ученом споре о догмате беспорочного зачатия – как видите, титулов и званий у этого замечательного писателя и мыслителя было вполне достаточно.

Обложка бессмертной книги Бранта

Себастьян Брант к концу XV века был уже достаточно известен как автор сборника латинских стихов, называемого сейчас «Разные стихи», занимался юриспруденцией и составлял своды законов, но наибольшую известность снискало ему стихотворное сочинение на немецком языке «Корабль дураков» (1494).

Изощренная изобретательность, удивительная по простоте и изобретательности мысль – собрать в одном месте всех дураков из всех сословий, профессий, всех возрастов и состояния – с целью… проведения своеобразного смотра-экзекуции. Книга подкреплялась великолепными иллюстрациями – 75 гравюр, большей частью превосходных, в духе ранних работ А.Дюрера, – сделали это произведение поистине светской Библией.

«Корабль дураков» был перевели на нижненемецкий язык в 1497 году, в этом же году появился перевод на же на латынь. На латинской версии основывались французское (1498) и английское (1509) переложения, по мнению исследователей, ощутимо повлиявшие на литературу и мысль Возрождения. Книгу Бранта

знали и читали все выдающиеся европейские мыслители. К концу XVII века насчитывалось около 30 изданий. Кроме того, именно в этом произведении появилось первое из известных в литературе косвенное упоминание открытия Америки Христофором Колумбом.

Осуждение пороков, в которых погрязла Германия (и не только…) – пьянство, невежество, корыстолюбие, чревоугодие – вот она, основная мысль великого творения Бранта. Болваны, собранные по всей Германии, отправляются в странствие из Дурограда в землю обетованную – Глупландию, но, поскольку и кораблем правят дураки, не видать им берега, терпит крушение славное судно – вместилище человеческой глупости. Это надо же, сколько их – ученые-схоласты и знатные бездельники, врачи-шарлатаны и придворные прихлебатели, подхалимы и скупцы, взяточники и сквернословы, блудодеи и пьяницы и даже модники и любители потанцевать!

Я объявляю дураками
Всех тех, кто, дрыгая ногами,
В прыжках дурацких и круженье
Находит удовлетворенье…

Из иллюстраций А.Дюрера к книге Бранта

Каждая глава «Корабля дураков» начинается изречением, афоризмом, и представляет собой обличение того или иного порока, затем следуют примеры и обязательное назидание:

В чести и силе та держава,
Где правят здравый ум и право…

Себастьян Брант жестоко клеймит людей за неразумие, дурость – под его пером корчатся лихоимцы и душегубы, ибо корыстолюбие побеждает все, знанию и мудрости дураки предпочитают деньги и удовольствия… И рыцари, и чиновники, и попы, и купцы – это для них звучат слова о приближении антихриста!

Афоризмы, пословицы и поговорки, заимствованные Брантом из живого немецкого языка его современников, наполняют книгу, делая ее чрезвычайно яркой и доступной и, поэтому, одной из

самых читаемых и цитируемых в средневековой Германии и Европе.

§ 2. Иоганн Рейхлин

Говоря о немецких гуманистах, необходимо сказать несколько слов и о выдающемся гуманисте, ученом, *Иоганне Рейхлине* (1455-1522).

Иоганн Рейхлин

Школу Иоганн закончил в Пфорцхейме, затем одно время был придворным певчим у маркграфа Баденского. Сын вельможи, Фридрих, ровесник Рейхлина, подружился с ним и взял с собой в Париж, где они оба изучали древние языки. В 1478 г. Рейхлин снова посетил Францию и занимался в Орлеане и Пуатье юридическими науками. Кроме этого, как известно исследователям литературы, Рейхлин учился в университетах Фрайбурга и Базеля.

Вместе с герцогом Вюртембергским, в качестве одного из его советников, Рейхлин совершил ряд длительных поездок по Германии и Италии, где совершенствовался в еврейском языке, который стал изучать еще в Париже. По возвращении в Штутгарт он служит асессором верховного суда и прокурором доминиканского ордена, исполняет дипломатические поручения. Император Фридрих III возводит его в дворянство. Позже Рейхлин служит профессором Гейдельбергского университета, затем работает в Ингольштадте и Тюбингене в качестве судьи и адвоката.

Таков краткий перечень основных век жизни немецкого гуманиста. Но что вмещали в себя эти годы?

Важно для нас то, что Рейхлин не принял Реформации! Удивительно, ведь он неоднократно выступал реакционных католических теологов Кельнского университета, требовавших уничтожения еврейских религиозных книг (которые рассматривались им как источник для изучения христианства). Когда в 1509 по просьбе католических теологов Кельнского университета император Максимилиан распорядился сжечь все еврейские книги (за исключением Библии) ввиду их враждебности христианству, Рейхлин добился отмены этого распоряжения. Позиция Рейхлина и вызвала полемику с доминиканцами и схоластами немецких университетов. Рейхлин дал отпор противникам в форме памфлета под названием «Глазное зеркало» (1511), которую Ватикан назвал «опасной книгой, оскорбительной для благочестивых ушей и чересчур благосклонной к евреям». В 1515 борьба достигла апогея, и именно в этот момент группа молодых гуманистов, сочувствовавших Рейхлину, опубликовала сатирический памфлет «Письма темных [или неизвестных] людей». Его название перекликалось с вышедшей в 1514 перепиской Рейхлина, опубликованной им в свою защиту, «Письма знаменитых [светлых] людей». Надо отметить, что столь бурная полемика была вызвана и чрезвычайно, по мнению Ватикана, опасной пропагандой изучения еврейского языка, что, собственно, началось после посещения Рейхлином Флоренции. Здесь он сближается с выдающимися учеными, видными деятелями Платоновской Академии и, в частности, с Джованни Пико дела Мирандола. Именно в эти годы Рейхлин и приходит к выводам, что для правильного понимания Библии и древнейшей ее части – Ветхого Завета необходимо изучение языка, на котором он написан. В 1506 он выпустил первую грамматику еврейского языка, став основателем европейской гебраистики. Кроме того, что уж совсем не нравилось официальной церкви, он считал

полезным для экзегетики изучение таких памятников иудаизма как «Каббала».

Скажем, что Рейхлина поддерживали многие европейские гуманисты (Эразм Роттердамский, Томас Мор), а противники требовали уничтожения этих памятников. Мало того, с 1510 года он ввел преподавание еврейского языка в свой университетский курс.

В 1517 году выходит в свет вторая часть уже упоминавшейся нами книги «Письма темных людей», которую относят к перу Рейхлина (авторство установлено: К. Рубиан, Г. Буше и У. фон Гуттен). Книга написана на исковерканной латыни и представляет собой ряд посланий необразованных мракобесов, пишущих своему защитнику и главному идеологу уничтожения древнееврейских книг Ортуину Грацию.

Титульный лист II части «Писем темных людей», 1517 год

Эти люди нам «знакомы» – Тупиций и Ослятий, Губошлеп и Навозий… Тайные распутники, они усердно соблюдают все обряды и любят на каждом шагу козырять знанием библейских текстов. Надо сказать, что письма этих злобных ханжей, похоже, даже не представляющих, что существуют правила грамматики, заставляют только смеяться над ними и их совершенно беспомощными упражнениями в схоластике…Попробуйте что-

нибудь разобрать:

> Еже и понеже (как сказано у Аристотеля), «сомневаться в отдельных вещах небесполезно», и писано у Екклесиаста: «Предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать все, что делается под солнцем», помыслил я, господин, предать вашеусмотрению некий вопрос, будучи оным вопросом ниспровергнут в сумнение. Однако ж поспешаю заверить достойнейшего магистра: видит бог, не поползновенны мы искушать ни преподобие ихнее, ниже высокостепенствие, а отдаемся под покров щедрот ваших, ища единственно получить руководство и неколебимость супротив оного сумнения. Писано бо в Евангелии: «Не искушай Господа Бога Твоего», и глаголет Соломон: «Всякая премудрость – от Господа, вы же дали мне все знание, каковое во себе емлю, а всякое же благое знание есть источник мудрости, и через то проистекает, что вы предо мною яко бы господь бог, ибо вы, ежели выразиться поэтически, можно сказать, дали мне исполниться изначальственной мудростью. Вопрос же сей учинился при таковом случае: будучи недавно званы ко Аристотелеву застолью, доктора и лиценциаты вкупе со магистрами изрядно возвеселились, и я иже с ними; по первости испили мы каждый три чаши мальвазии, а для закуски употребили мягчайшего хлебного крошева, затертого на вине, засим изволили выкушать от шести яств мясных, курьих и каплуньих, да от одного рыбного; однако ж, отведывая яств, непрестанно чередовались и в питиях, хлебнули вина коцборгского и рейнского да пива эмбекского, торгауцкого и наумбургского; магистры имели изрядное удовольствие и говорили, что новоиспеченные магистры не постояли на угощении и отпотчевали собратьев на славу.

Книга немецких гуманистов, великая насмешка, талантливая литературная мистификация, «Письма темных людей», сыграла огромную роль в очищении сознания европейцев, заклеймив позором невежество, тупоумие, лицемерие и религиозное мракобесие.

§ 3. Ганс Сакс. Истории о докторе Фаусте

Ганс Сакс

Один из самых популярных и известных до сих пор немецких поэтов – *Ганс Сакс* (1494-1576), популярный в свое время мейстерзингер.[7] В восемь лет мальчика отдают в латинскую школу и в обучение сапожнику, а по окончании своего «образования» юноша отправляется в странствование по Германии, – это была воспитательная мера, предписывавшаяся всеми цехами своим подручным и подмастерьям. По возвращении в родной город (Нюрнберг) он получил звание мастера сапожного цеха (это ремесло Сакс считал своим основным достаточно долго), пока поэзия не заняла всю его оставшуюся жизнь. Как и любовь к родному городу! В огромном стихотворении «Похвальное слово городу Нюрнбергу» (1530), в жанре явного панегирика в честь города, он с любовью и тщанием описывает «Нюрнберга устройство и повседневную жизнь». Действительно,

мы узнаем, читая строки Сакса, сколько в вольном городе улиц, колодцев, каменных мостов, ворот и часов, отбивавших время, узнаем о санитарном, общественном и хозяйственном состоянии города. С гордостью пишет поэт и о «хитроумных мастерах», искусных в печатном деле, живописи и ваянии, в литье и зодчестве, «подобных которым не найти в других странах»…

Мастер Сакс делает прекрасную обувь и также успешно сочиняет шпрухи – стихотворения морально-назидательные, трагедии, шванки[8]. К этой поре относится уже и перемена стиля и характера его поэзии. Научившись пользоваться чрезвычайно сложными, вычурными и изысканными формами, пришедшими в мейстерзанг из ранней лирики средневековья, Ганс Сакс начал работать буквально над уничтожением этих форм, их высмеиванием и пародированием.

Мартин Лютер

Он пишет памфлеты и сатиры, агитационные стишки против папы, явно питая симпатии к Реформации и деятельности Мартина Лютера. Ему он посвящает стихотворение 1523 года «Виттенбергский соловей».

Этим стишкам он обязан – именно они прославили его среди современников и потомков. Фастнахтшпили (попробуем перевести как масленичники, стихи, созданные в масленичные

ночи) – наполнены юмором, тонкой наблюдательностью и житейской мудростью горожанина.

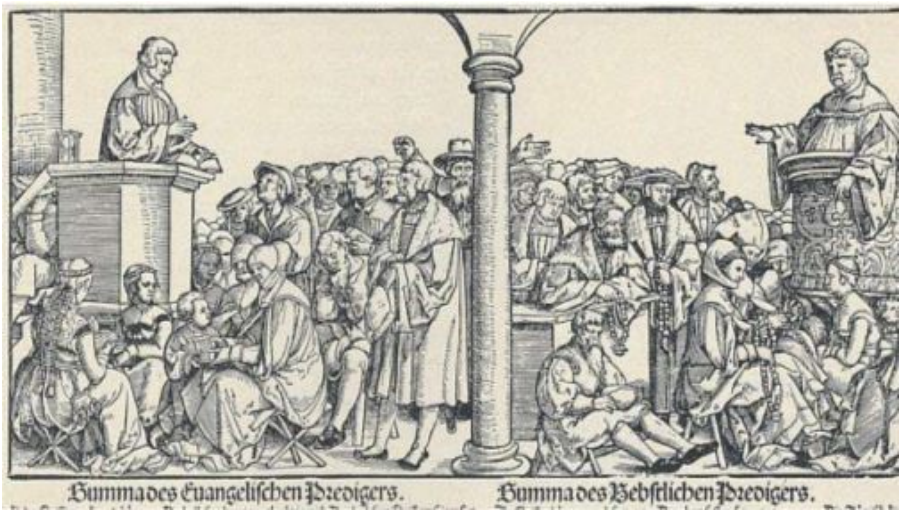
Вполне в духе Средневековья выдержаны дидактические стихотворения Сакса, повествующие о самых разных областях человеческой жизни и знания. Ради пользы и поучения читателей он перечислял «всех императоров Римской империи и сколько каждый царствовал…» (1530), сообщал «О возникновении Богемской земли и королевства» (1537), описывал различных представителей царства пернатых (1531), слагал веселый «Шпрух[9] о ста животных, с описанием их породы и свойств» (1545).

Во всех этих случаях, когда Сакс весело рассказывал какой-нибудь потешный шванк, он, прежде всего, помышлял о пользе читателей, о расширении их умственного кругозора, о воспитании горожан в духе высокой нравственности. Особенно привлекали его сюжеты, где была возможность раскрыть этические воззрения – «Школяр в раю» (1550) рассказывает о простодушной крестьянке, доверившейся плуту-школяру; «Извлечение дураков» (1557) сообщит нам о пороках, извлеченных хирургом из раздувшегося брюха глупца…

Любых сортов найдутся гады:
Ханжи, святоши, конокрады,
Буяны, ерники, лжецы,
И лихоимцы, и скупцы,
Закоренелые злодеи,
Алхимики и чудодеи…

Сакс – ярый проповедник трудолюбия, честности, умеренности, он явный моралист-дидакт: богачей он хочет видеть щедрыми и отзывчивыми, детей – послушными и добронравными, брак для него святыня, а дружба – украшение жизни…

В большом аллегорическом стихотворении «Корыстолюбие – обширный зверь» (1527) Сакс рассматривает эгоизм, стремление к наживе как основную причину мирской неурядицы. Там, где корыстолюбие, – там увядают сады и редеют леса, хиреет ремесло, пустеют города и рушатся государства. Лишь забота об общем благе могла бы спасти Германию от неминуемой гибели – это основная тематика «Достохвального разговора богов, касающегося разлада, царящего в Римской империи» (1544).



Гравюра с подписью Ганса Сакса «Проповедь католическая и лютеранская» Нюрнберг, 1529

А вот простых мужиков, кстати, горожанин Сакс не любил за жадность, пронырливость и способность к предательству…

Ганс Сакс умер в 1576 году, оставив нам около двух тысяч произведений! Большинство из них поныне еще и не издано и хранится в библиотеках старинных немецких городов.

Лет за восемь до смерти Ганс Сакс написал свою автобиографию, в которой, собственно, и оставил потомкам перечень своих творений…

Необыкновенная легкость и прекрасная, удобная рифма стихотворных произведений Ганса Сакса привлекала многих писателей позднейших времен, но только один из них использовал ее в полной мере в одном из самых известных произведений мировой литературы. Речь идет об Иоганне Вольфганге Гете и его величайшей трагедии «Фауст»…

Доктор Фауст?

Фауст? Да, вполне реальный доктор Иоганн Фауст (по некоторым источникам, Фуст). Доктор, чернокнижник, живший в первой половине XVI веке в Германии. Легендарная биография его сложилась уже в эпоху Реформации и на протяжении целого ряда столетий является темой многочисленных произведений европейской и мировой литературы. Данные о его жизни крайне скудны. Он родился, по-видимому, около 1480 в городе Книттлинген, в 1508 служил учителем в местечке Крейцнах, бежать оттуда, преследуемый согражданами. В качестве чернокнижника и астролога разъезжал по Европе, выдавая себя за великого ученого и похваляясь, что может сотворить все чудеса Иисуса Христа или же «воссоздать из глубин своего познания все произведения Платона и Аристотеля, если бы они когда-нибудь погибли для человечества» (из письма ученого аббата Тритемия, 1507).

В 1539 след его теряется.

Фигура доктора Фауста быстро приобрела символически-легендарные очертания и широкую популярность. В 1587 в Германии появилась первая литературная версия легенды о

Фаусте, так называемая «народная книга» о Фаусте – «История о докторе Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике». В книгу вплетены эпизоды, в которых легко прочитывается приписываемое ранее различным чародеям – Симонуволхву, Альберту Великому и др. Источником книги, кроме устных сказаний, служили сочинения по ведовству и «тайным» знаниям – книги теолога Лерхеймера, ученика великого ученого (и мага) Меланхтона, книга И. Вира, ученика известного алхимика Агриппы Неттесгеймского. Автор – собиратель историй о Фаусте, вполне мог быть лютеранским пастором, ибо главное в книге – изображение героя дерзким нечестивцем, вступившим в союз с дьяволом ради приобретения великого знания и силы. Заключительная глава книги повествует о «страшном и ужасающем конце» Фауста – его разрывают на части бесы, а душа нечестивца идет в ад…

В 1589 году появляется еще одна редакция анонимного издания истории доктора Фауста – удивительное дело – теперь перед нами не просто маг, перед нами ученый-гуманист. Преподаватель, учитель, герой эпохи…!

Из иллюстраций к историям о докторе Фаусте

Народной книгой о Фаусте воспользовались многие –

Кристофер Марло, выдающийся английский драматург, Готхольд Эфраим Лессинг, зачинатель Просвещения в Германии, великий Гете, уже упоминавшийся нами, лауреат Нобелевской премии Томас Манн, польский фантаст Кшиштоф Фиалковский и многие другие, чье воображение оказалось разбуженным неувядающими легендами о разумнике и чудотворце, вечном неуспокоенном искателе истины, символе неудовлетворенности человеческого разума и его дерзновенных порывов…

Глава III
Франция, Возрождение, литература великих

Танцующие рыцари и дамы. Средневековая французская миниатюра

Возрождение во Францию приходит достаточно поздно. XVI век. Влияние расположенной рядом Италии, борьба гугенотов и католиков, открытие первого светского университета – Коллеж де Франс, перевод Библии на французский язык, вражда Франциска I с Папой римским, Варфоломеевская ночь, кружок сестры короля Маргариты Наваррской, автора знаменитой книги «Гептамерон» («Семидневник»), созданной как блестящее подражание «Декамерону» Боккаччо; поэзия Бонавентуры Деперье, составившего весьма вольнодумное творение «Кимвал мира» и озорные новеллы «Новые забавы и веселые разговоры». Поэт Клеман Маро, автор «нескладух» или «нескладиц», рондо и сонетов, изгнанник, вынужденный бежать в Италию из-за подозрения в сочувствии к гугенотам… Теодор Агриппа д´Обинье, сочинивший «Трагические поэмы», расскажет нам об ужасах

междоусобицы…

Но вершин своих Возрождение во Франции достигло гораздо позже…

§ 1. Ученый насмешник Франсуа Рабле

Загадочный и неуловимый, таинственный *Франсуа Рабле* (предположительно 1494-1553). Мы ничего не знаем о дате его рождения, исследователи называют и 1495 и даже 1483. Ученый Абель Лефран считает, что родился он, вероятно, 4 февраля 1494 года где-то в местечке Шинон, находящемся в Турени. Предположительно, отец его содержал кабак, хотя некоторые утверждают, что он был аптекарем, или торговцем вином. Мать Рабле умерла, когда мальчик был совсем маленьким, а, согласно другим источникам, очень рано отказалась от сына и отдала его в монастырь…

Франсуа Рабле

Прямо из этой, возможно, кабацкой, среды, где проходят первые 8 или 10 лет жизни Рабле, он попадает во францисканский монастырь Сельи, оттуда в монастырь де ла Бометт, затем, вероятно, в качестве ученика, в кордельерское аббатство в Фонтене-ле-Конт. В монастырях, собственно, Рабле и получает свое начальное образование. Учился, считается, очень

хорошо и за время пребывания в монастырях изучил несколько иностранных языков, не считая обязательных греческого и латинского.

Ряд источников сообщает, что епископ д'Эдиссак, который покровительствовал способному юноше и предложил ему перейти в бенедиктинский орден, способствовал получению для этого одобрения самого папы Римского Климента VII. Однако, видимо, очень скоро, Рабле оставляет монастырь и переезжает в дом епископа, чтобы стать его секретарем. В это время он знакомится с известными людьми своего времени – поэтом К. Маро, богословом Ж. Кальвином.

С разрешения архиепископа будущий писатель начал заниматься медициной и вскоре отправился в университет города Монпелье для учебы на старейшем европейском медицинском факультете. Через два года, получив звание бакалавра, Рабле оставляет учебу.

Далее, возможно, следует переезд в Лион, где он трудится врачом в городской больнице. Там он впервые начинает заниматься литературным творчеством. Возможно, это произошло благодаря поддержке знаменитого голландского гуманиста Эразма Роттердамского, с которым Рабле состоял в переписке.

В начале 1532 года французы читают замечательную книгу с длиннющим (что, впрочем, их не испугало) названием «Пантагрюэль, король дипсодов, показанный в его доподлинном виде, со всеми его ужасающими деяниями и подвигами, сочинение покойного магистра Алькофрибаса, извлекателя квинтэссенции». Итак, замечательный псевдоним, который мы считаем анаграммой его имени – Алькофрибас Назье!

Титульный лист первого издания «Пантагрюэля»

Анонимный автор сразу же становится известным далеко за пределами Лиона.

В следующем, 1533 году, выходит продолжение книги, а чуть позже новые и новые главы. Их выпуском автор занимался практически всю оставшуюся жизнь, видимо, говорим мы снова, сочетая литературный труд с занятиями медициной.

Исследователи предполагают, что по инициативе епископа Жана дю Белле, Рабле в составе посольства короля Франциска I отправился в Рим, где, собственно, ни на день не прекращал работы, а по возвращении в Лион написал еще один том своей

великой смеховой эпопеи, рассказав нам ряд подробностей о жизни Пантагрюэля, отца Гаргантюа. Впечатления от поездки в Италию и от пребывания при папском дворе спровоцировали запрет книги Рабле – имя его, кстати, уже было известно, и скрыться под псевдонимом не представлялось возможным. Опасаясь преследований, Рабле уезжает в Италию, в Рим, где проводит более трех лет, числясь секретарем епископа дю Белле, а вернее, уже кардинала, благодаря покровительству которого он и сумел избежать преследований со стороны французской инквизиции.

Считается, что, находясь в Риме, Рабле занимается медициной, неожиданно увлекается археологией и даже пишет книгу об античных памятниках Рима.

Франсуа Рабле за чтением. Анонимный портрет начала XVII века. Париж, музей Карнавале

В 1537 году Рабле ненадолго приезжает во Францию в свите кардинала, получает степень доктора медицины и выбивает королевскую привилегию на дальнейшее издание своих книг во Франции. В 1542 году выходит самое полное издание творения

Рабле, где впервые рассказывается о современной автору Италии и достаточно ядовито высмеивается двор французского короля.

Титульный лист 4 книги Рабле о великанах

Резкость этих явно антикоролевских выпадов опять привлекает к Рабле внимание инквизиции, и теперь, вопреки королевской привилегии, книги его сжигают на площади. По совету друзей, Рабле решает больше не испытывать судьбу и уезжает из Франции. Теперь – в Германию, где в городке Меце начинает работать врачом. Уезжая, Рабле оставил своему лионскому издателю рукопись четвертой книги. Она вышла в свет в 1548 году, когда Рабле приезжает Италию вместе с кардиналом дю Белле.

Благодаря могущественным покровителям жизнь писателя постепенно налаживается, он даже становится кюре в Медоне, недалеко от Парижа, что было обычным в те времена поощрением

за поступки, угодные церкви. Должность не требовала больших забот и давала приличный доход. Рабле спокойно занимается литературной и, вероятно, ученой деятельностью. Он завершил еще одну книгу и печатает ее в 1552 году.

Один из современников довольно ядовито (и не без оснований) утверждал, что Рабле печатают больше, чем Библию. Однако многочисленные доносы и обвинения в вольнодумстве, ереси и неуважении к королю вновь заставляют писателя волноваться – он спешно и тайно уезжает в Лион, предварительно распустив слух, что арестован и посажен в тюрьму.

Угроза ареста миновала, через несколько месяцев Рабле возвращается в Париж, привозит пятую (последнюю для него) книгу, которая появляется уже после смерти его от болезни сердца. Книгу, вышедшую в 1564 году, некоторые исследователи считают созданной уже не самим Рабле – вероятно, ее закончил кто-то из друзей покойного писателя…

Сюжет для своей книги Рабле взял из народной лубочной литературы: веселые сказки о добрых и смешных великанах читали и любили практически во всей Европе – и в Германии, и в Италии, и во Франции. Но автор настолько украсил эти истории описаниями современной ему французской жизни, едкими замечаниями в адрес корыстолюбивых священников, продажных судей, ученых-философов, папы и короля, своей великой ученостью и остроумием, что мы видим совершенно самостоятельное и уникальное произведение.

Г.Доре иллюстрировал и книги Рабле

До России книга Рабле дошла очень поздно – только в начале XX века. Первая попытка перевода на русский язык романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» была сделана в 1901 году и оказалась неудачной, и лишь в 1961 году перевод Н.М. Любимова дал нам представление об этой веселой и умной книге.

Во французской литературе влияние Рабле, безусловно, отмечается в произведениях Ж. Б. Мольера, Вольтера, О. Бальзака, Р. Роллана, А. Франса и многих другие более или менее известных нам писателей.

В своей огромной книге Рабле дает грандиозную картину жизни Франции, всех слоев современного ему общества. С большой любовью и пониманием его нужд и забот изображено крестьянство, жизнь деревни и ее обитателей – от беднейших крестьян и бродяг до мелких провинциальных сеньоров. Жизнь города, воссозданная Рабле, бурлит и кипит, причем городское общество изображено не единым, а разделенным, как то и было в

реальности, на многочисленные слои и прослойки: от отцов города, богатеев, ростовщиков до городской бедноты, пестрого, горластого, вороватого люда, ремесленников всех мастей, пекарей и пивоваров рыночных торговцев… Перед нами городская интеллигенция – судейские, духовенство, жонглеры и комедианты, врачи-шарлатаны, гадалки, предсказатели судьбы и составители гороскопов, степенные горожане и гулящие девки. Действие мечется от замка до дворца короля, от монастыря до университета, из леса в поле, с корабля на землю… Сатира – вот и оружие, и свойство кисти Рабле. Смех – его стихия, стихия его книги!

Рабле в иллюстрациях Доре

Перед читателем мелькают жители всех почти французских провинций, немцы, итальянцы, голландцы, англичане, шотландцы, иностранная речь (и это не считая латыни и греческого) звучит со страниц книги. Герои путешествуют по миру – Турция и Африка, татарское ханство и Московия, фантастические, придуманные Рабле земли и народы, сказки о которых пользовались огромной популярностью (чему немало способствовали истории, рассказанные реальными путешественниками – Марко Поло, Магелланом и другими).

Итак, как мы начинаем понимать, книга Рабле – подлинная энциклопедия французского (да и не только) Возрождения. Жизнь великанов, их учение и образование, ум и смекалка, путешествия и приключения, их добродушное чревоугодие и грубая непристойность, простота нравов, двусмысленность

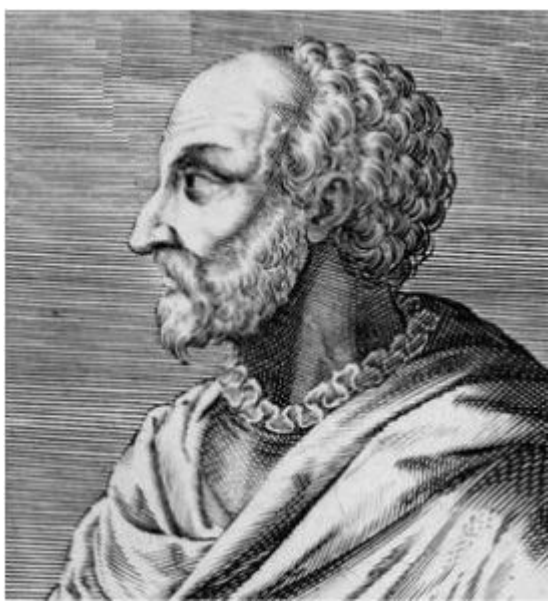
высказываний и поиски идеала – все это заставляет, по правде говоря, не только смеяться, но и о многом задумываться… Кроме того, многие эпизоды романа просто не поддаются однозначному толкованию (и, прежде всего, рассказы о воспитании Гаргантюа…). Идеалы общественного устройства, так, как его понимает мыслитель Рабле, мы увидим в главах, посвященных Телемской обители, с ее порядком наоборот, с ее девизом – «Делай, что хочешь!». А двойственное отношение к монахам? С одной стороны – неприязнь, но с другой – любимый герой Рабле – монах, брат Жан, Жан-зубодробитель! Что это? Слабость или колебания автора? Полагаем, что это просто еще одна из граней его таланта – подлинная диалектика, найденная и определенная, сформулированная вполне самостоятельно этим гениальным нашим теперь знакомцем – неунывающим Франсуа Рабле.

Один из многочисленных памятников Рабле во Франции

Резюме: Рабле провозгласил своей книгой то, в чем никогда и не сомневался и не терял надежды, – неудержимое стремление людей к знанию, неограниченные возможности людей, которые, может быть, «доберутся до источников града, до дождевых водоспусков и до кузниц молний, вторгнутся в область Луны, вступят на территорию небесных светил и там обоснуются, и таким путем сами станут как боги». Это так, но и, как справедливо отметил автор замечательного труда о творчестве Рабле М.М. Бахтин, основная задача автора была «…разрушить официальную картину эпохи и ее событий, взглянуть на них по-новому… с точки зрения смеющегося народного хора на площади», что подтверждается, кстати, и замечательным народным, соленым, доступным и понятным языком книги.

§ 2. «Плеяда». Поэзия Пьера Ронсара

В 1549 году несколько молодых поэтов, объединившись, назвали себя «Бригадой»… Пьер Ронсар и Жан Антуан де Баиф (их встреча произошла еще в 1547 году, вблизи Пуатье), Жоашен дю Белле и Жан Дора… Книги, книги, книги, античная поэзия и современная им итальянская культура, Овидий, Вергилий, Данте, Петрарка – создать новую литературу – вот благая цель, поставленная перед собой этими молодыми французами… В 1553 году в состав «Бригады» входило уже несколько десятков человек. Меняется и название – в 1556 году в одной из своих элегий («Элегии Кретофлю де Шуазелю») Пьер Ронсар впервые употребил слово «плеяда», уподобив себя и еще шестерых – Жоашена дю Белле, Жана Антуана де Баифа, Понтюса де Тиара, Этьена Жоделя, Гийома Дезотеля, Реми Белло – семи звездам одноименного созвездия. Кроме того, так называли себя творившие в III веке до нашей эры в Александрии поэты-трагики.



Жан Антуан де Баиф

«Плеяда» всегда, до конца, оставалась группой друзей, чье братство только укреплялось поэзией. В свои поэтические сборники они часто включали произведения соратников.

Но не только общность тем, строения их стихотворений, общий строй поэтического искусства – сам смысл их объединения, желание создать новый французский литературный

язык, новую культуру, возрождаемую ими через подражание античности – вот что делало их близкими, именно об этом и говорил Дю Белле в ученом трактате «Защита и прославление французского языка» (1549). Да, подражать, заимствовать лучшее, как писал Ронсар:

Я, древних изучив, открыл свою дорогу,
Порядок фразам дал, разнообразье слогу,
Я строй поэзии нашел – и волей муз,
Как римлянин и грек, великим стал француз…

Надо отметить, что поэты «Плеяды» достаточно резко обходятся с предшествующей им литературой средневековой Европы, с литературой Франции – известные ранее, раз и навсегда установленные тесные рамки известных жанров – рондо, баллады и др. – казались им тесными и чересчур изысканными, а вот ода[10], элегия[11], сатира[12], эклога[13]…Строгое распределение жанрами ими отрицается вообще – ведь об одном и том же можно говорить по-разному… Оды хвалебные – и здесь за образец берутся торжественные строки древнегреческого поэта Пиндара (такие произведения, оды к случаю, стали называть пиндарическими), оды философские – здесь на помощь пришел великий римлянин прошлого – Гораций (ода-размышление стала называться горацианской). Следует заметить, что горацианская ода и лучше привилась и надолго утвердилась во французской поэзии.

Жоашен дю Белле

Бытовые подробности и сельские пейзажи, фонтаны и жаворонки, лесные цветы и бабочки постепенно вытесняют торжественные и громкие хвалебные слова и темы, лирическое начало все больше утверждается в строках поэтов «Плеяды». Реми Белло в своих книгах «Пасторали» (1565) и «Драгоценные камни» (1575) напишет о цветах, о птицах, о лесном светлячке:

…О, светлячок, о малый жук,
Всевластной ночи непокорный,
Под страшным сводом тверди черной
Бесстрашно льющий свет вокруг!

Действительно, «кто заставит меня радоваться, огорчаться, любить, ненавидеть, любоваться, удивляться…», тот достоин называться поэтом, по мнению Дю Белле.

Пьер Ронсар

Признанным мастером, главой «Плеяды» мы назовем по праву упомянутого уже *Пьера Ронсара* (1524-1585). Пьер де Ронсар родился 11 сентября 1524 в замке Ла-Поссоньер, в долине реки Луары (провинция Вандомуа). По одним источникам, родители его были богаты, по другим, лишь знатны… Видимо, обучался в коллеже в Наварре. Исследователям известно, что вскоре совсем юный Ронсар становится пажом сыновей, а затем сестры короля Франциска I, принцессы Мадлен. В качестве секретаря Лазара де Баифа, одного из крупнейших гуманистов своего времени, видного дипломата и отца Антуана де Баифа, Ронсар посетил Шотландию, Англию и Эльзас. Во время последнего путешествия он познакомился со многими знаменитыми учеными, но тяжелая болезнь, следствием которой стала почти полная глухота, помешала его дипломатической и военной карьере.

Король дарует Ронсару церковный чин аббата, несколько приходов, а, главное, свободное время для изучения классической литературы и занятий поэзией… Позже, в 1560 году Ронсар служит придворным поэтом Карла IX.

Вместе с несколькими молодыми дворянами, влюбленными в поэзию и науку, Ронсар создает литературное объединение. Их наставником становится влюбленный в античность поэт и

переводчик Жан Дора.

Титульный лист издания произведений Ронсара 1609 года

Многие исследователи французской литературы считают творчество Ронсара очень неровным, а произведения его неравноценными… «Оды» в пяти книгах, созданные в период с 1550 по 1553 год в подражание Пиндару и Горацию, называют слишком искусственными и чересчур аффектированными. Незаконченную поэму эпического плана «Франсиада» (1572) называют излишне суховатой и неудачной… Настоящую славу принесла Ронсару лирика. В 1552 году выходит чудесный сборник любовных стихотворений, обращенных к Кассандре, в 1553 году – сборник «Шалости», затем «Продолжение любовных

стихотворений» (1555-1556) и «Сонеты к Елене» (1578). Перед читателями возникли совсем небольшие, очаровательны и озорные, грустные и трагичные любовные новеллы…

Любя, кляну, дерзаю, но не смею,
Из пламени преображаюсь в лёд,
Бегу назад, едва пройдя вперёд,
И наслаждаюсь мукою своею.

Одно лишь горе бережно лелею,
Спешу во тьму, как только свет блеснёт,
Насилья враг, терплю безмерный гнёт,
Гоню любовь – и сам иду за нею.

Стремлюсь туда, где больше есть преград,
Любя свободу, больше плену рад,
Окончив путь, спешу начать сначала.

Как Прометей, в страданьях жизнь влачу,
И всё же невозможного хочу, —
Такой мне Парка жребий начертала.

Здесь главное – тема стремительно бегущего времени, увядания цветов и прощания с юностью (знаменитый мотив Горация – «carpe diem» («лови мгновение»). Ронсар принес во французскую поэзию разнообразие поэтических размеров и сотворил истинную гармонию стиха. Он не заимствовал внешние формы у древних, но античность живет и дышит во всем его творчестве. Кроме того, вполне ощутимо влияние великих итальянцев. В его песнях и сонетах (всего около 600) о любви и природе ощущается нежная чувственность и грусть, возникают мотивы увядания и смерти:

Liuret de folaſtries

A Iamot Pariſien

Plus quelques Epigrammes grecs & des Dithyrambes chantez au Bouc de I. Iodelle Poëte Tragiq.

Титульный лист «Книги шалостей», 1553 год

О, прав, стократно прав философ и поэт,
Что к смерти иль концу все сущее стремится,
Чтоб форму утерять иль в новой возродиться.

Но была еще и политика – был эпоха религиозных войн… В «Рассуждениях о бедствиях нашего времени» (1562) Ронсар проявил себя подлинным мастером политической сатиры, поэтом-патриотом, хотя, правда, довольно непоследовательным… А его «Речь к кардиналу де Шатильон»?

Блажен, кто по полю идет своей дорогой,
Не зрит сенаторов, одетых красной тогой,
Не зрит ни королей, ни принцев, ни вельмож,
Ни пышного двора, где только блеск и ложь.
…Ступай же, кто не горд! Как нищий, как бродяга,
Пади пред королем, вымаливая блага.
А мне, свободному, стократно мне милей
Невыпрошенный хлеб, простор моих полей…

Многие называют Ронсара предшественником всех лирических поэтов будущего, но отмечают как главный недостаток его поэзии однообразие внутреннего содержания, отсутствие ярко выраженной индивидуальности.

Великим его признают только в качестве создателя богатой лирической формы и новых, чрезвычайно разнообразных размеров (ронсаровская строфа). Однако Ронсара любили и читали, ему подражали (в том числе и великий Шекспир), им восхищались, его слава достигла Германии и Италии, Голландии и Швеции, Англии и Польши.

Более, чем скромный памятник П.Ронсару в Париже

Резюме: мы полагаем, что в этом качестве лучше всего выступит одно из замечательных творений самого Ронсара…

Я высох до костей. К порогу тьмы и хлада
Я приближаюсь глух, изглодан, чёрен, слаб,
И смерть уже меня не выпустит из лап.
Я страшен сам себе, как выходец из ада.

Поэзия лгала! Душа бы верить рада,
Но не спасут меня ни Феб, ни Эскулап.
Прощай, светило дня! Болящей плоти раб,
Иду в ужасный мир всеобщего распада.

Когда заходит друг, сквозь слёзы смотрит он,
Как уничтожен я, во что я превращён.
Он что-то шепчет мне, лицо моё целуя,

Стараясь тихо снять слезу с моей щеки.
Друзья, любимые, прощайте старики!
Я буду первый там, и место вам займу я.

Имя Ронсара останется навеки в истории французской и европейской литературы, ведь именно поэт, по его собственному мнению, способен вписать нее все окружающее: и короля, и цветок, и себя – поэзия всесильна!

§ 3. Мишель де Монтень

Мишель де Монтень

Философ и основатель нового жанра – эссе[14] – в мировой литературе, *Мишель Монтень* (1533-1592), родился в замке отца (Монтень) недалеко от города Бордо, где в свое время его отец Пьер Эйкем был мэром.

Отец был, весьма уважаемый и просвещенный чрезвычайно заинтересован в гуманистическом воспитании своего сына и, всячески в этом участвовал, ну, хотя бы тем, что разговаривал с ним исключительно на латыни (взятый в качестве воспитателя сына учитель немецкого языка знал только свой родной и латынь…). В шесть лет Мишель поступает в коллеж в Бордо, а в тринадцать лет заканчивает полный курс всех наук, что там преподавались.

После этого Монтень учится юриспруденции в Тулузском университете, надо сказать, здесь полный курс им не был пройден по самым разным причинам, затем он поступает на службу в качестве парламентского советника и выполняет эти обязанности до 1570 года, когда, оставив службу, уединяется в своем поместье, женится и почти все время проводит в забитом книгами кабинете в башне.

В 1572 году Монтень, будучи наследником замка, Монтень (после смерти отца), семейным человеком, не ощущающим недостатка ни в средствах, ни во внимании родных, которые

никак не беспокоили главу семейства, приступает к работе над своими знаменитыми «Опытами». Полный текст книги вышел уже после смерти автора в 1595 году.

«Опыты», которые благодаря своему французскому названию – эссе – и стали началом нового жанра, книга совершенно уникальная, ибо представляет собой совершенно свободное сочетание примеров, описаний, размышлений и рассуждений, анекдотов и примеров, наблюдений и цитат (о, цитат, особенно латинских, в книге великое множество!).

Титульный лист первого издания «Опытов»

Античность славилась подобными творениями, да начало средневековья поощряло такие книги. А главы «Опытов» так и хотят напомнить читателя о великих традициях античности и Возрождения – «О запахах», «О молитве», «Об обычае носить одежду», «О совести», «О добродетели» и пр. Главное в книге Монтеня – субъективность, свой собственный, особый взгляд на все события и явления окружающей жизни. А новаторская, найденная им доверительная интонация обращения к читателю!

Свободная, не напрягающая и не настораживающая композиция, позволяющая открывать книгу в любом месте и читать ее с любой главы? От одной темы к другой, свободно и без напряжения, следуя только за мыслями этого удивительно тонкого и умного человека, обладающего не только гигантскими знаниями, но, и это главное, желающего приобщить к ним нас, читателей, проникнуть в глубины психологии как древних авторов, так и современных ему европейцев, проанализировать, оценить и переоценить все культурное наследие человечества.

Мастер психологического анализа, иначе не назвать Монтеня, он пытается на наших глазах раскрыть самые сокровенные тайны духовной жизни, изучает личность диалектически, в развитии, подвижности динамике, изменчивости. Он скептик, но скептик не столько по природе, сколько по сути анализа, скептик созидающий, творящий…

Так выглядит замок Монтеня сегодня

Схоластика и ханжество, невежество и пороки всех мастей должны быть развенчаны – мир накопил столько знаний, что пришла пора делиться ими: «Я люблю и почитаю науку… Нет стремления более естественного, чем стремление к знаниям». А какие чудесные строки он посвящает учению, книгам, слову! Его принципы предвосхищают гносеологию выдающихся философов средневековья – Бэкона, Декарта, Гоббса, Локка и других.

Может показаться удивительным, что человек, обладающий такой суммой знаний, таким огромным, просто бескрайним информационным полем, не был атеистом. Да, его личный католицизм – не столько убеждение, сколько политическая необходимость… По внутренней сущности, Монтень

вольнодумец. Чего стоит его ирония по отношению к загробной жизни и бессмертию души! А примеры, наглядно иллюстрирующие отрицательную роль церкви в жизни народа? Задолго до Вольтера, кстати.

Таким образом, Монтень является, скорее, явным дуалистом – католицизм и материализм: состояние духа зависит от состояния тела, считает мыслитель, распад тела влечет за собой и уничтожение духовной субстанции. «Мы состоим из двух частей, – пишет Монтень, – разделение которых и есть смерть и разрушение нашего существа».

Его этика и морализм тоже носят вполне светский характер. Нравственность, по мнению Монтеня, не зависит от боязни потустороннего возмездия, то есть от религиозных убеждений. Ближе всего мыслителю некий вариант эпикурейства, поощряющий всемерное развитие естественной природы человека. Однако контроль разума должен главенствовать над чувствами! Цель жизни – стремление к счастью, наслаждению, предполагающему гармонию между удовлетворением духовных и физических запросов человека.

Понятия спокойного достоинства и умеренности свойственны и эстетике Монтеня, его, современным языком говоря, культурологии. Отвергая вычурность, изощренность, осуждая условности и напыщенность петраркизма (при всей его любви к поэзии самого Петрарки), он отстаивает простоту, некую даже суровость и аскетичность слога, в котором форма отнюдь не самоцель. Образец такого слога, языка, Монтень находит в народной речи.

Памятник М.Монтеню в Париже не далеко от Сорбонны

Замечательна педагогика Монтеня! Здесь он смелый новатор. Во главу угла современной педагогики Монтень помещает великий принцип общечеловеческого развития. По его мнению, цель воспитания состоит в том, чтобы сделать из ребенка не специалиста – священника, юриста или доктора, но, прежде всего, человека вообще, с развитым умом, твердой волей и благородным характером, который умел бы наслаждаться жизнью и стоически переносить выпадающие на его долю несчастья. Этот раздел поистине великой книги «Опытов» Монтеня оказал самое благотворное влияние на позднейшую педагогику. Отголоски идей его можно найти и в педагогических трактатах Коменского и Локка, в трудах Руссо, и даже в работах русского врача и педагога Н.И. Пирогова.

Резюме: «Опыты» Монтеня – книга самопризнаний,

вытекающих из наблюдений над самим собой, книга размышлений над природой человеческого духа. По словам писателя, всякий человек отражает в себе человечество – Монтень выбрал себя, как одного из представителей рода, и изучил самым тщательным образом все свои душевные движения. Хотя часто эти наблюдения лишены систематичности, определяются мимоходом по случайным поводам, иногда с капризной непоследовательностью, тем не менее, перед читателем вполне полно предстает разнообразный мир душевных движений, страстей, добродетелей и пороков. Познание, по Монтеню, несовершенно, человек имеет право возвращаться, и не раз, к своему личному опыту, учиться и на своих, и на чужих ошибках, размышлять и сомневаться. Да, «…философствовать – значит сомневаться…». Давайте же будем вслед за автором этой уникальной книги стремиться к веротерпимости, доброжелательности и постоянно думать не только о себе, но и обо всем на свете, об окружающих нас людях, животных, предметах и явлениях.

Глава IV
Литература английского Средневековья и Возрождения

Лондонский мост на средневековой миниатюре

Английская литература достаточно быстро откликается на те веяния, что приходят из Италии. Быстро, но… XIV и XV века с их войнами с Францией, междоусобицей двух ветвей династии Плантагенетов (война Алой и Белой розы между Ланкастерами и

Йорками) не оставлял никаких надежд на мир и спокойное развитие искусства, благоденствие народа развитие экономики… гуманизм пришел в Англии, но стал только достоянием единиц, увлечением знатных и богатых…Брат Генриха V Хэмфри Глостер соберет библиотеку, купец Кэкстон начнет печатать книги в Вестминстере, Томас Мэлори в тюрьме соберет воедино и создаст знаменитый сборник легенд о короле Артуре…

Но все это было чуть позже… А до этого? До этого была еще и чума, и дворцовые перевороты, и крестьянское восстание 1381 года, и окончательное становление английского (так называемого среднеанглийского) языка в статусе государственного вместо французского, на котором еще в свое время говорил Ричард Львиное Сердце… Новый Оксфорд становится светочем и средоточием европейской философской мысли.

§ 1. Джеффри Чосер – творец «Кентерберийских рассказов»

Наш разговор об английской литературе должен начаться с имени *Джеффри Чосера* (около 1340-1400).

Джеффри Чосер на миниатюре XV века

Первая запись, касающаяся Джеффри (1357), найдена в расходной книге Элизабет, графини Ольстерской, жены принца Лайонела (одного из сыновей Эдуарда III). О Джеффри упоминается как о паже, которому было куплено новое платье. Вероятно, до определения в пажи мальчик учился в лондонской школе: ему полагалось уметь читать и производить простые вычисления, а также иметь некоторые познания в латыни и французском языке. На службе у принца Лайонела систематическое образование мальчика должно было продолжиться на более аристократический манер: теперь ему полагалось уделять особое внимание искусствам, основательнее

изучать языки, а также совершенствоваться в благородных занятиях – возможно, под этим подразумевалось фехтование, верховая езда, музыка, написание стихотворений к случаю… Домыслы ли все это? Где он учился на самом деле, нам неизвестно. Отец его, возможно, был одним из крупнейших виноторговцев в Лондоне, человеком образованным и со связями, владельцем огромной библиотеки, где наряду с древними манускриптами находились книги Данте, Петрарки и современных Чосеру французских писателей.

Итак, скорее всего, большая часть жизни Чосера была все же связана с придворной жизнью – английский королевский двор, один из самых блестящих в Европе – отсюда и многочисленные путешествия по долгу службы, знакомство с бытом и нравами буквально всех слоев населения Англии.

В 1359–1360 годах Чосер, вероятно, служит в английских войсках во Франции (шла бесконечная Столетняя война…). Попал в плен неподалеку от Реймса; в начале 1360 года за него был заплачен значительный выкуп, и он вернулся в Англию. В том же году Чосер снова отправится во Францию, будучи по-прежнему на службе у принца Лайонела, в качестве курьера – это одна из его многих дипломатических миссий. Затем его имя примерно на семь лет исчезает из хроник. Весьма вероятно, что в это время Чосер женился на Филиппе Роут, даме из свиты графини Ольстерской. В 1367 году имя Чосера вновь появляется в документах – теперь он королевский камердинер (упомянуто о королевском пенсионе). После этого имя Чосера начинает встречаться часто: королевские подарки ему и его жене, пособия, новые назначения, дипломатические поездки. В 1372 году он ведет весьма ответственные переговоры с герцогом Генуи. С этим связана и долгожданная поездка в Италию! Согласно легендам, здесь он встречается с Петраркой, якобы читавшим ему свои отрывки из латинского перевода новелл Боккаччо!

В 1374 году Чосер получает в безвозмездное пользование дом в Олдгейте и назначается инспектором таможни Лондонского порта. В 1375 году ему был пожалован надзор над графством Кент с перечислением в его пользу различных штрафов, налагаемых таможней. Жена его пользуется королевским благоволением, и, как считают исследователи, Джеффри делил с ней удачу до самой ее смерти около 1387 года. Однако есть свидетельства о том, что он лишился олдгейтского дома, постов в таможнях, появляются в бумагах и приказы о выплате им долгов… В 1389 году его назначают надзирателем королевских работ. Он пробудет на этом посту недолго – немолодому Чосеру уже трудно переносить постоянные разъезды по долгу службы.

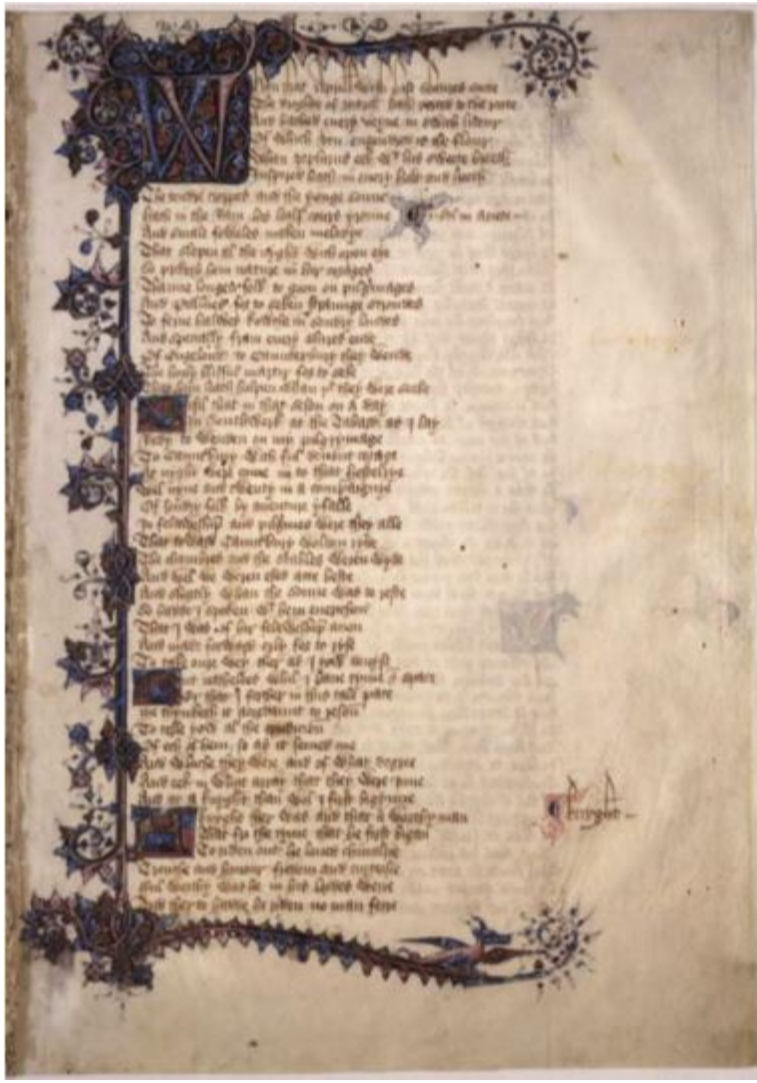
Затем – надзор за королевскими заповедниками, покупка дома недалеко от Вестминстерского аббатства, где он встретил свой смертный час… Похоронен Джеффри в Вестминстерском аббатстве, первым в этом печальном «уголке поэтов»…Такова, возможно, подлинная, и, безусловно, легендарная жизнь этого невысокого, полноватого, приятного большеглазого человека – верного мужа и царедворца, труженика и гениального поэта.

Английскй поэт Драйден называет его отцом английской литературы. А.М. Горький – «отцом английского реализма». «Утренняя звезда английской поэзии», «создатель современного английского языка», «второй великий поэт Англии»… Второй? Но Шекспир родится еще через двести лет… А Чосер уже первым стал писать только на английском языке!

Страница древнейшего издания Чосера

Между 1380 и 1386 годами Чосер пишет (и переводит) поэму о жизни Святой Цецилии, вошедшую впоследствии в состав его «Кентерберийских рассказов», «Книгу герцогини», поэмы «Птичий парламент» и «Дом славы», «Легенду о славных женщинах», знаменитую книгу «Троил и Хрисеида» («Троил и Крессида»).

В этих поэмах, без сомнения, проявляется сильнейшее влияние итальянских поэтов. В «Жизни святой Цецилии» есть места, непосредственно взятые из «Божественной комедии» Данте (из «Рая»), в «Птичьем парламенте», написанном по случаю бракосочетания юного короля Ричарда II, мы увидим откровенную вставку переделки вступления к III песне «Ада». Сюжет «Троила и Хрисеиды»» заимствован из новеллы Боккаччо «Филострато» – о любви троянского царевича и вдовы, дочери жреца, сбежавшего к грекам. «Легенда о примерных женщинах» представляет еще одну переделку из Боккаччо.



Страница Элсмирского манускрипта – самая красивая и богато украшенная рукопись «Кентерберийских рассказов». Создан он был между 1400 и 1405 годами в Лондоне, возможно, по заказу сына Чосера

В «Доме славы» упоминаются и Вергилий, и Данте, чье путешествие по подземному царству послужило образцом для этой поэмы. В этой поэме, кстати, Чосер немало внимания уделяет самому себе – орел уносит его на золотых крыльях в храм славы, построенный на ледяной скале, на которой написаны имена великих людей. Под влиянием солнечных лучей скала тает, исчезают и буквы становятся неразборчивыми…В этом храме шумно: толпы музыкантов, жонглеров, пророков, людей, прославляющих героев, веселая музыка. Чосеру всегда хотелось

вселенской славы. Не будем его корить за это!

В самом конце 80-х годов, возможно, в 1389 году Чосер создает свое лучшее произведение, доставившее ему всемирную литературную славу и бессмертие «Кентерберийские рассказы», в которых, наконец-то, уже заметна полностью сформированная «английская» манера Чосера. Предметом его поэмы стали все социальные сословия, бывшие тогда в Англии: рыцари, йомены, монахи, крестьяне, студенты. В «Кентерберийских рассказах» представлено все многообразие существующих и известных автору жанров: рыцарский роман, куртуазная повесть, фаблио, бестиарий или животный эпос, жития святых, проповедь, моральная аллегория, этический трактат. Великая книга, предвосхитившая всю литературу Возрождения! Многое из того, что появилось благодаря Чосеру (свободное владение известным литературным материалом, сочетание трагического и комического, высокого и низкого), впоследствии было воспринято и Шекспиром и Беном Джонсоном, да и романистами нашего времени. К великому сожалению потомков «Кентерберийские рассказы» остались незавершенными и при жизни автора не издавались…

Чосер читает Ричарду II. Иллюстрация из манускрипта 1415 года. Неизвестный автор

Широчайшее полотно, задуманное, буквально, как «энциклопедия английской жизни», рисующее быт и нравы современной Чосеру Англии, развивается на фоне изображения пестрой группы паломников, двигающихся из Лондона в Кентербери к гробу святого Томаса Беккета. Более 20 рассказов

связаны прологами и обрамляющими новеллами-интермедиями, разнообразных по содержанию и манере повествования, предстают перед изумленными читателями, а многочисленные авторские отступления, рисующие яркую картину различных сторон средневековой жизни, и придают «Кентерберийским рассказам» ту самую энциклопедичность, где эпоха и ее населяющие персонажи абсолютно неотделимы друг от друга.

Каждый герой-паломник рассказывает историю, соответствующую его социальному и психологическому облику. Здесь и романтическое повествование рыцаря о любви и дружбе, и комический (не вполне пристойный) рассказ мельника о плотнике-рогоносце, и рассказ корабельщика о жулике-монахе, который заплатил соблазненной им женщине деньгами, взятыми в долг у ее мужа. Паломники слушают чувствительный рассказ студента о добродетельной Гризельде, жертве испытаний, которым подверг ее ревнивый и суровый муж…

Могила Чосера в Вестминстерском аббатстве – одно из самых древних захоронений поэтов

Первое издание было, по-видимому, предпринято У. Кэкстоном (возможно, в 1478 году). В 1866 стилизованное под средневековье издание произведений Чосера предпринял Уильям Моррис. Первые русские переводы отрывков из «Кентерберийских рассказов» появились в 1859 и 1875 годах. Наиболее полный

перевод, принадлежащий И.А. Кашкину и О.Б. Румеру, вышел в 1946 году. В 1971 году выдающийся итальянский кинорежиссер Пьер Паоло Пазолини снял свой знаменитый фильм по мотивам книги Чосера. В 2001 году сам Чосер (в довольно нелепом и неверном виде) появляется в американском фильме (режиссер – Б. Хелгелленд) «История рыцаря».

Резюме: в произведениях Д.Чосера и, особенно, в его знаменитых «Кентерберийских рассказах» ярко проявились замечательные качества истинного писателя-гуманиста: жизнеутверждение, интерес к конкретному человеку, чувство социальной справедливости, народность и демократизм. А главенствующее в его книге светское начало – собственно, основной критерий художественной культуры раннего Возрождения. Влияние Чосера на английскую литературу сильнее всего сказалось именно в развитии нравоописательного реализма, оказавшего влияние, как уже говорилось выше, не только на английскую, но и на всю мировую литературу. А мысли Чосера о благородстве, о воспитании, о войне, сам его патриотизм, чуждый всякой национальной исключительности, сделали бы честь человеку нашего времени, нашему современнику. Таков Джеффри Чосер!

§ 2. Томас Мор

Томас Мор

Было бы совершенно логично продолжить разговор об английской литературе средних веков с имени *Томаса Мора* (1478-1535), с человека, чье появление и выступление в парламенте в свое время оставило без денежной субсидии короля Генриха VII!

На одном из лондонских домов висит мемориальная доска, на которой написано несколько слов о жившем здесь великом гуманисте и писателе Томасе Море. Эту табличку повесили благодарные потомки своему всемирно известному соотечественнику, с которого до сих порне снято обвинение в измене государству. Однако Римской католической церкви это не помешало канонизировать Томаса Мора как святого и мученика за веру. Кто же этот загадочный человек?

Томас Мор родился 7 февраля 1478 года в семье сэра Джона Мора, честного и добропорядочного лондонского судьи.

Начальное образование Мор получил в школе Святого Антония. В 13 лет он попадает к Джону Мортону, архиепископу Кентербери, и некоторое время служит у него пажом. Остроумие и живость, любознательность, способности и стремление к знаниям потрясли Мортона, который предсказал, что Мор станет «изумительным человеком». Затем Мор продолжает своё образование в Оксфорде, где учится у знаменитых юристов того времени – Линакра и Гросина. В 1494 году Мор возвращается в Лондон и с 1501 года занимается адвокатской деятельностью. Однако, как нам известно, он не собирался делать карьеру на почве юриспруденции, нет, Мор решил стать монахом. Кстати, монашеского, аскетического образа жизни он придерживается до самого своего конца… Но главным для него остается все же намерение служить своей родине – в 1504 году он становится членом палаты общин.

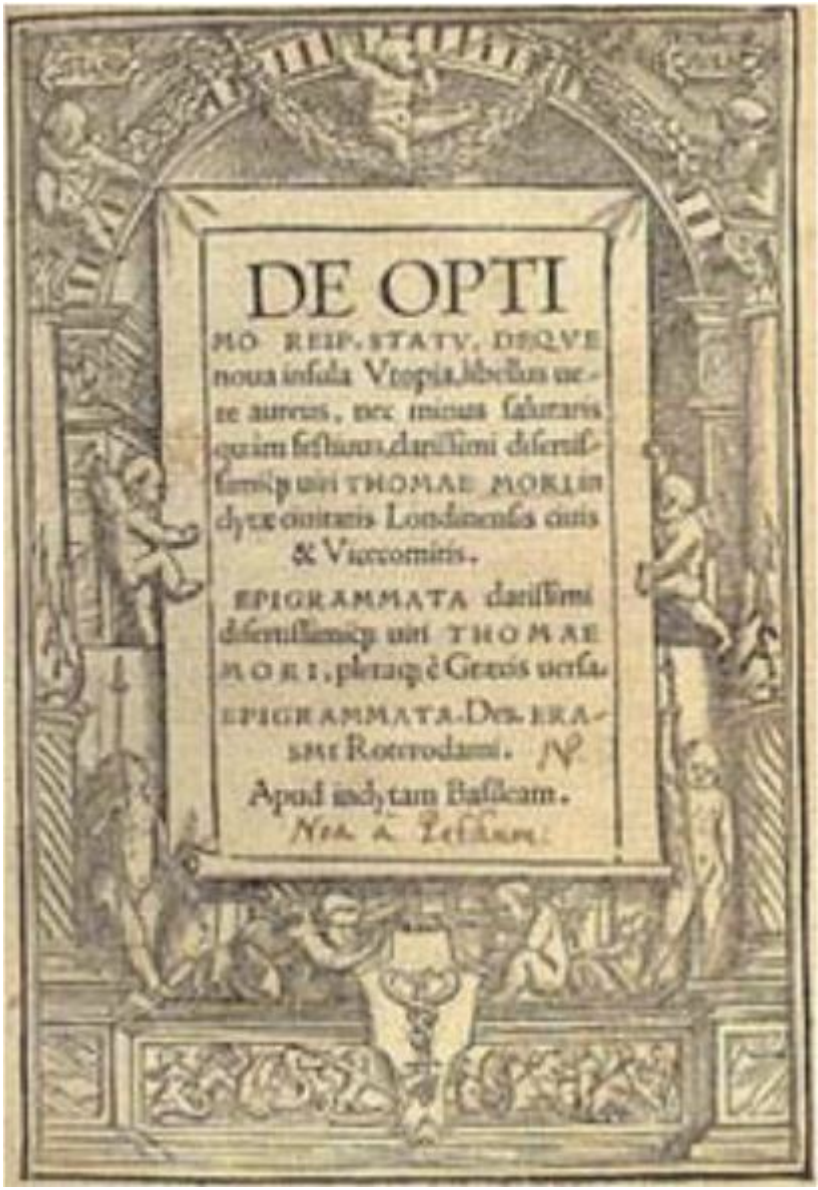
Копия с утраченной картины Х.Гольбейна «Томас Мор с семьей», 1520 г.

Его знаменитое выступление в Парламенте, о котором мы уже упомянули, выступление за уменьшение сборов в пользу короля Генриха VII, вызвало наказание – король заключает в тюрьму отца Мора, который был выпущен на свободу только после уплаты значительного выкупа и ухода Томаса Мора от общественной жизни. После смерти Генриха VII в 1509 году Мор возвращается к карьере политика, даже становится в 1510 году одним из двух младших шерифов Лондона. В 1511 жена умирает во время родов

его первая жена, но Мор вскоре вступает во второй брак.

Мор привлекает к себе внимание нового короля – Генриха VIII. В 1515 году его вводят в состав посольства во Фландрию, которое вела переговоры по поводу торговли английской шерстью. («Утопия» начинается со ссылки на это посольство…) В 1517 году он помог усмирить Лондон, взбунтовавшийся против иностранцев. В 1518 году Мор становится членом Тайного Совета. В 1520 году он в свите Генриха VIII во время его встречи с королем Франции Франциском I. В 1521 году к имени Томас был посвящен в рыцари за «заслуги перед королем и Англией». Теперь он уже сэр Томас Мор!

Возможно, именно Мор был автором появившегося в эту пору знаменитого манифеста «В защиту семи таинств» – ответа Генриха VIII Мартину Лютеру. За этот манифест Папа Лев X пожаловал Генриху титул «Защитник Веры» (Defensor Fidei) (английские монархи продолжали носить этот титул даже после разрыва с католической церковью, а на английских монетах до сих пор присутствуют буквы F. D.). Кроме того, Мор написал Лютеру и под своим собственным именем, за что язвительный голландец Эразм Роттердамский, сочувствовавший Реформации, посвятил ему свою «Похвалу глупости» («глупость» по-гречески – moria – созвучие фамилии прославленного англичанина).


DE OPTI
MO REIP. STATV, DEQVE
nouainsula Vtopia,libellus ne-
re aureus, nec minus salutaris
quam festiuus,dispsissimi diserti-
simiq; uiri THOMAE MORI ci-
uis & Vicecomitis.
EPIGRAMMATA clarissimi
disertissimiq; uiri THOMAE
MORI, plerag; è Graecis uersa.
EPIGRAMMATA. Des. ERA-
SMI Roterodami.
Apud inclytam Basileam.

Титульный лист «Утопии», созданный Гольбейном

Особое внимание следует обратить на ситуацию с разводом Генриха VIII, которая сначала привела Томаса Мора к возвышению, затем к падению и смерти. Кардинал Томас Уолси, архиепископ Йорка и лорд-канцлер Англии, не смог добиться развода Генриха VIII и королевы Катарины Арагонской, в результате чего его заставили уйти в отставку. Следующим лордом-канцлером был назначен сэр Томас Мор, который к тому моменту уже был канцлером герцогства Ланкастер и спикером Палаты общин. Генрих VIII не знал толком, что Мор был глубоко

религиозным и прекрасно юридически образованным человеком. Мор считал, что расторгнуть брак может только Папа. Климент VII был против развода – явно под давлением Карла V Испанского, племянника королевы Катарины. В 1532 году Мор уходит в отставку с поста лорда-канцлера, ссылаясь на слабое здоровье. Истинной причиной стал, конечно же, разрыв Генриха VIII с католическим папским Римом и создание Англиканской церкви – Мор достаточно резко против этого. Он даже не появился на коронации новой жены короля – Анны Болейн… Когда в 1534 году Элизабет Бартон, кентская монахиня, осмелилась публично осудить разрыв короля с католической церковью, дознаватели выяснили, что она состояла в переписке с Томасом Мором, и, не попади он под защиту Палаты лордов, не миновать бы ему тюрьмы. В том же году Парламент принял «Акт о престолонаследии», который включал в себя присягу, которую должны были принести все представители английского рыцарства. Принесший присягу признавал законными всех детей Генриха VIII и Анны Болейн, отказывался признавать любую власть кроме власти королей из династии Тюдоров. Томас Мор был приведен к этой присяге, но отказался ее произнести… В апреле 1535 года он был заключен в Тауэр, признан виновным и 6 июля 1535 года обезглавлен. Римские католические источники сообщают, что несколько месяцев его держали в тюрьме, доведя до страшного изможденья, пока не приговорили к смерти. Накануне казни Мор передал дочери власяницу, которую много лет тайком носил на голом теле. Тюремщику, сообщившему ему о времени казни, Мор сказал спасибо за хорошие новости: «Спасибо и его величеству, что он не замедлил доставить мне удовольствие освободиться от страданий этого развратного мира». Приговор гласил: «Повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту». Король заменил эту казнь на «простое» повешение, на что Мор отозвался словами: «Избави, Боже, моих друзей от королевского милосердия». Оказавшись перед эшафотом, Мор с сомнением поглядел на крутую лестницу и обратился к офицеру: «Будьте любезны, помогите мне подняться; а уж вниз я как-нибудь сам соскользну». Ему дали возможность обратиться к собравшемуся народу, и он просил молиться о себе и о короле, а в заключение добавил: «Призываю вас в свидетели, братья, что умираю в католической вере и за веру католической церкви; королю я верный слуга, а Богу – первый». На земле последними словами

Мора была шутка, запомнившаяся всем: он положил голову на плаху и аккуратно уложил отросшую в тюрьме бороду так, чтобы топор ее не повредил, добавив: «Борода-то не совершила государственной измены». Его голова была выставлена на лондонском мосту в течение месяца, пока дочери не разрешили ее забрать; ныне она покоится, замурованная, в нише англиканской церкви святого Дунстана в Кентербери (графство Кент)…

Казнь Томаса Мора

Позднее за верность католицизму Мор был канонизирован Римско-католической церковью и причислен к лику святых…

После смерти Мора в его бумагах была обнаружена и в 1557 году опубликована «Незаконченная история Ричарда III, написанная мастером Томасом Мором». Онабыла сильно изменена во множестве мест, сокращена, в некоторых местах расширена и достаточно сильно отличалась от копии, сделанной якобы его собственной рукой Томаса Мора. Однако есть достаточно аргументированная версия, что автором этой книги был архиепископ Джон Мортон, в доме которого жил юный

Томас…

Сегодня для человечества сохраняет свое значение лишь один, величайший труд Томаса Мора – «Утопия», опубликованный в 1516 году.

Карта острова Утопия. Ханс Гольбейн Младший

Это не только талантливый роман, но и гениальное по своему замыслу произведение социалистической мысли. Без сомнения, книга Мора имеет вполне определимые литературные источники – сочинения Платона, романы-путешествия XVI века (в частности «Quattuor Navigationes» Америго Веспуччи), произведения Чосера, народны баллады. Из «Navigationes» Веспуччи Мор взял завязку своей книги – встреча с Гитлодеем и описание его приключений. В «Утопии» Мор создает первую в мире стройную социалистическую систему, как мы теперь говорим, утопическую социалистическую систему.

«Утопия» делится на две части, мало похожие по содержанию, но логически не отделяемые друг от друга: первая часть являет собой литературно-политический памфлет – мы слышим критику современных общественно-политических порядков, автор бичует «кровавое» законодательство о рабочих, выступает против смертной казни, нападает на королевский деспотизм и захватническую внешнюю политику, высмеивает тунеядство и разврат духовенства. Но особенно резко нападает на так называемое «огораживание» общинных земель, полностью разорявшее английское крестьянство: «Овцы поели людей»!

Но в это части книги дана не только критика, но и программа

реформ. Эта часть скрывает, маскирует вторую, где в форме фантастической повести автор выска-зывает свои сокровенные мысли, мысли истинного философа-гуманиста. Во главе государства Мор ставит «мудрого» монарха, допуская для черных работ рабов. Он говорит о греческой философии, о Платоне. Герои «Утопии» – горячие приверженцы гуманизма.

Загадочная иллюстрация к «Утопии», 1515 год

Отмена частной собственности – одно из оснований нового мира! Общее, обобществленное производство. Труд обязателен для всех, причем земледелием занимаются поочередно все граждане до определенного возраста, сельское хозяйство ведется артельно, но городское производство построено на семейно-ремесленном принципе. В «Утопии» властвует ручной труд, хоть продолжается всего 6 часов в день и не изнурителен для участников трудового процесса. Распределение продуктов ведется по потребностям, без ограничений. Государственный строй утопийцев, несмотря на наличие короля, – демократия: все должности выборные и могут быть заняты всеми, но, как и подобает истинному гуманисту, Мор предоставляет

интеллигенции руководящую роль. Женщины пользуются полным равноправием. Школа построена на соединении теории и производственной практики и полностью лишена схоластики!

Все религии терпимы, и только запрещен атеизм, лишающий права гражданства. В отношении к религии автор занимает промежуточное положение между людьми религиозного и рационалистического миросозерцания, но в вопросах общества и государства он только рационалист. Признавая, что общество неразумно, Мор заявляет, что оно есть заговор богатых против всех остальных. Социализм Мора отражает чаяния угнетенных беднейших масс города и деревни.

В истории социалистических идей его система широко ставит вопрос об организации общественного производства, кроме того, в ней определяется значение государственной организации для построения социализма.

Памятник Томасу Мору перед старой церковью в Челси

Резюме: довольно трудно представить Англию тех далеких времен… Начало XVI века. Тысячи разорившихся крестьян и ремесленников стали бродягами, ворами и разбойниками из-за жестокой и бесчеловечной политики власть имущих. Суровый закон отправляет на виселицу любого… Отчаявшиеся люди негодуют на Бога, проклинают богатеев и воскрешают легенды о храбром защитнике угнетенных Робин Гуде… И вдруг появляется

«Золотая книжечка, настолько же полезная, как и забавная, про наилучшее устройство государства и про новый остров Утопия», открывшая новый жанр – утопический роман, сущность которого не только в захватывающем сюжете, не в психологии героев, а в описании идеального, справедливого общественного строя. Влияние книги Мора ощутимо на таких произведениях, как «Город Солнца» Т. Кампанеллы (1621), «Новая Атлантида» Ф. Бэкона (1627), «Вести ниоткуда» У. Морриса (1891) и других. В русской фантастике жанр утопии тоже распространен довольно широко. Достаточно вспомнить, например, «Туманность Андромеды» И.Ефремова. Широко распространены и появившиеся в XX веке так называемые «антиутопии»…

Мир изменился, изменились идеи и политические строи, взаимоотношения власть имущих и простых граждан, но мысли, впервые, возможно, пришедшие в голову загадочному и далекому от нас англичанину, живут и бьются, такие же искренние и честные, пусть наивные, но добрые, так нужные сегодня, во времена междоусобиц и религиозной розни, терроризма и экологических катастроф!

§ 3. Филип Сидни – легенда эпохи

Филип Сидни

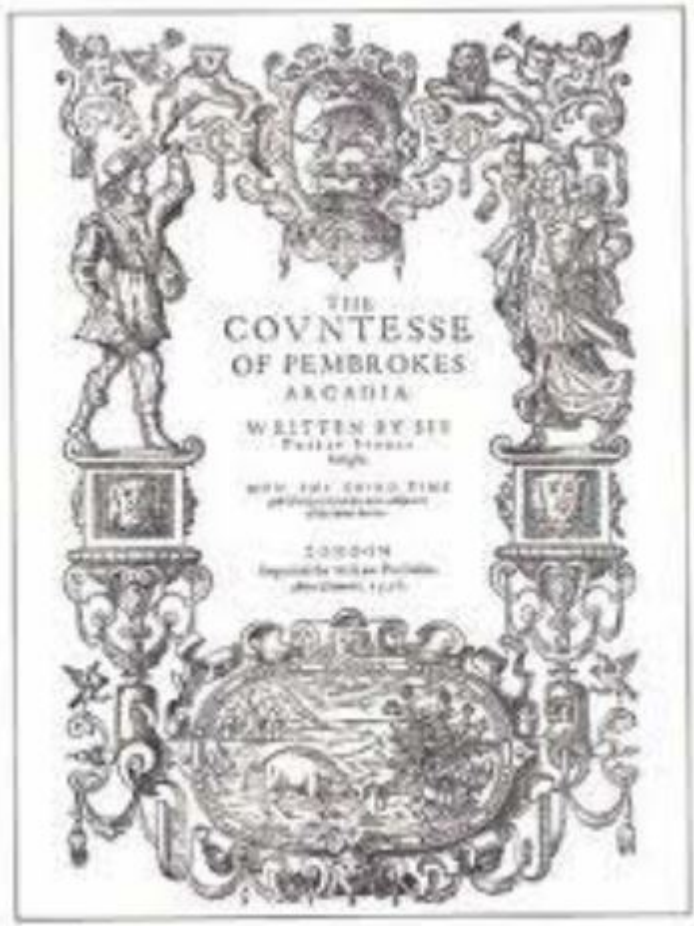
Поэт, который при жизни превратился в легенду! Поэт, которому посвятит свою книгу «О героическим энтузиазме» прославленный в веках Джордано Бруно. Человек, получивший свое имя от будущего короля Испании Филиппа II. Герой, смертельно раненый и отдавший на поле боя воду солдату, ибо считал, что ему, умирающему, она уже не нужна…*Филип Сидни* (1554-1586)!

Филип Сидни – старший сын вице-губернатора Ирландии. Учился сначала в знаменитой школе в Шрусбери, затем, конечно же, в Оксфорде и Кембридже. Его отец, сэр Генри, писал

двенадцатилетнему Сидни: «Пусть первым побуждением твоего разума будет искренняя молитва всемогущему богу… Постигай не только чувство и суть читаемого, но и словесное их воплощение, и ты обогатишь свой язык словами и разум мыслями… Пребывай в веселии… Но пусть твое веселие будет лишено грубости и насмешки над окружающими тебя людьми… Самое же главное, никогда не дозволяй себе лгать, даже в малости… Учись добронравию. Привыкнув, ты будешь совершать одни добрые дела, хотя бы того и не хотелось тебе, ибо дурные будут тебе неведомы. Помни, сын мой, о благородной крови, которую ты унаследовал от своей матери, и знай, что добродетельная жизнь и добрые дела буду лучшим украшением твоего славного имени». Однако сам Филип Сидни скажет: «Я не геральдист, чтобы исследовать родословную людей, для меня достаточно, если я знаю их достоинства».

Всю жизнь оставаясь в ожидании наследия, Филип Сидни ощущал двусмысленность своего положения. Ум и рвение при королевском дворе не нужны и слишком заметны – от него ожидают лишь придворных способностей, а инициатива… Немилость двора заставляла его проводить все время в имении сестры – Мэри Пембрук…

Как старшему сыну в семье, ему была определена карьера дипломата и воина. Сидни путешествует по Франции, Германии, Италии, изучает языки и культуру этих стран, а также античную древность. Спектр интересов его широк: от политики до астрономии, от геометрии до военного дела. Он мечтает о политической деятельности, о воинской славе, о создании всеевропейской протестантской лиги во главе с королевой Елизаветой. Но лишенный возможности достижения карьеры по множеству указанных выше «придворных» причин, он в «свои самые беззаботные годы» обращается к литературе. Вильям Ринглер, писатель и издатель, в предисловии к полному собранию поэтических произведений Филипа Сидни сказал: «Когда он, отойдя от политики, занялся поэзией, он остался противником привычного положения вещей. Не имея возможности бороться против врагов своей религии за пределами родины, он повел решительную кампанию против литературной отсталости своих соотечественников».


THE
COVNTESSE
OF PEMBROKES
ARCADIA

Титульный лист «Аркадии»

Елизавета, великая королева англичан, посылает его в Нидерланды, где герцог Оранский возглавил борьбу против испанского владычества. Через восемь месяцев, покорив всех своим умом и храбростью, Филип Сидни погибает в бою… Его тело было перевезено в Англию и с воинскими почестями похоронено в соборе Святого Павла.

Для развлечения сестры, для домашнего круга близких, в 1583-1584 годах Филип пишет пастушеский и одновременно рыцарский роман «Аркадия», который не без основания можно считать первым романом эпохи Ренессанса, написанным в Англии. Первый вариант называется «Старая Аркадия». Однако, не удовлетворившись результатом, Сидни переделывает его уже в философско-политический роман, поставив в центр идею власти и правомерности свержения власти, если она становится

деспотической. Этот незавершенный вариант мы называем «Новая Аркадия». Публикация «Аркадии» состоялась только после смерти автора, в 1590 году.

Вероятно, в 1579 (1583) году Филип Сидни пишет трактат «Защита поэзии», по сути являющийся первой книгой по историко-нормативной поэтике в Англии, провозгласившей высшее познавательное назначение литературы и положившей начало национальной литературной теории.

1578 год историки литературы считают годом написания Филиппом Сидни пасторальной драмы «Леди мая», которую можно назвать началом елизаветинского театра. К этому же году относят и создание сонетов, известных читателю по сборнику «Некоторые сонеты», содержащем чудесные строки о любви:

С тех пор я болен, как гроза ушла:
С тех пор мне страшно, что за мной следят;
С тех пор сирены в путь меня манят;
С тех пор завеса на глаза легла;

С тех пор мой ум впитал смятенья яд;
С тех пор душе свобода тяжела;
С тех пор у снега я прошу тепла
И слабым чувством в плен рассудок взят.

Ну что ж, Любовь, я подчинюсь ярму
И поступлю, как требует закон,
Поскольку тот, кто разбивал тюрьму,
Сказать по чести, не бывал спасен.

Ах, столько чар в тюремщике моем,
Что я согласен вечно быть рабом.

В 1582 году Филип Сидни создает первый в Англии законченный поэтический цикл из 108 сонетов и 11 песен – число сонетов совпадает с количеством игральных камней у женихов Пенелопы в гомеровской «Одиссее»… Победитель, выбивший камень, символически называвшийся Пенелопой, все равно оставался далек от цели – обладания женой Одиссея… Кстати, возлюбленную Сидни также звали Пенелопой (дочь графа Эссекса). Брак, с детства считавшийся решенным, вскоре расстроился, но любовь осталась навеки…

Сборник сонетов, совершенных и завершающих создание сонетной формы в Англии, назывался тоже символически – «Астрофил и Стелла» (Астрофил в переводе с греческого –

влюбленный в звезду, Стелла – звезда по латыни).

Книга «Астрофил и Стелла» преподносит читателю не только потрясающий эмоциональный сюжет, построенный на ощущении недостижимости счастья в любви, но и целый ряд загадок – русские ассоциации, едва ли не первые в английской литературе – «…как московит, рожденный под ярмом…». Что это – прекрасное знание тягостной истории Русского государства или воспоминание о том, что его отец приложил руку к организации посольства к Ивану Грозному?

Памятник Ф.Сидни в Кенте

Горькие и чудесные стихи Сидни, к сожалению, их так мало!

Резюме: с поэзией Филипа Сидни связаны слова «первый», «впервые» и т.д. Гениальный мыслитель и теоретик, воин и путешественник, человек, который является претендентом на

звание автора произведений, известных нам под именем Шекспира… Кто же он, этот великий поэт, столь рано покинувший свою земную обитель? «Трижды новатор» национальной литературы: в области поэзии, прозы и теории.

Да, наверное, гармония приключений, подвигов, неизменных побед и горечи любви и благородства – суть творчества этого автора.

Но всегда останется в мировой поэзии эта звезда – Великий мастер и яркое воплощение эпохи – образованнейший гуманист, государственный деятель, герой-воин. Человек, изменивший английскую литературу и европейскую поэзию.

§ 4. Эдмунд Спенсер – рыцарь любви

Еще один из самых известных поэтов английского возрождения – *Эдмунд Спенсер* (около 1552-1599). Сын лондонского портного, выдвинувшийся исключительно благодаря своему трудолюбию, личному обаянию и, конечно, многочисленным талантам, среди которых талант поэта был даже и не на первом месте!

Спенсер сумел получить образование в Кембридже, добиться звания бакалавра, затем магистра, и, как известно, некоторое время он работает секретарем у разных вельмож. В 1579-1580 годах он служит в армии, причем, вполне доблестно, за что в награду в 1587 году получает имение в Ирландии, которое, собственно, и позволило ему заняться литературной деятельностью.

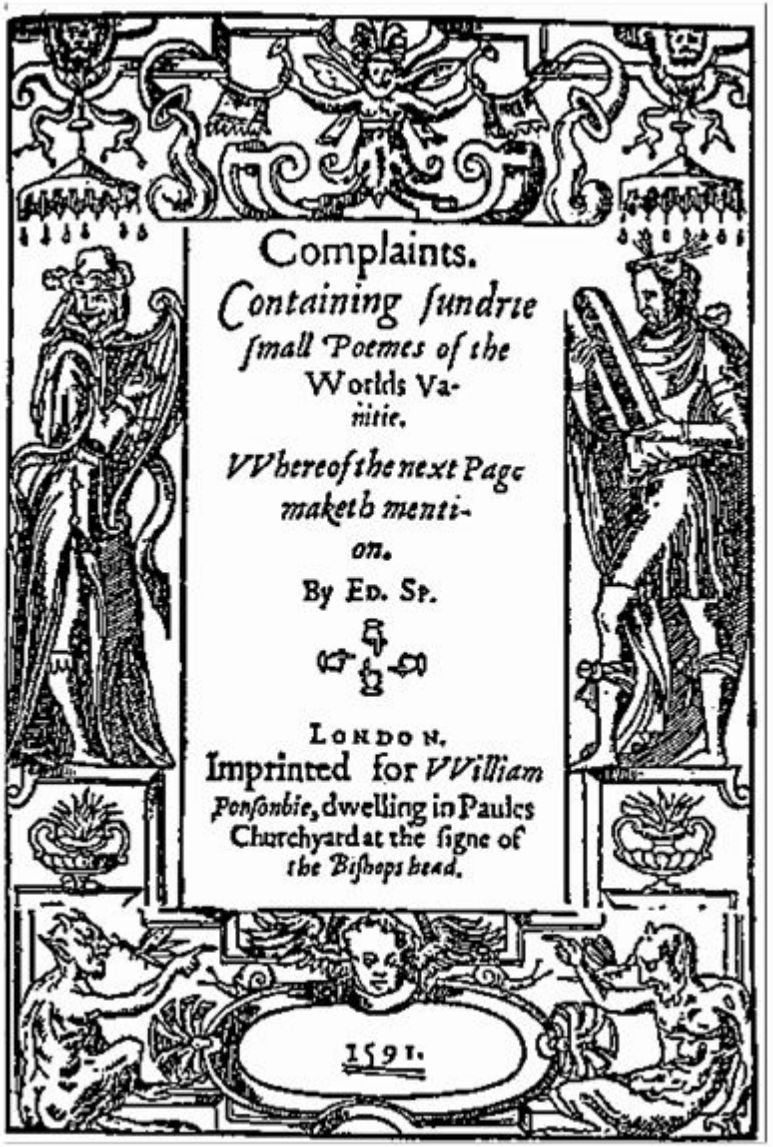
Эдмунд Спенсер

Он многое воспринял от Филиппа Сидни и фактически

признал это, посвятив ему свой «Пастушеский календарь» (книга вышла анонимно – она содержала критику церковной политики правительства Елизаветы, поэтому анонимность издания была, вероятно, оправданной мерой предосторожности.), свое первое большое произведение, представляющее собой цикл из 12 эклог. Нам уже известны мировые традиции пасторальной (пастушеской поэзии), Спенсер же придает ей национальное своеобразие. Герои Спенсера разговаривают по-английски и, мало того, в их речи мы слышим вполне простонародные выражения – тем самым Спенсер пытается усилить элементы реализма в столь условной форме как пастораль. Надо сказать, что именно простота речи героя книги Колина Клаута и вызвала многочисленные нарекания светских читателей произведения Эдмунда Спенсера.

Одним из главных и самых чудесных персонажей этой книги является природа. Двенадцать месяцев в году – двенадцать песен и попытка увидеть окружающий мир в самых разных состояниях. Природа определяет и внутренние переживания героев и сама зависит от них – страдающий от безответной любви Колин ощущает это как никто другой. Кстати, к этому герою Спенсер возвратится еще раз – в 1595 году он напишет поэму «Колин Клаут возвращается домой».

В Ирландии Спенсер начинает самостоятельную карьеру и служит сначала в Дублине, а позднее на юге. Заместитель секретаря Совета по делам провинции Манстер – должность довольно прибыльная. В результате различных политических интриг, связанных с землевладением в Ирландии, он входит в круг крупных землевладельцев, освобождается от своих обязанностей.



Титульный лист «Жалоб» Спенсера

Все это время он понемногу пишет – свою в будущем прославленную «Королеву фей». К лету 1589 года, очевидно, была в основном закончена та часть поэмы, которая и составляет сегодня ее первые три книги: У. Рэли, один из королевских фаворитов, министр, военачальник, путешественник, видел рукопись, когда навещал поэта в его ирландском имении. Осенью Рэли возвращается в Лондон вместе со Спенсером.

Благодаря Рэли поэт был представлен Елизавете, посвятил ей «Королеву фей», за что был вознагражден ежегодной пенсией в 50

фунтов.

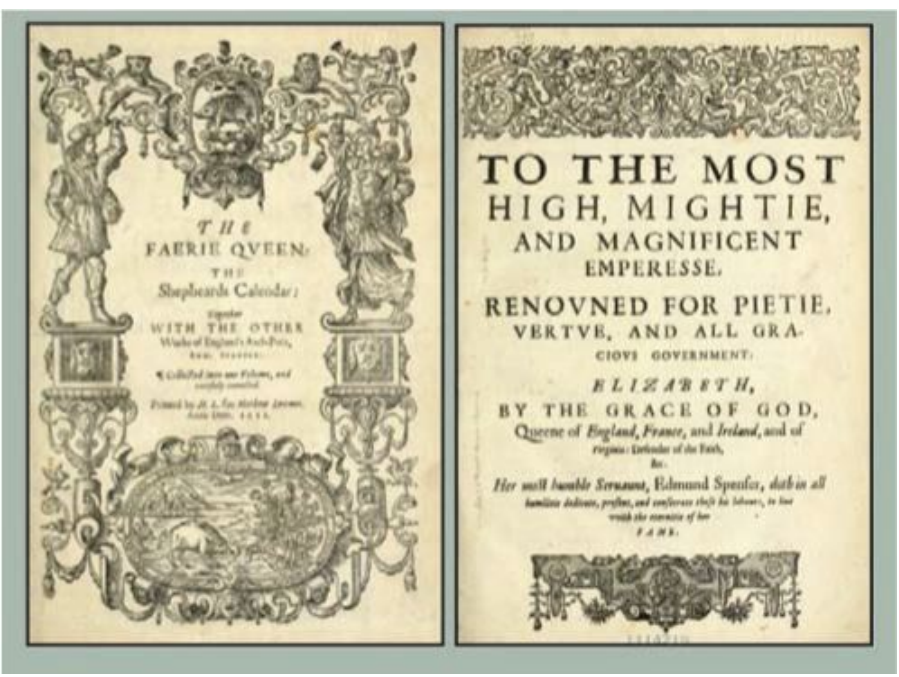
За время пребывания в Лондоне, Спенсер издает еще и элегию «Дафнаида» (1590), и сборник стихотворений разных жанров под названием «Жалобы, включающие разные маленькие поэмы о мирском тщеславии» (1591). Большинство из них, как видно по заглавию, окрашено в пессимистические тона. Однако в сборник включена и «Сказка матушки Хабберд» – замечательная, очень живая басня, в которой действуют животные, но высмеиваются ленивые и невежественные церковники, придворные интриганы и амбициозные государственные деятели.

В 1596 году Спенсер пишет поэму «Эпиталамион» (ко дню собственной свадьбы) и публикует ее вместе с циклом сонетов «Аморетти». Ряд историков литературы относит эти произведения едва ли не к главным в творчестве Спенсера.

Затем следует триумфальное возвращение в Ирландию – за ним тянется слава крупнейшего поэта Англии…

В 1596 году Спенсер публикует продолжение «Королевы фей», поэмы «Проталамион» и «Четыре гимна».

Вскоре следуют один за другим заговоры против королевы, Спенсер оказывается в них замешанным, скрывается, возвращается в Лондон, где и умирает в холодный январский день, собственно говоря, в расцвете своей славы одного из первых поэтов Англии…


THE
FAERIE QVEEN:
THE
Shepheards Calender:
WITH THE OTHER
TO THE MOST
HIGH, MIGHTIE,
AND MAGNIFICENT
EMPERESSE,
RENOVNED FOR PIETIE,
VERTVE, AND ALL GRA-
CIOVS GOVERNMENT:
ELIZABETH,
BY THE GRACE OF GOD,
Queene of England, France, and Ireland,

Читаем «Королеву фей»!

«Королева фей» – восхитительнейшая книга из всех, написанных на английском языке! Сюжетный материал шедевра Спенсера, кстати, одной из самых длинных поэм в Англии, восходит к «Неистовому Роланду» Ариосто, жизнерадостному и остроумному рыцарскому роману, но заключает в себе значительно более серьезные мысли, спрятанные под аллегорическим сюжетом и образами. Поэма вполне серьезно пытается проникнуть в глубины человеческой психики и проанализировать поведение персонажей. Каждая из шести завершенных книг поэмы имеет своего героя, олицетворяющего, соответственно, благочестие, умеренность, целомудрие, дружбу, справедливость, учтивость. Таким образом, поэма прославляет деятельную жизнь во имя добродетели. Однако Спенсера занимали не только вечные истины, но и жизнь, бурлящая рядом – главная героиня, фея Глориана, имела прототипом королеву Елизавету. Бельфеба, дева-охотница, олицетворяет ее целомудрие, Марсилла – справедливость, Уна – заботу о религии, а Британомартис, самая интересная из героинь книги, названа в ряду мифических предков Елизаветы.

Главной темой поэмы является борьба между любовью и страшно разрушительными, непреодолимыми силами времени… В книге звучит идея пагубности обмана, в рассказ приходят персонажи, которые вводят героев в заблуждение ложным обличьем. Вновь и вновь Спенсер возвращается к своей главной мысли: невозможно прожить добродетельную жизнь, не приучив свой рассудок отличать то, что лишь кажется добром, от того, что является таковым на самом деле.

Для своей поэмы Спенсер придумал особую строфу, которая теперь называется его именем – спенсерова строфа (моделями для нее послужили строфа Чосера из поэмы «Троил и Хризеида» и строфа Ариосто в «Неистовом Роланде»). Строфа эта более длинная и заключает в себе эффект перебивки ритма.

Еще одна отличительная черта поэмы – ее уникальный язык. Хороший английский, «замаскированный» причудливой орфографией и вкраплениями слов из прошлых эпох, с достаточно произвольным авторским видоизменением грамматических форм.

Да, стих Спенсера настолько непрост, что переводы на русский язык оказались возможными только в XX веке!

Жена Улисса ткала пелену,
Но распускала свой дневной урок,
Как только в доме отойдут ко сну,

И новой свадьбы отдаляла срок.

Так, видя, что от страсти изнемог
И сети я плету неутомимо,
Любимая всегда найдет предлог,
Чтоб труд мой долгий сделать струйкой дыма.

Я побеждаю, но победа – мнима,
Начну я вновь – и сызнова разбит:
Единым взором труд губя незримый,
Она тенета в тени обратит.

Так погибают сети паука
От первого дыханья ветерка.

Здесь, в Вестминстерском аббатстве покоится Эдмунд

Спенсер…

Резюме: поэтическое слово Спенсера оказалось просто небывалым – такого размаха, изобразительности, такой возможности иносказания поэзия не знала. Любовная поэзия прошлого, трубадуры и Петрарка – под его пером их достижения становятся еще грандиознее. Слог становится музыкальным, приобретает и поразительные цветовые свойства. Традиции Спенсера буду т долго ощущаться как в английской поэзии (скажем, в творчестве Байрона, Китса и других), так и в мировой (Мандельштам, Городецкий, Фрост…). Рыцарский дух, волшебство и правда жизни, смелость и фантазия, движение мысли и поиски истины – вот то, что дорого потомкам, читающим творения Эдмунда Спенсера.

§ 5. Ранняя слава и загадочная смерть Кристофера Марло

По дате рождения – он ровесник великого Шекспира – *Кристофер Марло* (1564-1593) еще при жизни становится человеком-легендой.

Родившись в семье сапожника, какими-то необъяснимыми обстоятельствами судьбы получил возможность учиться в Кембридже!

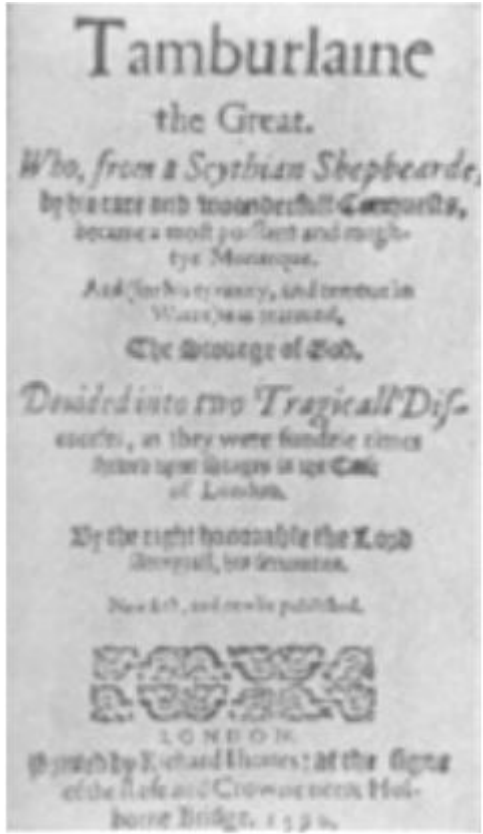
Кристофер Марло

Видимо, средства отца, почетного гражданина Кентербери, родного города семьи Марло, мог позволить обучение с толь привилегированном учебном заведении, к тому же, Кентерберийская королевская школа сохранила список стипендиатов – Марло один из них.

Марло без труда получает степень бакалавра в 1584 году, но затем ученый совет отказывает ему в присуждении степени магистра, сделав это, как следует из ряда источников, только после специального распоряжения королевского Тайного совета.

Англия готовилась выступить против испанской Непобедимой армады, а молодой поэт был, видимо, каким-то образом связан с британской разведкой. Это предположение подтверждается и загадочными обстоятельствами его убийства шесть лет спустя.

Выпускник Кембриджа, конечно, не должен заниматься традиционным делом отца…К тому же, будем теперь еще более уверены, Марло был завербован на секретную службу, и, возможно, именно самим Тайным советом.


Tamburlaine

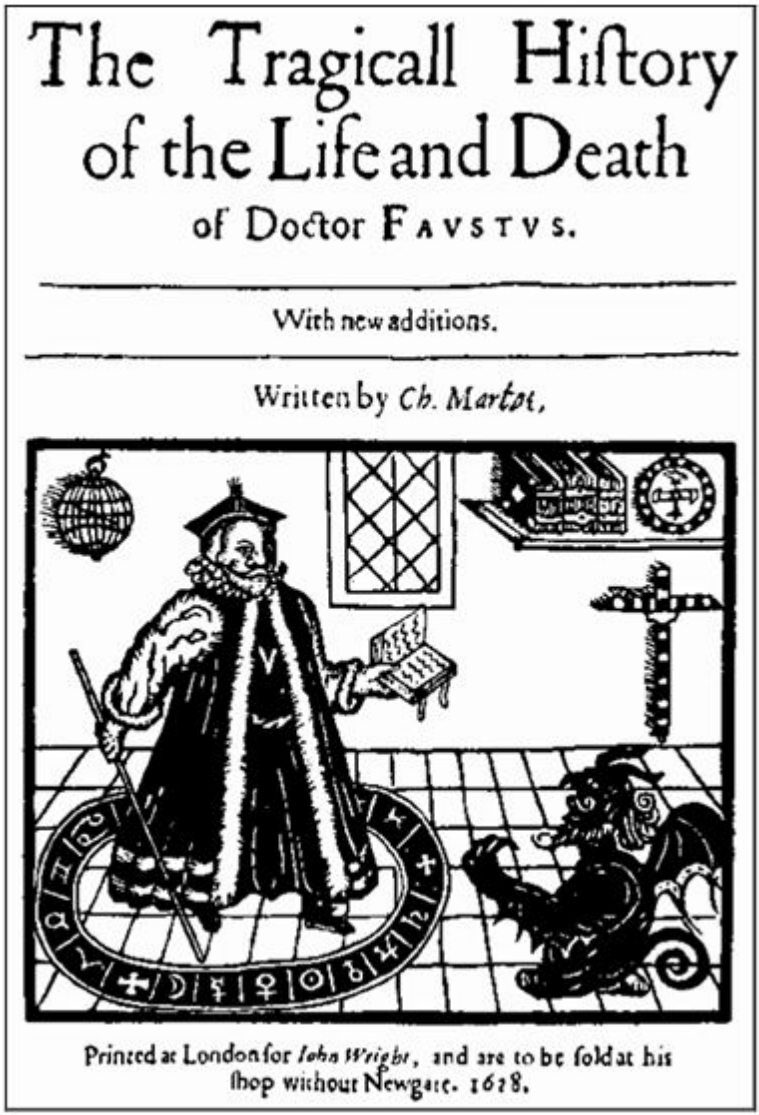
the Great.

Who, from a Scythian Shepheard,

LONDON

Титульный лист издания трагедии о Тамерлане 1590 года

Итак, после окончания университета, получив долгожданную степень магистра, в 1587 году Марло едет в Лондон, где входит в первую в истории английской литературы группу профессиональных драматургов, за которыми закрепилось название «университетские умы» (Д. Лили, Т. Нэш, Р. Грин, Дж. Пил и другие), а вскоре он начинает работать драматургом при театре лорда-адмирала.



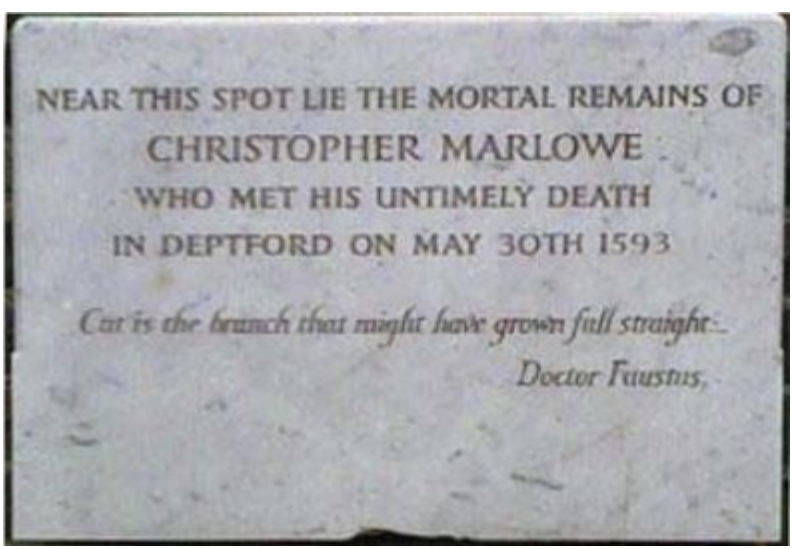
Титульный лист издания трагедии о Фаусте 1628 года

Его первая же трагедия «Тамерлан Великий, скифский пастух» была поставлена в 1587 году, поразив английскую публику монументальностью и красотой слога. Это самая известная, хотя, возможно, и не лучшая пьеса Марло посвящена истории безвестного скифского пастуха, ставшего властелином мира. Первая английская трагедия, написанная совершенно виртуозным белым стихом. «Тамерлан» начал новый период в английской драме. Благодаря мощному драматизму, яркости и благозвучности стиха, необыкновенной изысканности пьеса имела просто оглушительный успех – цитаты, подражания и

пародии долгие годы сопровождали это творение Марло.

Опубликованная в 1604 году «Трагическая история доктора Фауста» представила читателям первое в мировой литературе народное немецкое сказание о великом чернокнижнике; пьеса «Мальтийский еврей», несомненно, повлияла на «Венецианского купца» Шекспира – ее герой, еврей-купец, богатый и коварный, однако замыслы его терпят крах, дочь бежит к христианину, а сам он разоряется. Текст обеих пьес, к сожалению, испорчены переписчиками, переделками для театров, но следов руки автора достаточно, чтобы потомки могли получить представление о величии и красоте первоисточника. Действительно, в каком бы виде ни дошел до нас текст Марло, сила чувств, мастерство и великолепие стиха ощущается в полной мере. Особенно впечатляет последняя сцена «Трагической истории доктора Фауста», где всего за несколько минут сценического действия разворачивается драма человека, душа которого обречена на вечную гибель.

Написанная в те же годы хроника «Эдуард II» занимает и сегодня достойное место в английской драматургии. Она явно отличается от всего написанного ранее сдержанностью манеры, свидетельствующей о творческой зрелости автора. Цельность сюжета, стройность композиции, попытки глубоко проникнуть в психологию героев говорят о том, что перед гибелью поэт достиг расцвета своего дарования. В «Эдуарде II» Марло впервые обращается к теме романтической любви. По сравнению с ней две более поздние трагедии, вероятно, созданные Марло в очень короткие сроки, «Дидона, царица Карфагена» и «Парижская резня» выглядят более слабыми…



Возможно, здесь покоится Кристофер Марло

Помимо драматических произведений, Марло пишет совершенно волшебную поэму о любви «Геро и Леандр» (исследователи полагают, и не без оснований, что Марло успел создать только две песни, остальные были дописаны его другом Дж. Чепменом после смерти поэта) и блестяще переводит «Любовные элегии» Овидия…

Можно сказать, что Марло вел бурную, полную приключений жизнь… Так, он оказался под подозрением в совершении убийства в драке и был заключен в тюрьму. Выйдя из непродолжительного заключения, Марло столкнулся с обвинением в атеизме – драматург Томас Кид, находясь под следствием, во время пыток оговорил своего приятеля… В 1593 году Кид был казнен, а королевский Совет, опираясь на его показания, подготовил указ об аресте Кристофера Марло.

Однако еще до ареста Марло погибает от удара кинжалом в переносицу, нанесенного в пьяной драке одним из его друзей, Инграмом Фризером. Убийство Марло произошло 30 мая 1593 года в таверне в Дертфорде. Трагическая гибель стала причиной слухов о том, что он был убит наемным убийцей из-за боязни раскрытия секретов английской разведки…

Резюме: жизнь замечательного, уникального драматурга оборвалась трагически – он погиб как раз в то время, когда звезда Шекспира еще только начала восходить. Творчество его, на самом деле, представляет огромную ценность, хотя, к сожалению, нашему читателю оно практически неизвестно. Разве что шекспироведы располагают еще одной версией об авторстве шекспировских произведений – Марло остался жив, укрылся на континенте, спасаясь от гнева Тайного совета, и продолжал творить под именем Шекспира. История хранит много тайн, и большая часть из них не будет раскрыта никогда. Однако стремительный подъем английской поэзии и драматургии на небывалую высоту во всем мире искусства, без сомнения, начинается с произведений Кристофера Марло.

§ 6. Бен Джонсон

Портрет Бенджамина Джонсона работы Абрахама ван Блиенберха (ок. 1617)

Биографические сведения об этом, одном из трех, наряду с К.Марло и В.Шекспиром, великих поэтов и драматургов Англии, крайне скудны и туманны. *Бен Джонсон* (около 1573-1637). Кто же он? Записей о его рождении и крещении не сохранилось. Согласно наиболее признанному из нескольких противоречивых свидетельств, он родился после смерти своего отца, протестантского проповедника. Отчим Джонсона, Роберт Бретт, был каменщиком и имел недвижимость в Хартшорн-Лейн. Джонсон и Бретт участвовали в строительстве «Линкольнз Инн» в Лондоне и упоминаются в числе лиц, пожертвовавших средства на воздвижение церкви Святого Мартина в 1597.

Учился в Лондоне, в школе при упомянутой церкви, а затем, вероятно,в Вестминстере под руководством и на средства знаменитого историка, географа, антиквара, поэта У. Кемдена, и получил достаточно хорошее начальное образование.

Бен Джонсон беседует с приятелем – Уильямом Драммондом (работа Джозефа Ратклиффа) Скелтона

Окончив Вестминстерскую школу, Джонсон становится то каменщиком, то солдатом, то актером и, что вполне естественно, начинает заниматься сочинением пьес. Вообще, практически все материалы, относящиеся к биографии Бена Джонсона, в большинстве своем носят легендарный характер. Имеется ряд воспоминания о нем шотландского поэта Уильяма Драммонда, в которых изложены взгляды Джонсона на искусство, его отношение к другим поэтам, к театру, но в достоверности этих воспоминаний многие сомневаются.

Итак, судя по всему, Бен Джонсон был одним из наиболее

образованных людей своего времени, но неизвестно, как получил образование. Был избран магистром искусств в двух университетах, посвящал им свои произведения, но нет никаких данных о том, что он был связан с научной жизнью этих университетов или хотя бы учился в каком-либо из них.

Самым достоверным материалом являлось бы его творчество, но и оно исследовано не в полной мере, а авторство многих приписываемых ему произведений более чем сомнительно – известно же всем, что в то время практиковалось коллективное писание, переделывание чужих произведений для своих театров, откровенное литературное пиратство, которое давало возможность ставить имя любого на выпускаемой книге, разумеется, это имя должно быть достаточно известным. Так что нет сомнений, ряд произведений Бена Джонсона были кем-то переделаны, кое-что было написано им вместе с другими авторами, а некоторые просто ему приписаны. Бесспорно, принадлежащим Джонсону можно считать лишь небольшое количество комедий и стихов, изданных им самим еще при жизни, хотя, в общей сложности, но под его именем известно около пятидесяти отдельных произведений.

О его актерской деятельности мы тоже знаем немного – вероятно, он не имел громкого успеха, но это мнение основано лишь на том, что он вскоре перестал играть и начал писать. Имя Джонсона фигурирует в судебных протоколах за 1597 год, как одного из трех актеров, взятых под стражу и подвергшихся допросу за исполнение пьесы Т.Нэша «Собачий остров». Всех троих вскоре выпустили. Возможно, он еще трижды подвергался тюремному заключению.

Фрагмент оперы Р.Штрауса «Молчаливая женщина»

1598 год, славный год в истории Англии и едва не ставший годом смерти Бена Джонсона. В конце 1597 или начале 1598 года была поставлена первая из дошедших до нас его пьес «Обстоятельства переменились». За ней последовала комедия «Всяк в своем нраве» – она была поставлена труппой лорда-камергера (впоследствии ставшей труппой короля). В главных ролях были заняты Р.Бербедж и У.Шекспир.

В сентябре Джонсон снова попадает под арест – в архиве Мидлсекской тюрьмы за октябрь 1598 года есть запись о том, что Джонсону выжгли клеймо «Тайбернское дерево» (Тайберн – место публичной казни в Лондоне). Причина – ссора, а, возможно, и убийство некоего бывшего приятеля Г.Спенсера?

Исследователи полагают, что Джонсон участвовал в так называемой «войне театров», и нападки его противников заставили на время отказаться от комедии и обратиться к трагедии. Бен Джонсон пишет трагедии «Сеян» и «Катилина». Считается, что успеха у публики они не имели, хотя автор проявил себя как ученый-историк, философ и мастера поэзии.

Лучшие комедии Джонсона появляются уже в новом веке – «Вольпоне» (1606), «Молчаливая женщина» (1609) и «Алхимик (1610). Комедии… хотя до этого ему пришлось писать серию дивертисментов[15] для королевской семьи – «Празднество в Альтропе (1603), написанное «на прибытие» Анны – супруги Якова VI Шотландского. Затем – «Панегирик на восшествие на престол государя Якова» и часть дивертисмента к коронации

Якова (за что ему было назначено жалованье поэта-лауреата – без получения, кстати, соответствующего звания). А в 1605 году он работает в соавторстве с Дж.Чепменом и Д.Марстоном – комедия «Эй, к востоку!» пользовалась у лондонцев значительным успехом. Но…Еще один арест! За выпады против королевского двора, содержавшиеся в этой комедии… Правда, до суда дело не дошло – все трое были освобождены…

Дальнейшие годы жизни Бена Джонсона ознаменовались сближением его с виднейшими английскими политиками, писателями, художниками, странной дружбой-враждой с драматургом И.Джонсом, их совместной работой при дворе…

Возможно, в 1612 или 1613 году был создан сборник «Эпиграммы», который Бен Джонсон считал «самым зрелым своим произведением».

В 1612-1613 годах он отправляется за границу в качестве наставника сына сэра У.Рэйли, а в 1614 году сочиняет известное потомкам стихотворное посвящение «К Истории сэра Уолтера».

В 1614 Джонсон создает «Варфоломеевскую ярмарку», может быть, лучшую свою комедию, а в 1616 году он издает один из первых сборников пьес, важнейший труд, чистейший в текстологическом отношении (успех издания привел к публикации шекспировского фолио[16] в 1623 году, так называемому «Первое фолио»).

В 1616 году Бен Джонсон был рядом с В.Шекспиром в его последние дни…

В 1618 году Джонсон, как сообщают источники, пешком путешествовал по Шотландии и посетил поэта У.Драммонда недалеко от Эдинбурга. В издании сочинений Драммонда 1711 года включены сокращенные записи их бесед. Разговоры, содержащие уникальные биографические сведения, одни считают подделкой, другие признают бесценным документом. Записки же самого Джонсона о путешествии в Шотландию погибли в пожаре 1623 года. По сообщению Драммонда, Джонсон получил почетные ученые степени от Оксфордского и Кембриджского университетов – документально подтверждено только присуждение степени в Оксфорде.

Титульный лист издания произведений Б.Джонсона 1616 года

В 1623 году Бен Джонсон принимает участие в издании произведений Шекспира и пишет уникальное произведение «Хула вулкану», где описывает пожар, уничтоживший его библиотеку. В

числе сгоревшего перечисляются несколько его сочинений – английская грамматика, незаконченная пьеса, история царствования короля Генриха V, стихотворения, переводы, литературные заметки…

Со смертью короля Якова в 1625 в жизни Джонсона начался долгий период лишений – кредиторы, паралич, равнодушие короля Карл I, провалы его новых пьес, насмешки литературных противников…

Могила Б.Джонсона

6 августа 1637 года Джонсон умирает. На его могиле на Вестминстерском кладбище выбито:«О несравненный Бен Джонсон»…

Резюме: многие утверждают, что Джонсон всего лишь автор гармоничных строк, мастер сложных сюжетных конструкций и ярких гротескных и вполне реалистических характеров, поэт широчайшего диапазона… Учитель и друг многих драматургов Англии…

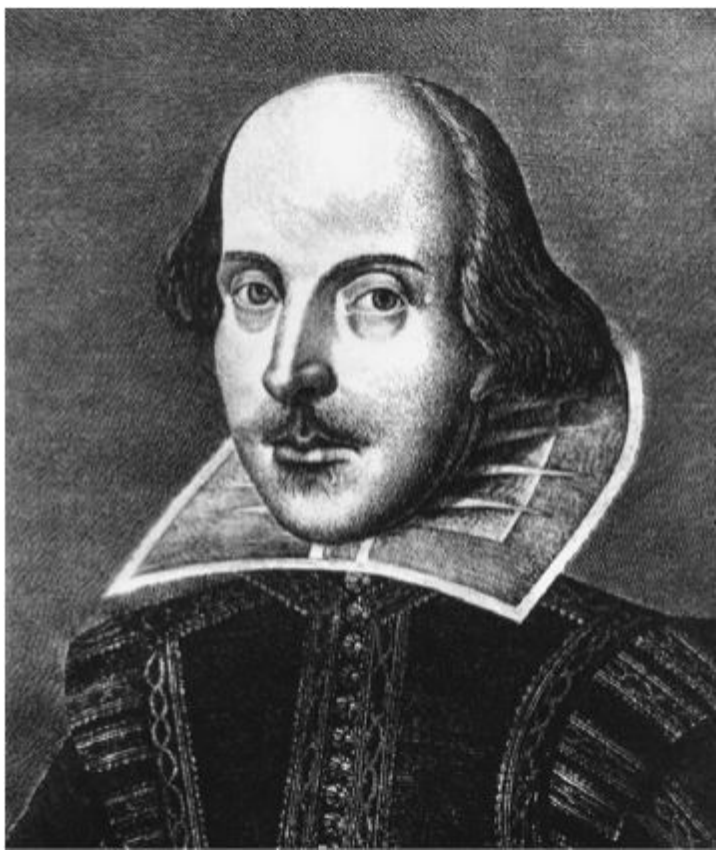
Слова не передадут всей мощи этой фигуры английского Возрождения. На родине его пьесы живут, в Росси он неизвестен, его имя теряется на фоне других талантливых драматургов прошлого. Но Бен Джонсон тоже уникален, уникален и судьбой, и творчеством, уникален как новатор языка и жанра, как предтеча истинного классицизма в искусстве Европы.

Глава V
В.Шекспир – вершина мировой литературы

Как начинать рассматривать творчество одного из самых великих писателей мира, писателя, достойно возглавляющего еще и список самых выдающихся людей тысячелетия? Как передать свой душевный трепет при обращении к имени *Вильяма Шекспира* (1564-1616)?

Безусловно, имя это известно практически всем…

Пьесы и фильмы, сонеты, положенные на музыку, многочисленные мюзиклы… Попробуем все же обозначить некоторую систему, которая поможет нам при рассмотрении творчества великого барда:



Портретов Шекспира довольно много, но ни одного прижизненного

– Шекспировский вопрос;
– Шекспировский канон;
– биографические версии;
– на сцене «Гамлет»;
– «Великие трагедии»;
– XX и XXI века: снова Шекспир.

Музыка Прокофьева к балету «Ромео и Джульетта», особенно лейтмотив, «тема Джульетты», и современные арии из французского мюзикла – это попытки современности, искусств, сопредельных литературе, войти в волшебный мир шекспировской драматургии.

Третий лист завещания Шекспира

Шекспировский вопрос! Действительно, вопрос, волнующий шекспироведов, историков литературы, всех, желающих узнать правду о выдающемся англичанине, уже много лет стоит неразрешимым перед человечеством. Таинственная надгробная надпись, запрещающая тревожить прах драматурга… Необычное завещание, где упоминаются ложки и кровать, зато нет ни одного

слова о книгах и рукописях! Таинственное совпадение дня рождения и дня смерти… Портреты, появившиеся только спустя несколько лет после смерти драматурга; пиратские издания пьес Шекспира… Наличие хотя одного самостоятельного сюжета в пьесах, о загадочные последние пьесы (материалы об этом можно найти в самых разных изданиях, среди которых наиболее любопытны классические труды академика А. Аникста и писателей – исследователей Е. Черняка, Р. Белоусова, И. Гилилова).

Итак, версии, версии. Одна из самых живучих и знаменитых – гипотеза о принадлежности великих пьес перу Кристофера Марло. Великий драматург, автор пьес о Тамерлане и докторе Фаусте, сын сапожника, окончивший Кембридж, один из образованнейших людей своего времени, агент Тайного совета – политической полиции Англии, возможно, агент-двойник, гуляка и дебошир, знакомый со многими аристократами, близкими к королевскому двору… И вдруг – таинственная гибель в пьяной драке, рана, нанесенная стилетом в переносицу, исчезновение тела…А спустя совсем небольшой промежуток времени лондонские театры представляют зрителям новые спектакли, пользующиеся оглушительным успехом, поставленные по пьесам, написанным, якобы, посредственным актеришкой Шекспиром… Версия «Марло» является достаточно аргументированной и имеет, пожалуй, самую давнюю историю и наибольшее количество приверженцев. Использование методов современного компьютерного анализа, сравнения стиля, языка известных произведений Марло и пьес Шекспира дает довольно убедительные результаты… Однако проблема остается и, прежде всего, потому, что есть еще ряд достаточно убедительных версий…И, прежде всего тех, где главными номинантами на роль авторов шекспировских произведений выступают блестящие вельможи елизаветинских времен Рэтленд и Саутгемптон, Чепмен и Сидни… В поддержку этих версий выступают литературоведы и историки, отрицающие, прежде всего, наличие систематического образования, то есть, правильнее сказать, классической средневековой образованности у актера Вильяма Шекспира, невозможность путешествовать по свету, незнание других языков кроме родного английского и пр. Заметим, один из ленинских наркомов, А.В. Луначарский яростно придерживался «аристократического» направления в шекспироведении (что, по его временам, было просто удивительно).

Версии эти красивы, убедительны, во многом очень убедительны: откуда взять бедному (впоследствии, видимо, уже не очень бедному) актеришке столько занимательных сведений о

разных странах, как мог он знать расположение улиц Вероны и Венеции, откуда ему было известно о древнем канале в Богемии, а цитаты из древних классиков…? Хотя, ой как попахивает средневековой Англией старая Италия Шекспира, а книги Боккаччо и Мазуччо столько могли рассказать опытному и способному читателю…

Сэр Френсис Бэкон

В середине XIX века появляется еще одна уникальная, выдвинутая американским ученым Смитом, версия: автором шекспировских произведений был выдающийся ученый, мыслитель, писатель Френсис Бэкон! Очень любопытно, не так ли (если еще учесть, что поддерживает эту версию английский литературовед – дама с интересной фамилией … Бэкон, однофамилица претендента)! Версия имеет целый ряд мощных аргументов, поддерживаемых и выдвинутых большой группой шекспироведов – исследователей, публикующих свои разыскания в самой широкой прессе: от научных журналов до бульварных изданий. Сейчас известно о существовании якобы подлинного

дневника Френсиса Бэкона, где ученый признается в авторстве известных всему миру пьес, дает этому подтверждение и объясняет причины анонимности… Недостойно, мол, было великим пописывать пьески…Вот и договорился с актером и пайщиком театра «Глобус»… Отрывки из этих дневников публиковались и в российских околонаучных журналах. А картина, написанная английским художником в начале XVII века, изображающая Бэкона, сидящего за своим рабочим столом в кабинете, а в самом низу картины… череда легко угадывающихся персонажей шекспировских произведений!

Мэри Пембрук

Одной из красивейших, самых смелых и не лишенных убедительности версий, является предположение о том, что автором произведений, известных нам как шекспировские, является женщина, да еще и вполне конкретная, известная и современникам, и потомкам: королева Елизавета, Рыжая Бетси, королева-девственница, убийца Марии Стюарт, покровительница знаменитых мореплавателей, пиратов и открывателей новых

земель, победительница испанцев, покровительница искусств и наук, женщина поразительного ума и темперамента, странной и страшной судьбы…

Английская королева Елизавета I! И, добавим, жуткая мужененавистница… Ученые-шекспироведы давно обратили внимание, что в пьесах Шекспира нет ни одного, так сказать, положительного мужского образа, персонажа-мужчины, чьи черты, чей характер не вызывал бы некоей неприязни, возмущения, жалости и т.д. Один за другим перед нами проходит череда слабых и маниакально жестоких, просто глупых и практически безумных, пьяниц и обжор, тупиц и убийц… Ричард и Гамлет, Цезарь и Антоний, Тит Андроник и Тарквиний, и прочие, прочие, прочие… Может, все свои чувства к мужчинам и высказала королева, которой не к лицу было слыть автором пьес? А ведь и у нас была правительница-драматург, писавшая, кстати, под псевдонимом (императрица российская Екатерина II). А версия о том, что автором шекспировских произведений была сестра замечательного поэта (тоже претендента на роль автора) Ф.Сидни, замечательная женщина-поэтесса Мэри Пембрук?

А уникальный портрет Шекспира из Первого фолио, внимательно присмотревшись к которому, ученые обратили внимание на то, что вместо лица, возможно, перед нами маска (уж слишком округло и как бы отделяется от лица), а рукава вшиты по-разному: один нормально, а другой наоборот, задом наперед… Не есть ли это тайный знак, что перед нами не реальная личность, а человек-загадка, скрывающий свое подлинное лицо? А таинственная «смуглая леди сонетов» и загадочные буквы их до сих пор неустановленного адресата? Первое фолио, о котором мы только что сказали, собрано и издано было, вероятно, при непосредственном участии Бена Джонсона, оставившего и посвящение, озаглавленное им «К читателю»:

Фигура, что здесь видишь ты,
Шекспира обрела черты.
Гравер борьбу с Природой вел,
Но жизнь саму не превзошел.
О, если б он заставил медь
Шекспира ум запечатлеть,
Подобно лику, – Оттиск сей
Все б превзошел ценой своей.
Смотри ж, Читатель, вняв совету,
Не на Портрет, а в Книгу эту.

А это вроде как дом Шекспира в Стрэтфорде-на-Эйвоне…

Итак, мифическая или подлинная биография – отец, перчаточник и впоследствии бейлиф – градоначальник (правда, ненадолго), замечательная мать, дочь зажиточного фермера, обучение в школе и прогулки по берегу Эйвона. Маленький городок Стрэтфорд…День рождения – 23 апреля (не факт, кстати) 1564 года. Третий ребенок и первый сын в семье. Большого рвения в учебе не проявлял малыш Вильям, зато любил рассматривать букашек и травинки, слушать истории о нечистой силе… Но книги читал! Обычная жизнь паренька из провинциального средневекового городка. Женитьба (ранняя, скажем прямо), рождение первенца и вдруг…

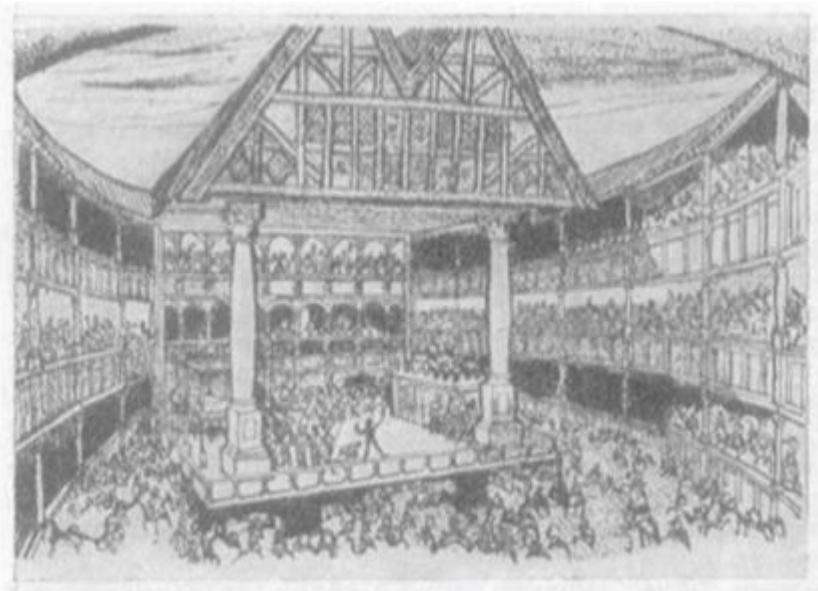
Уход из дома. Куда? Ну, конечно, в Лондон! Почему? Ребенок мешал или ранняя женитьба прервала творческие планы, а, может, просто боязнь гнева и наказания от руки соседнего помещика, где имел неосторожность поохотиться юный Вильям да попался на глаза помещичьи егерям? Неизвестно, неизвестно, как и многое еще другое…

Но просто ли добраться до столицы? Междоусобицы, эхо войны Алой и Белой Розы, опустошенная английская земля, только-только присмиревшие феодалы под жесткой властью королевы Елизаветы, разорившиеся крестьяне, потопленные в

крови восстания против «огораживания», бездомные скитальцы по многочисленным дорогам, с посохами в руках, в лохмотьях. Под страхом смерти бродили они здесь, ибо жестокие указы предписывали уличенных в бродяжничестве на первый раз сечь, на второй казнить, и страшно были «украшены» деревья вдоль дороги в Лондон казненными бедолагами…А рядом: истории о знаменитых мореплавателях-пиратах, привозивших богатую добычу с другого конца света, о разоблаченных испанских шпионах, о заговорах Марии Стюарт – разве это не могло привлечь внимание юного любителя приключений из Стрэтфорда?

Да, а еще по дорогам Англии разъезжали странствующие актеры: их фургоны частенько обгоняли бредущих путников, а потом встречали их на постоялых дворах, превращающихся в театрики. Их бытие казалось полным таинственных приключений, ведь они трансформировались (да еще и на глазах) и в пиратов, и в королей, и в воинов, и в разбойников… Но так ли весела их жизнь, как это могло показаться неискушенному провинциалу? Указ 1572 года навсегда приравнял странствующих актеров к бродягам. Чтоб не быть высеченными и заклейменными, чтоб не подставить шею под петлю или топор, актерам было необходимо найти богатого покровителя, другими словами, стать слугами, отдающими часть дохода своему покровителю… В обмен – жизнь, возможность творить и путешествовать, пополнять репертуар, общаться (порой на кулаках) с конкурентами… Вот и двигались по дорогам забавные театрики с громкими наименованиям: «Слуги Лестера», «Труппа Уоррика», «Труппа лорда – камергера» и пр.

Наконец-то, Лондон… Ничего достоверного о первых годах в столице: стерег лошадей во время театральных представлений, занимался поденщиной, помогал в лавчонках зеленщиков, возможно, подвизался в какой-нибудь маленькой театральной труппе, вероятно, много читал и наблюдал, а впечатлений было достаточно: расширялись границы Англии, слетела голова королевы Марии, была потоплена Непобедимая Армада – столько событий, да еще каких, времена, будто сами просившие своего воплощения на бумаге, времена, которые ждали своего летописца…



Сцена театра «Глобус»

90-е годы XVI века… Слава и горечь, чума и подвиги… И десяток театров по всему Лондону. Один из них так и назывался – «Театр», чей хозяин, Джеймс Бербедж, принял к себе молодого Шекспира, помогшего ему при постановке пьес Кида, Марло и Грина. Труппа Бербеджа быстро становится популярной в Лондоне – сыплются приглашения во дворцы аристократов и даже в придворный театр королевы; знакомство с аристократами полезно не только в денежном отношении – это известность, слава! Одному из новых знакомых-покровителей, графу Саутгемптону Шекспир посвящает, вероятно, свое первое произведение, великолепную поэму «Венера и Адонис». Любовь, всепобеждающая любовь грядет со страниц чудесной поэмы юного Шекспира!

Начинается работа над сонетами… Кто их таинственный адресат, скрытый под буквами W.H. (весьма вероятно, что этобыл Генри Ризли, граф Саутгемптон). Кстати, часть сонетов посвящена мужчине, а часть женщине…

Бербедж предлагает предприимчивому молодому человеку, не блещущему актерскими способностями, но прекрасно знающему бухгалтерию и владеющему пером, стать пайщиком труппы и нового театра в предместье Лондона, на правом берегу Темзы. Да, это тот самый знаменитый театр «Глобус», на фронтоне которого, под соломенной, скорее всего, крышей, красовалось изображение земного шара, поддерживаемого деревянной статуей Геракла, опоясанного надписью «Весь мир

лицедействует». Открылся знаменитый театр постановкой шекспировского «Юлия Цезаря» в 1599 году. Да вскоре сгорел, сгорел «Глобус», со всем, что было внутри, в июле 1613 года … Как хорошо, что «рукописи не горят»!

Возраст Христа. Шекспир полон сил. Блистательные комедии: «Укрощение строптивой», «Сон в летнюю ночь» и другие – они пользуются огромным успехом. Труппа Бербеджа (сын Джеймса, Ричард Бэрбедж – ведущий актер труппы, переигравший все главные роли в шекспировских пьесах) процветает. И это, практически все, благодаря Шекспиру – автору искрометных любовных комедий и режиссеру собственных пьес! Как странно в эти дни появление трагедии, заставляющей печалиться до сей поры весь мир – «Ромео и Джульетта» – не кажется ли это диссонансом? Что вызвало к жизни написание этой пьесы – замечательный текст Боккаччо или собственные трагические переживания?

А история Англии, вдруг с особой силой зазвучавшая в пьесах Шекспира в конце 90-х? Автор полон настоящим, но постоянно думает о прошлом…

Причины? Может быть, заговор графа Эссекса, который заплатил Бэрбеджу за постановку «Ричарда II» для подогрева участников мятежа? Постоянная раздраженность стареющей королевы, казни фаворитов и, наконец, смена королевской власти, царствование английского Нерона – короля Якова? Сейчас трудно сказать, но стоит подумать об этом, читая или смотря «Генриха VI» и «Ричарда II», «Короля Джона» и «Генриха V».

Время идет, меняется Англия. Новый век не приносит счастья, не сбываются надежды на новое царство, скатились с плеч головы покровителей, иные заточены в Тауре. Новый век начинается с «Гамлета»…И одна за другой из-под пера Шекспира выходят великие трагедии: «Макбет» и «Отелло», «Король Лир». Античные сюжеты захватывают драматурга. «Антоний и Клеопатра», «Тимон Афинский», еще несколько комедий…

И снова неожиданный поворот в судьбе – загадочные пьесы последних лет жизни: «Зимняя сказка», «Буря» – они не разгаданы до сих пор. И отъезд на родину, в Стрэтфорд, в 1612 году, в новый дом с садом. Изредка этого бодрого на вид, уважаемого жителя города Стрэтфорда, навещают лондонские друзья, среди которых есть и знатные особы, горожане видят Шекспира сажающим деревья возле своего дома. Почти пять лет молчания, и необычное завещание… Скоропостижная смерть практически в день своего рождения – 23 апреля 1616 года (за морем, на континенте, в этот день скончался Сервантес…). Вот краткое, неполное и неточное, вымышленное, апокрифическое, необыкновенное жизнеописание

Вильяма Шекспира, бывшего, по словам известного драматурга, современника Шекспира Бена Джонсона, «душой века».

А вот и наш «Шекспировский канон»:

Поэмы	*«Венера и Адонис» (1592), «Лукреция» (1593)*
Сонеты	*1592 – 1609*
Драматические (исторические) хроники	*«Генрих IV» (1597), «Генрих V» (1599), «Генрих VI» (1590-1591), «Ричард II» (1595), «Ричард III» (1592),[«Генрих VIII»] (1612), «Король Джон» (1596)*
«Ромео и Джульетта»	*1595*
Комедии	*«Комедия ошибок» (1592), «Укрощение строптивой» (1593), «Два веронца» (1594), «Бесплодные усилия любви» (1594), «Сон в летнюю ночь» (1595), «Виндзорские кумушки» (1597), «Много шуму из ничего» (1598), «Как вам это понравится» (1599), «Двенадцатая ночь» (1600), «Конец – делу венец» (1602)*
«Античные трагедии»	*«Тит Андроник»] (1593), «Юлий Цезарь» (1599), «Троил и Крессида» (1602), «Антоний и Клеопатра» (1606), «Кориолан» (1607), «Тимон Афинский» (1608), «Перикл» (1608)*
«Великие трагедии»	*«Гамлет» (1601), «Отелло» (1604), «Король Лир» (1605), «Макбет» (1605)*
Драмы, комедии и трагедии разных лет	*«Венецианский купец» (1596), «Мера за меру» (1604)*
«Последние пьесы»	*«Цимбелин» (1609), «Зимняя сказка» (1610), «Буря» (1612)*

2 поэмы, 154 сонета, 37 пьес («Генрих IV» и «Генрих VI» состоят из самостоятельных частей)

Можно добавить:

– датировка произведений Шекспира является далеко не установленной, поэтому возможны разночтения в литературе, посвященной творчеству В. Шекспира;

– пьесы, названия которых указаны в скобках, приписываются перу драматурга условно – авторство не подтверждено;

– предположительно в 1613 г. В соавторстве с Дж. Флетчером написана пьеса «Два благородных родича»;

– видимо, как истинный поэт, Шекспир просто не мог не писать стихов…

– уникальная, вызывающая многочисленные споры поэма

«Феникс и Голубка»…

А сколько можно рассказать о фальсификации шекспировских произведений? Например, история о том, как некий молодой человек по имени Генри Айрленд, не без поддержки собственного отца плодил одну за другой подделки – от любовных писем Шекспира к его жене Энн Хэтеуэй до писем к друзьям-актерам, от долговых расписок до рукописи «Короля Лира». И, наконец, – вершина! Вдохновленный висевшей в доме его отца картиной, на которой были изображены валлийский король-воин и королева Ровена, Айрленд сочиняет пьесу «Вортигерн и Ровена». Но эта история просто превращается в фарс, когда, не дописав пьесу, он проболтался о ее существовании отцу – отец тоже проговорился – поползли слухи, и Айрленда предупредили, что могут обнаружиться наследники Шекспира, которые предъявят права на «обнаруженную» пьесу! Айрленд состряпал документ, по которому Шекспир якобы завещал все свои рукописи некоему мистеру Уильяму Айрленду, который как-то раз спас тонувшего поэта! И эту смехотворную историю тоже проглотили! Началась охота за пьесой, в которую включились директора лондонских театров. Выбор фальсификатора, по понятным причинам, пал на Шеридана, директора театра Друри-Лейн. Но уж очень сильно чесались руки у юного специалиста-шекспироведа: он продолжает писать, и вслед за «Вортигерном» появляется «Генрих II» и часть пьесы «Вильгельм Завоеватель»… Пьеса в ДруриЛейн провалилась с треском (в чем Айрленд обвинял актеров). Памфлеты, обвинения, разоблачения, и все же настойчивый юноша в 1832 году выпускает второе издание своей подделки… Эта длинная, смешная и грустная, детективная история тянулась до 80-х годов XIX века. Но подделками шекспировских произведений, к сожалению, занимаются и до сих пор!

Стоит вслушаться в сонеты Шекспира! Потрясающий душу сонет 66:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,

И праведность на службе у порока.
Все мерзостно, что вижу я вокруг…
Но как тебя покинуть, милый друг!

Размышления о глубоком философском содержании этого шедевра поэзии приведут нас к «великим трагедиям» Шекспира.

…Сумрачное северное небо. Очертания старинного замка. Это замок Эльсинор. Перед нами далекая древняя Дания, в которой живут и страдают герои трагедии «Гамлет». И где бы ни взвился занавес, открывший эти декорации, уже более 400 лет весь мир смотрит и переживает вместе с Офелией и наследным датским принцем, и не оставит никого равнодушным эта воистину величайшая трагедия, никого, независимо от цвета кожи или вероисповедания.

В роли Гамлета В.Высоцкий

А теперь представьте себе деревянную сцену театра «Глобус» в предместье Лондона в 1601 году. Огромная толпа у входа, люди всех сословий и званий пытаются занять дешевые сидячие места, аристократы в шляпах с огромными перьями располагаются прямо на сцене (тут же они будут и пить, и есть…прямо во время спектакля). Запах свежей соломы, застилающей сцену, соединяется с острым запахом зверинца, расположенного

неподалеку. Говор толпы прерывается ревом рога, сообщающем о начале спектакля. Мало кто из зрителей знает, что роль призрака, появляющегося из-под сцены при помощи подъемного механизма, исполняет автор и совладелец театра, актер и режиссер Вильям Шекспир.

Старинное сказание о принце, прикинувшемся безумным, чтобы отомстить за гибель отца, впервые приведено в старинной датской хронике Саксона Грамматика. Француз Бельфоре пересказал эту историю в своих «Трагических хрониках», уже упоминавшийся Боккаччо рассказал о Гамлете в знаменитом «Декамероне». Английский драматург Кид поведал эту историю по-своему, снабдив множеством кровавых подробностей. Скорей всего, Шекспир видел пьесу о Гамлете на сцене конкурирующего театра и читал очень популярный тогда «Декамерон», неоднократно переводившийся к тому времени на английский язык. Рассказ этот, где главной темой, без сомнения, является месть, конечно, привлек внимание талантливого драматурга, и началась новая жизнь Гамлета, на этот раз в своем последнем и гениальном воплощении. Несмотря на «даль времен» принц датский выглядит современником драматурга. Совершая свой сыновний долг, выполняя данную отцу клятву, Гамлет вступает в борьбу с обманом и подлостью, предательством и низостью, в конечном счете, он вступает в борьбу с властью и веком, в неравную борьбу, в поединок, в котором погибнут все.

Можно по-разному толковать образ Гамлета. Сколько актеров и актрис во всем мире воплощало на сцене и в кино этот поразительный образ: М. Щепкин, М. Чехов, Л. Оливье, В. Качалов, Э. Марцевич, В. Высоцкий, И. Смоктуновский, О. Меньшиков, Д. Ольбрыхский, М. Гибсон, В. Рецептер, К. Брана и др. А Сара Бернар, игравшая Гамлета, сидя в инвалидном кресле…Это были такие разные герои, но что-то же объединяло их всех? Это неуемное желание найти правду, понять истинный смысл человеческого существования, понять суть механизмов власти и человеческих взаимоотношений; человек Средневековья продолжает жить в каждом правдолюбце уже более четырехсот лет! Прозорливость и талантливость этого героя, сила его ума и фантазии, только умножающие печали и беды героя величайшей трагедии, не могут оставить равнодушными людей нескольких столетий, разных эпох и цивилизаций.

Многочисленные литературные, научно-популярные издания пытаются тиражировать загадки Шекспира, с большим или меньшим успехом это происходит, оценит лишь время: роман Э. Берджесса «Влюбленный Шекспир» (название придумано не автором, а, к сожалению, переводчиками), сумрачная книга

Д.Апдайка «Гертруда и Клавдий», роман Ю. Домбровского «Смуглая леди сонетов», наконец, поразительная, с элементами эпатажа, пьеса-версия Б. Акунина…

Одно из многочисленных изображений шекспировских героев

А упомянутая нами уже «Ромео и Джульетта»? Сюжет трагедии знаком многим: мир подарил нам чудесный фильм Ф. Дзефирелли, и голливудский боевик с Л. Ди Каприо, снятый на фоне современного Лос-Анжелеса (но с сохранением текста в переводе Б. Пастернака), и мюзикл из Парижа…Сюжет этой пьесы абсолютен, актуален, угадан настолько точно, что проблема, поставленная в ней, к сожалению, будет оставаться всегда…

Вечное противостояние лжи, лести и обману в трагедиях «Отелло» и «Король Лир», грозное предупреждение тиранам в «Макбете» (уже с такой мощью проявившееся в пьесе «Ричард II»). Тронная тема, тема власти – это еще одна сильнейшая тема произведений Шекспира. В них, к тому, предстают перед зрителями и читателями уникальные женские образы, а мудрый

шут Оселок? Он чем-то похож на великого Эзопа или мудреца Сократа… Понимание смысла жизни героями великих трагедий происходит лишь в момент их столкновения с реальным миром, миром вне дворца, вне трона и власти, миром безумным и порочным. Стоит задуматься о судьбе этих героев… Реальность сюжетов? Достаточно помнить о сложном и неприязненном отношении русского гения Л. Н. Толстого к творчеству Шекспира и буквальному повторению им судьбы короля Лира во время «ухода» из Ясной Поляны…

Странный и загадочный мир видим мы не только в «великих трагедиях». Еще более странен он в «последних пьесах», написанных в трагические годы болезни незадолго до смерти драматурга. Что вызвало к жизни эти произведения, написанные как бы в тумане: болезни, разочарование? И варварство, и злодейство, и магия, и свобода – все сплелось в единый вневременной клубок, поднято и уносится «бурей». Куда? В тот мир, который предвидит Автор?

Строки из «Бури» напоминают пророчества Леонардо да Винчи и Нострадамуса:

Бюст Шекспира в церкви св. Троицы в Стратфорде

…Сколько вижу я красивых Созданий!
Как прекрасен род людской!
О дивный новый мир, где обитают
Такие люди!

Резюме: в качестве завершения вместо еще одного ряда хвалебных и восхищенных строк приведем строки сонета Х. Холланда, строки, которым около 400 лет:

«На стихи и жизнь знаменитого сценического поэта
МАСТЕРА ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА»
Ход дней Шекспира ныне завершен.
Британцы, смолкнут пусть рукоплесканья.
Те дни причастны к пьесам созиданью
-И свод небес с землею потрясен.
Источник Мельпомены превращен
Иссякнув, в слезы; Феба нет сиянья.
Венчают лавры гроб того, чье званье –
Поэт, кто королем их наречен.
Будь у трагедий всех один пролог,
Им стали бы все те, что он создал.
Во славе он, хотя в могилу лег –
Приют для смертных, что последним стал.
Пусть жизнь его свой завершила срок,
Бессмертие – удел великих строк.

Глава VI
Литературное Возрождение в Испании и Португалии

1492 год…Сколько же всего произошло в этот год! Открытие Америки в результате плавания великого и неугомонного мечтателя Колумба. Завоевание Гранады! Появление первой грамматики испанского языка! Теперь начнется и возрождение новой, национальной литературы, ставшей истинной наследницей лучших средневековых традиций народной драмы, народного романа и замечательного, музыкального жанра, известного нам под наименованием романс!

§ 1. Мигель де Сервантес

И все же истинное начало новой литературе даст творчество выдающегося писателя *Мигеля де Сервантеса Сааведры* (1547-1616).

Родился он в маленьком городке Алькала-де-Энарес в провинции Мадрид. Его отец, Родриго де Сервантес, из знатного, но захудалого рода, был скромным хирургом. Возможно, что отец будущего писателя происходил из Кордовы, города в Андалусии, где смешались христианская и арабская культура. Возможно, в крови Сервантеса смешалась европейская и арабская или еврейская кровь – нам не известно об этом, но будущий великий писатель никогда не кичился чистотой крови и не презирал иноземцев…

Мигель де Серантес

О его детстве, кроме того, что он был крещен 9 октября 1547 года, практически ничего не известно – вот только семья

вынуждена переезжать с места на место в поисках заработка и спасения от кредиторов…

Одно из ранних документальных свидетельств, примерно, 1567 года, называет его автором сонета, обращенного к королеве Изабелле Валуа, третьей жене Филиппа II, а затем он упоминается в связи с несколькими стихотворениями на смерть королевы в октябре 1568 года.

Площадь Сервантеса в центре Алькала-де-Энарес

Учился Сервантес, вероятно, урывками, и до ученой степени не дошел. дошло. Не найдя средств к существованию (правда, существует версия о том, что он оказался замешанным в уличной стычке и находился под страхом судебного преследования…) в Испании, он отправился в Италию и в 1570 году определился на службу к кардиналу Дж. Аквавива. В 1571 году он уже числится солдатом морской экспедиции, которую испанский король, папа и сеньория Венеции готовили против турок. Сервантес, как известно, храбро сражается при Лепанто (7 октября 1571 года) – одна из полученных ран искалечила ему руку, оставив ее парализованной навсегда. Затем Сервантес отправляется на Сицилию, видимо, подлечиться, и остается там до 1575 года, когда, наконец-то, решает вернуться в Испанию, надеясь получить

должность капитана в награду за военные подвиги армии. Но…26 сентября 1575 года корабль, на котором он плыл, был захвачен алжирскими пиратами. Сервантес был отвезен в Алжир, где пробыл до 19 сентября 1580 года. В конце концов, семья Сервантеса с помощью монахов-тринитариев выкупает алжирского пленника… Достойного вознаграждения Сервантес так и не дождался…

Сражение при Лепанто

В 1584 году Сервантес женится, но семейная жизнь не ладится – многие годы он живет вдали от жены; Исабель – его единственный ребенок, родилась от внебрачной связи…

В 1585 году Сервантес назначается комиссаром по закупке пшеницы, ячменя и оливкового масла в Андалусии для знаменитого испанского флота – Непобедимой Армады Филиппа II. Эта ничем не примечательная работа оказалась неблагодарной и опасной. Два раза Сервантесу пришлось реквизировать пшеницу, принадлежавшую духовенству, и, несмотря на то, что это было выполнение королевского указа, его отлучают от церкви. В довершение несчастий – обвинение в незаконной закупке, растрате казенных денег – он попадает под суд, затем в тюрьму… Позднее, в 1590 году было отклонено его ходатайство о получении должности в американских колониях.

Исследователи считают, что во время одного из тюремных заключений (1592, 1597 или 1602 года) Сервантес начал свое бессмертное в будущем произведение. С 1602 года, наконец-то, заканчиваются преследования его по поводу предполагаемой задолженности перед короной, и в 1604 году он переезжает в Вальядолид, где в это время пребывает король.

PRIMERA PARTE
DE LA GALATEA,
DIVIDIDA EN SEYS LIBROS.
Compuesta por Miguel de Cervantes.
CON PRIVILEGIO.
Impressa en Alcala por Iuan Gracian.
Año de 1585.

Титульный лист первого издания «Галатеи»

С 1608 года Мигель Сервантес постоянно живет в Мадриде и уже, как известно, полностью посвящает себя литературным и издательским трудам. В последние годы жизни он, видимо, получал пенсии от графа Лемоса и архиепископа Толедо. Умер Сервантес в Мадриде 23 апреля 1616. В один день с В.Шекспиром…

Приведенные факты не дают, конечно, ни полного, ни точного представления о жизни Сервантеса, но, в конце концов, как и у каждого знаменитого писателя, главным в его жизни были его творения.

Через шестнадцать лет после публикации школьных стихотворений появились несколько комедий – попытка заработать деньги путем создания произведений популярного в ту пору жанра. Но – не нашлось постановщиков! А вот появление первой части «Галатеи» в 1585 году, пасторального романа приносит ему успех. Превратности любви выдуманных пастухов и пастушек, чередование прозы с поэзией, отсутствие главных

персонажей и какого бы то ни было единства действия, нехитрое соединение эпизоды (пастухи встречаются друг с другом и рассказывают о своих радостях и печалях)… Действие разворачивается на фоне условных картин природы неизменно прекрасные леса, родники, ручьи и вечная весна, позволяющая жить на лоне природы. Идея божественной благодати, освящающей души избранных, пронизывает этот, в сущности, совершенно искусственный роман, где любовь уподобляется божеству, которому поклоняется влюбленный и которое укрепляет веру героя и его волю к жизни. Вера, рождаемая человеческими желаниями, приравнивается к религиозным верованиям, что и объясняет постоянные нападки католических моралистов на пасторальный роман, который, кстати, вскоре, в конце XVI века практически угасает…

Сервантес неоднократно обещает выпустить вторую часть «Галатеи», но продолжение так никогда и не появилось…

В 1605 году была опубликована первая часть «Хитроумного идальго Дон Кихота Ламанчского», в 1615 году появилась вторая часть, появилась, как немедленный отклик на выход в свет пиратских продолжений полюбившихся испанцем похождений славного рыцаря Печального образа.

EL INGENIOSO
HIDALGO DON QVI-
XOTE DE LA MANCHA,
Compuesto por Miguel de Ceruantes
Saauedra.
DIRIGIDO AL DVQVE DE BEIAR,
Marques de Gibraleon, Conde de Benalcaçar, y Bañares, Vizconde de la Puebla de Alcozer, Señor de las villas de Capilla, Curiel, y Burguillos.
Año, 1605.
CON PRIVILEGIO,
EN MADRID Por Iuan de la Cuesta.
Vendese en casa de Francisco de Robles, librero del Rey nro señor.

А вот и первое издание «Дон Кихота»

В промежутке между двумя частями великой книги, в 1613 году появляются «Назидательные новеллы», а в 1614 году было напечатано «Путешествие на Парнас». В 1615 году Сервантес публикует «Восемь комедий и восемь интермедий», а уже после его смерти выходят «Странствия Персилеса и Сихизмунды».

Исследователи обнаружили в бумагах Сервантеса упоминания о второй части «Галатеи», о новеллах «Неделя в саду», «Обман глаз» и других произведениях, так и не созданных или не дошедших до нас…

Новеллы великого испанца

«Назидательные новеллы» включают в себя двенадцать рассказов, а назидательность, вынесенная в заглавие, связана с «моралью», заключенной в каждой новелле. Четыре новеллы – «Великодушный поклонник», «Сеньора Корнелия», «Две девицы», «Английская испанка» – объединены общей темой: влюбленные разделены капризными обстоятельствами, в конце концов, они воссоединяются и обретают долгожданное счастье. Героини идеально прекрасны и высоконравственны, их возлюбленные способны на величайшие жертвы и все они тянутся к моральному и аристократическому идеалу, освещающему их жизнь.

Другую группу «назидательных» новелл образуют «Сила крови», «Высокородная судомойка», «Цыганочка», «Ревнивый эстремадурец». Первые три рассказывают о любви и

приключениях, все в них оканчивается счастливо, а вот четвертая новелла заканчивается трагически. В новеллах «Ринконете и Кортадильо», «Обманном браке», «Лиценциате Видриере», «Беседе двух собак» Сервантес обращает внимание не на действие, а на характеры своих персонажей. Тон Сервантеса сух, ядовит, язык афористичен.

Среди драматических произведений выдающегося испанца выделим «Осаду Нумансии» – описание героического сопротивления иберийского города во время завоевания Испании римлянами во 2 в. до н.э. , а также довольно любопытные и забавные интермедии, такие, как «Судья по бракоразводным делам» и «Театр чудес».

…Со слов Сервантеса, что его роман родился «…в темнице, местопребывании всякого рода помех, обиталище одних лишь унылых звуков (имеется в виду свое заключение в севильской тюрьме в 1602 году).

Итак, «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605-1615) – пародия на рыцарский роман, энциклопедия испанской жизни XVII века, произведение с глубоким социальным и философским содержанием. Имя героя – Дон Кихота становится нарицательным для обозначения благородных, но бесплодных усилий и живет с нами до сих пор…

Дон Кихот и его оруженосец в иллюстрациях Г.Доре

Мировое значение Сервантеса, собственно, и основано на его романе «Дон Кихот», наиболее полном, всестороннем выражении его разнообразного гения. Задуманное как сатира на рыцарские романы, о чем автор вполне определенно говорит в «Прологе», это произведение выросло в глубокий психологический анализ человеческой природы, двух сторон нашей душевной деятельности: благородного идеализма, постоянно сталкивающегося с разрушающей его действительностью, и реалистической практичности. Обе эти стороны нашли себе гениальное проявление в бессмертных типах героя романа и его оруженосца Санчо Пансы – в их резкой противоположности заключается глубокая психологическая правда: Дон Кихот

напомнит нам Фауста – они оба идеалисты, а Санчо Панса может быть сопоставим с глубоким реалистом – воплощением черта – Мефистофелем – слияние этих сторон человеческого духа и составляет гармоническое целое. Сервантес симпатизирует своему герою (вероятно, в нем заключаются и автобиографические стороны «Дон Кихота»). Он смешон, его похождения, приключения (если не задумываться об их внутреннем смысле) вызывают смех, вскоре явно сменяющийся «смехом сквозь слезы»… В судьбах героев Сервантеса сказалась мировая ирония – та ирония, которую, по словам Гейне,«…Бог создал и поселил в мире и которой великий поэт подражал в своем печатном маленьком мире». Наш И.С. Тургенев в очерке «Гамлет и Дон Кихот» усмотрел «глубокий смысл» в последнем приключении – топтании Дон Кихота стадом свиней: «… попирание свиными ногами встречается всегда в жизни Дон Кихотов – именно перед ее концом; это последняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманию. Это пощечина фарисея. Потом они могут умереть. Они прошли через весь огонь горнила, завоевали себе бессмертие – и оно открывается пред ними». «Все великое земное разлетается как дым»… «Свобода, Санчо, – драгоценнейшее благо, дарованное небом человеку. Ничто не сравнится с ней: ни сокровища, сокрытые в недрах земных, ни те, что скрыты в глубине морской. За свободу и честь человек должен жертвовать жизнью, потому что рабство составляет величайшее земное бедствие. Ты видел изобилие и роскошь, окружавшие нас в замке герцога. И что же? Вкушая эти изысканные яства и замороженные напитки, я чувствовал себя голодным, потому что не пользовался ими с той свободой, с какой я пользовался бы своею собственностью: чувствовать себя обязанным за милости значит налагать оковы на свою душу»…

Такими героев Сервантеса увидел Пикассо

Роман Сервантеса сумел, кроме того, выразить все, что есть своеобразного в характере испанского народа, он познакомил нас с его особенностями, нравами, типами – перед нами, собственно, и энциклопедия, и судебные материалы современной автору Испании.

Неоднократно говорилось уже, что книга Сервантеса возникла как пародия на рыцарский роман, а образ Дон Кихота – пародия на описываемых в нем рыцарей… Дон Кихот, умирающий «…христианской смертью, какой не умирал ни один странствующий рыцарь», перед самой-то смертью раскаялся в своих увлечениях рыцарской литературой, признал сумасшествием свои поступки и как простой идальго, в завещании объявил, что если его племянница и «выйдет замуж, вопреки моему желанию, за человека, читающего эти зловредные книги, то считать ее лишенной наследства».

Таким видит роман Сервантеса Сальвадор Дали

В самом же деле, наша книга, пожалуй, пародия не только на рыцарский роман, но и на всю схоластическую ученость. Осмеяние этого – в жалобах автора на неспособность обставить свое произведение примечаниями, сносками, цитатами и пр. ученой рухлядью, ложной риторикой и патетикой…

Издевка над злоупотреблением цитатами из античных авторов, безусловно, кроме того, и против литературной бездарности вообще.

В ряде случаев роман Сервантеса прямо имитирует «Амадиса Гальского» – известный в Испании рыцарский роман (сцена посвящения в рыцари, описание дракона и др.) Сервантес, однако, пародирует рыцарский роман вообще. Больше того, пародирование рыцарского романа, в сущности, лишь один из элементов книги Сервантеса, к тому же, не главный, «Дон Кихот» – роман реалистический, бытовой, выражающий идеологию обедневшего, разоряющегося, деклассирующегося мелкого дворянства, тех, кто имел «…родовое копье, древний щит, тощую клячу и борзую собаку».

Дон Кихот по версии Октавио Окампо

Сам главный герой – живой обломок истории, последний рыцарь и уже потому «рыцарь печального образа», рыцарь «жалкого образа». Он жалок и смешон, потому что механически подражает прошлому. История «отошла от него на тот шаг, который отделяет великое от смешного». Сейчас бесстрашный идальго беден, худ, стар, одинок. Его щит из картона, а меч – просто заржавленный хлам. Его оруженосец – простой мужик, а дама – грубая деревенская баба. Лошадь – жалкая кляча, одр (у оруженосца и вовсе нет лошади – он тащится на осле). Воюет герой не с великанами, а с ветряными мельницами. Заступается не за обиженных, а за преступников. Полный желания творить добро, он всегда делает зло, а главное – мешает всем окружающим жить…А они, окружающие, умоляют его освободить их от благодеяний и защиты. И все потому, что он чужд реальной жизни…

Он жаждал, чтобы жизнь застыла, а его расчеты приводят к тому, что его избивают… Но Дон Кихот не падает духом, не

отчаивается при неудачах, потому что, не постигая смысла происшедшего с ним, он и не видит здесь своих несчастий и неудач.

Но, осознав свое безумство, он освобождается от комизма. Дон Кихот признает и принимает свою обреченность и перестает быть жалким, он становится трагическим и умирает не жалким безумцем, а смиренным христианином, и «мир изумлялся, ибо он жил, как безумец, и умер, как мудрец».

Резюме: Сервантес, как мы видели, изобличил своего героя, как безумца Дон Кихота и прославил его же, как мудрого идальго из глубины Испании. Единство героя и его оруженосца заключается в том, что оба они выступают как борцы за идеализированный утопический феодальный порядок, за торжество правды и справедливости, за такой социальный порядок, который никогда, собственно, и не существовал, за феодализм патриархального благодушия без крепостнического произвола. Но оба они подменяют прошлое своим представлением о нем. В XVII и XVIII веках историки литературы рассматривали роман с точки зрения тех исторических причин, которыми он был порожден, и тех последствий, которые вызвал – однозначно – пародия на рыцарские романы и рыцарские нравы. Лишь в XIX веке роман канонизируется. Его начинают интерпретировать философски, образы героев теперь воспринимаются как философская, психологическая категория, как общечеловеческие символы. Как сказал Дж. Байрон, «печальнее романа нет на свете»:

> … пороки он клеймит и хочет, чтобы сильный был
> в ответе, когда не прав.
> Безумец лишь на вид, друг чести Дон Кихот.
> Грустней морали
> Той эпопеи сыщем мы едва ли…

Возможно, именно здесь, под каменными плитами женского монастыря ордена босых тринитариев находятся останки великого испанского писателя…

Прошли века, и удивительно, но герои Сервантеса по-прежнему с нами, с читателями и многочисленными зрителями бесконечных инсценировок и экранизаций великой книги. Значит, живы не только образы, но и те идеи, те мысли, те человеческие заблуждения и страсти, пороки и недостатки, что породили этих героев и, главное, живо само желание человеческое бороться за справедливость и лучшую жизнь для всех в мире еще остающейся, к сожалению, несправедливости.

§ 2. Луис де Гонгора

Луис де Гонгора

Один из крупнейших поэтов Испании, и так мало нам известен… Дитя противоречивого времени, человек, совмещавший в себе, по мнению историков литературы, прямо противоположные начала: ученый-эрудит и подвижник интеллектуального труда, но в то же время – азартный и задиристый любитель сильных ощущений – от корриды до карточных игр… Литературная полемика, острая и колючая, в горячей Испании вполне могла привести к дуэли. Эстет, тонко чувствующий красоту окружающего мира и творений человеческих рук… Все это мы сказали о *Луисе де Гонгора-и-Арготе* (1561-1627).

Принадлежал будущий поэт к знатному, но обедневшему дворянскому роду. Родился в Кордове, одном из городов благодатной южной провинции Испании – Андалусии, где его отец исполнял почетную и выгодную должность коррехидора.

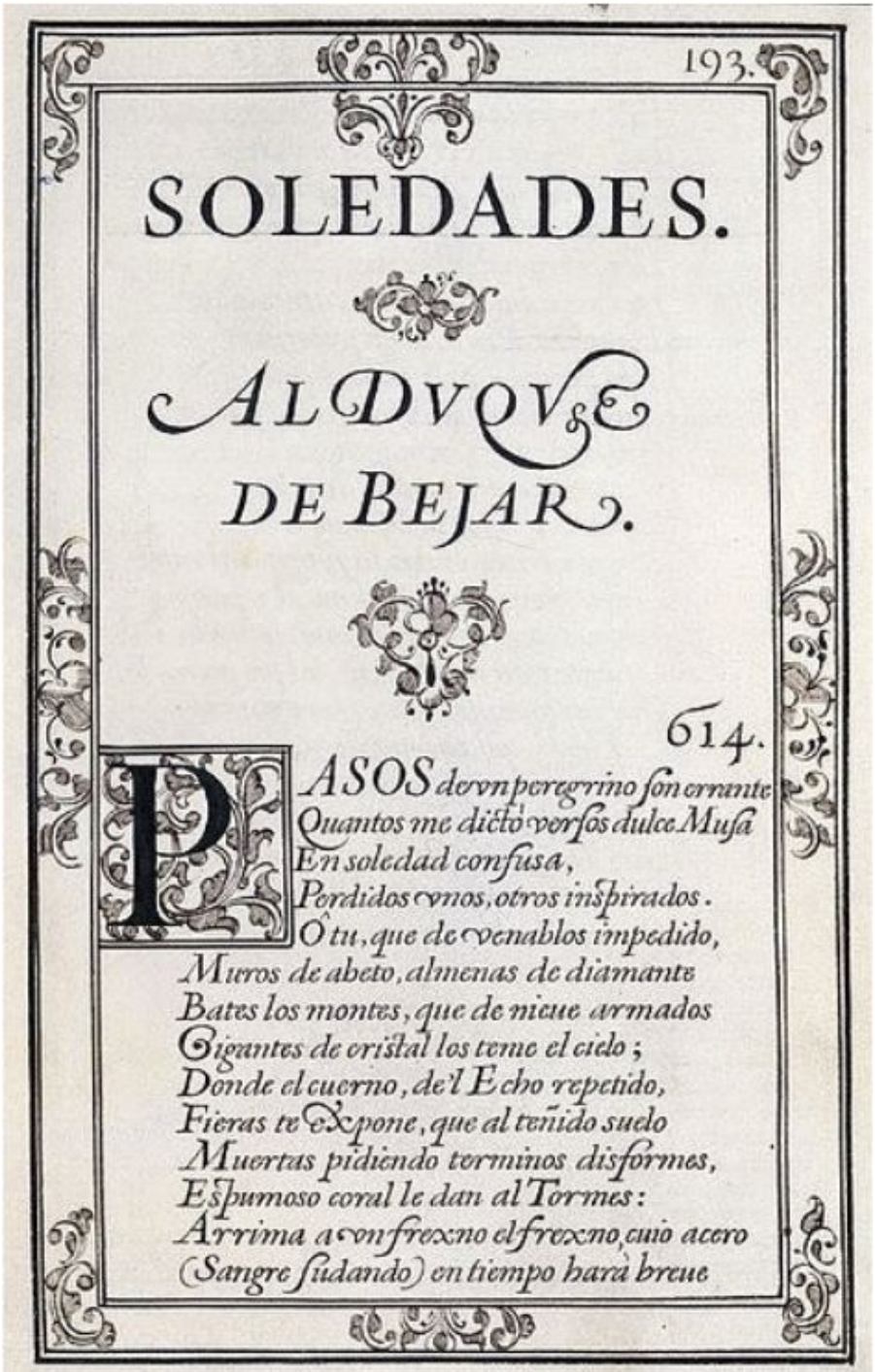
Пятнадцати лет будущий поэт отправляется в знаменитый Саламанкский университет, где изучает право и совершенствуется в танцах и фехтовании. Хотя есть версия, что уже в четырнадцатилетнем возрасте принял монашеский постриг и, завершив образование, стал клириком. Завершив или получив? Ведь учился он в первом университете Европы, в знаменитом Саламанкском университете, по-видимому, примерно в 1585 году Гонгора возвращается в Кордову. Юношеская жизнерадостность, иронический склад ума выразились в непритязательных сатирических стихах первого, раннего периода его творчества. В 1617году Гонгора отправляется в Мадрид, где в том же году был рукоположен в священники, а позже поставлен капелланом короля Филиппа III. Однако принятию духовного сана (возможно, в 1585 году) предшествовала серия любовных приключений, мелких и крупных жизненных конфликтов. Благодаря родственным связям Гонгора в 1589 году получил должность каноника в Кордове, в 1606 году был рукоположен в священники и вскоре, как мы уже сообщили, отправляется в Мадрид. Из возможных для дворянина поприщ деятельности, как сказано поэтом, «церковь, море иль дворец» – Гонгора выбирает церковь и дворец. В Мадриде Гонгора сразу включился в яростную полемику вокруг созданного им усложненного поэтического стиля «культеранизм» (иначе – «гонгоризм»). Среди прочих против него ополчились драматурги и поэты, прославившие испанскую литературу Лопе де Вега и Франсиско Кеведо. Гонгора отвечал известным ему способом – сатирическими сонетами.

Первое издание произведений Гонгоры было осуществлено в год его смерти, хотя задолго до этого были известны по рукописным спискам. Поэзия его настолько двойственна, что исследователями довольно легко выделяются, с одной стороны, тяга к народному и праздничному началу, с другой, стремление средствами поэзии достичь подлинной красоты словесной структуры. Это особенно ярко видно в его поэмах «Сказание о Полифеме и Галатее» (около 1613 года) и «Одиночества» («Уединения», около 1613 года). В басне-сказании о Полифеме повествуется о любви сына Посейдона, циклопа Полифема, к прекрасной нимфе Галатее. Вероятно, Гонгора взял за основу известный сюжет из «Метаморфоз» Овидия, добавив некоторые сведения из гомеровской «Одиссеи». История о том, как Полифем преследовал Галатею, об убийстве им счастливого соперника Акида, о том, как боги, сжалившись над несчастной нимфой, превратили убитого юношу в реку, лишена той наивности и страха, которые отличают первоисточник и многочисленные поздние поэтические разработки этого сюжета. Кроме того,

отличительной особенностью Гонгоры является психологическая мотивировка поступков героев его поэмы. Неразделенная любовь, ревность, страдания, смерть, печаль – эти чувства человека дублируются, усиливаются похожими по настроению явлениями в природе. «Психологизация» пейзажа, взаимопроникновение чувства и явлений природы – важное достижение выдающегося испанского поэта.

Безусловно одно – главным смыслом жизни Гонгоры все же была поэзия была поэзия. Значение его как поэта и как основного представителя культеранизма, конечно, велико, влияние его поэтической практики распространяется не только на современников, но и на потомков. Но поэзия Гонгоры не может быть сведена к «гонгоризму», как и любая достойная поэзия только к ее основателю. Ведь указанный нами первый период литературного творчества Гонгоры даст нам необыкновенно лиричные оды и песни, отличающиеся необыкновенной гармоничностью (в области формы и содержания) и филигранной техникой. Второй или высший этап в его творчестве представит нам все разнообразие жанров, на которое способен Гонгора: романсы, сонеты, сатирические стихотворения и т. д. – все это отличается изысканной простотой и ясным стилем. Особенно популярными у современников были «пиратские» и «мавританские» романсы. «Пиратские» представляли собой песни христианина, захваченного в плен турецкими или алжирскими пиратами – прикованный к галере, он жалуется на свою судьбу единственным слушателям – волнам… Замечательная литературная игра – вот что такое эти романсы…Ведь рядом будут строки, воспевающие благородство арабского рыцаря – это уже романс «мавританский»…

Книжные мотивы, перепевы античных мифов совершенно свободно вливаются в поэзию Гонгоры: Геро и Леандр, Пирам и Тисба – судьбы трагически погибших возлюбленных волнуют современных испанцев не меньше, чем их далеких предков. Но и рядом с этими возвышенными строками – едкий сатирический сонет – «Спесь гранда грандиознее слона»…Нравы столицы – таких строк будет все больше и больше… Для этих ярких и едких строк особенно подходит форма *летрильи* – строфы из шестисложных или восьмисложных строк с припевом (рефреном). Летрилья весела, несерьезна и, в принципе, вовсе не обидна.


193.

SOLEDADES.

AL DVQVE DE BEJAR.

614.

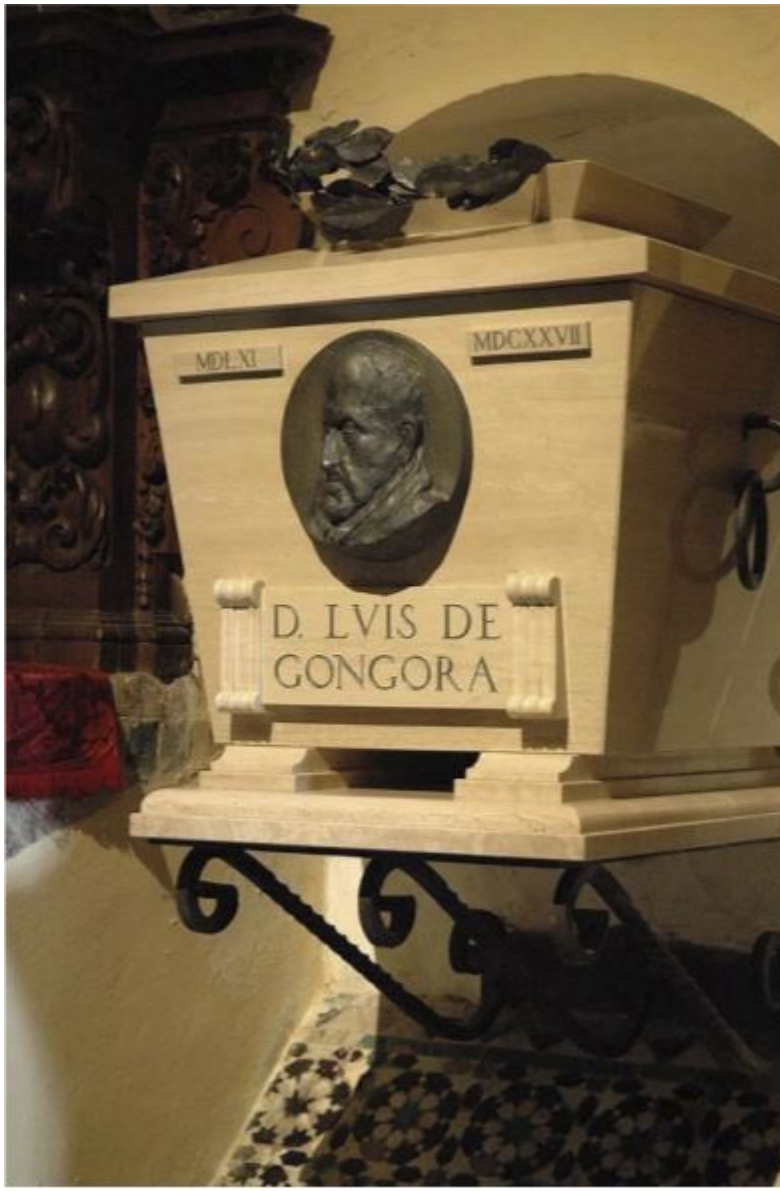
PASOS de vn peregrino son errante
Quantos me dicto versos dulce Musa
En soledad confusa,
Perdidos vnos, otros inspirados.
O tu, que de venablos impedido,
Muros de abeto, almenas de diamante
Bates los montes, que de nieue armados
Gigantes de cristal los teme el cielo;
Donde el cuerno, de'l Echo repetido,
Fieras te expone, que al teñido suelo
Muertas pidiendo terminos disformes,
Espumoso coral le dan al Tormes:
Arrima a vn fresno el fresno, cuio acero
(Sangre sudando) en tiempo hará breue

А это страница рукописного сборника произведений Л.Гонгоры

Вообще, определение творчества Гонгоры отказывается

весьма трудным делом для исследователей литературы: его, например, по праву называют гениальным архитектором сонета, ибо тематика его сонетов необычайно широка и разнообразна – сонеты любовные, эротические, бурлескные, сатирические (посвященные городам, странам и отдельным лицам), хвалебные (восхваляющие книги, людей, события и селения), сонеты-эпитафии, сонеты на случай и др. Арсенал его стилистических приемов разнообразен чрезвычайно: от неожиданных метафор и усложненных гипербол «космического» масштаба до приземленных бытовых миниатюр-зарисовок и интимно-разговорных интонаций. Сонеты Гонгоры демократичны, гибки, «оперативны» и потому, вероятно, очень популярны у его современников. Источником, питающим его музу, была не только кастильская анонимная поэзия, но и андалусийская, галисийская, португальская. Простота и понятность таких произведений определяется не только прямым использованием популярных размеров, но и искусной комбинацией фольклора с собственными, оригинальными, неожиданно смелыми возможностями использования традиционных народных форм для передачи нового содержания. По образному выражению одного испанского литературоведа, «…Гонгора в своем романсном творчестве напоминает придворного музыканта, который из каприза вдруг берется за скромный деревенский инструмент, или знатока народной музыки, исполняющего ее на клавикорде в каком-нибудь аристократическом салоне…». Вот она поэзия Гонгоры:

Выстроенный искусно зодчим мудрым,
славится сей божественный собор
прочностью алебастровых опор
гладкостью стен, покрытых перламутром;
окна его светлы, как небо утром;
вычертила на витражах узор
зелень смарагда; дверь прельщает взор
красным кораллом; кровлям златокудрым
солнце, когда оно обходит мир,
дарит свое сиянье, над витыми
линиями орнаментов горя.
Так снизойди же, сладостный кумир,
к просьбам того, кто, чтя твои святыни,
гимны тебе поет у алтаря!



Здесь находится прах Л.де Гонгоры

Резюме: удивительно, но очень заметно, особенно тем, кто живет спустя почти четыреста лет после Гонгоры, что поэта не заботит ни содержательная сторона поэмы, ни читательский интерес. Он не стремится сообщить о событиях или поделиться переживаниями: сюжет и читатель, без которых, собственно, и нет книги, нет поэзии, – уходят в тень перед стремлением Гонгоры создать совершенную форму, полагаясь только на слова и их изобразительную силу. Влияние его, слегка угасшее в XVIII веке, пережило свое возрождение в XX веке, вполне заметную

определяющую роль в формировании современной поэзии на испанском языке. Чудесные и трогательные строки Гонгоры по-прежнему живы, поэт мечтал, что над его словами потомки будут размышлять, страдать, мечтать, помня их создателя:

Если скалу растрогать может плач,
то мое сердце слабое тем паче
тает, как воск, от вздохов и от слез…

§ 3. Франсиско де Кеведо

Франсиско де Кеведо

Еще один писатель, поэт, воин – свидетель заката Испании – *Франсиско де Кеведо-и-Вильегас* (1580-1645). Отец и мать писателя принадлежали к знатным дворянским семействам, но богатств своих давно лишились и вынуждены были на доходы, которые приносила им служба при дворе: отец был секретарем, а мать – фрейлиной королевы.

Впоследствии целый ряд недоброжелателей Кеведо будут не раз напоминать писателю о зависимом положении его родителей.

Гордый, щепетильный, Кеведо хватается за шпагу, чтобы утвердить в собственных глазах и во мнении окружающих свое человеческое достоинство. Вполне возможно, что этим же обостренным чувством человеческого достоинства были вызваны его многочисленные похождения, эскапады, дуэли, о которых много говорили и которыми прославился Кеведо уже смолоду. С детства он был хромым и всего боялся показать, что этот физический недостаток ему.

О Франсиско часто говорили с удивлением – характер его поражал неожиданными свойствами. Лихой повеса и дуэлянт, «поклонник Марса, Бахуса и Венеры», он отдавал много времени еще и чтению ученых трактатов! В шестнадцать лет он поступает в университет Алькала-де-Энареса и в 1600 году получает звание лиценциата искусств. Затем отправляется в Вальядолид для изучения теологии и философии. Нам известно, что Кеведо в совершенстве владел многими языками, в том числе французским, итальянским, португальским, арабским, классической латынью, древнегреческим и древнееврейским. Его гигантская библиотека содержала около пяти тысяч томов. В ученых трактата по теологии, этике, истории, философии, которые он писал на протяжении всей жизни, Кеведо обнаруживает глубокий ум, превосходное знание античных писателей, отцов церкви, ученых. Идеи его глубоки, непосредственны, оригинальны. Ум независим и остер!

В 1609 году, после убийства своего противника на дуэли, Кеведо спешно покидает столицу. Он томится в своем захолустном имении, пишет язвительные памфлеты, абсолютно не надеясь когда-нибудь издать их. Однако знакомство с молодым блестящим аристократом, герцогом Осуной, позволяет ему переселиться на Сицилию и стать одним из друзей, наперсников, дипломатов юного вельможи.

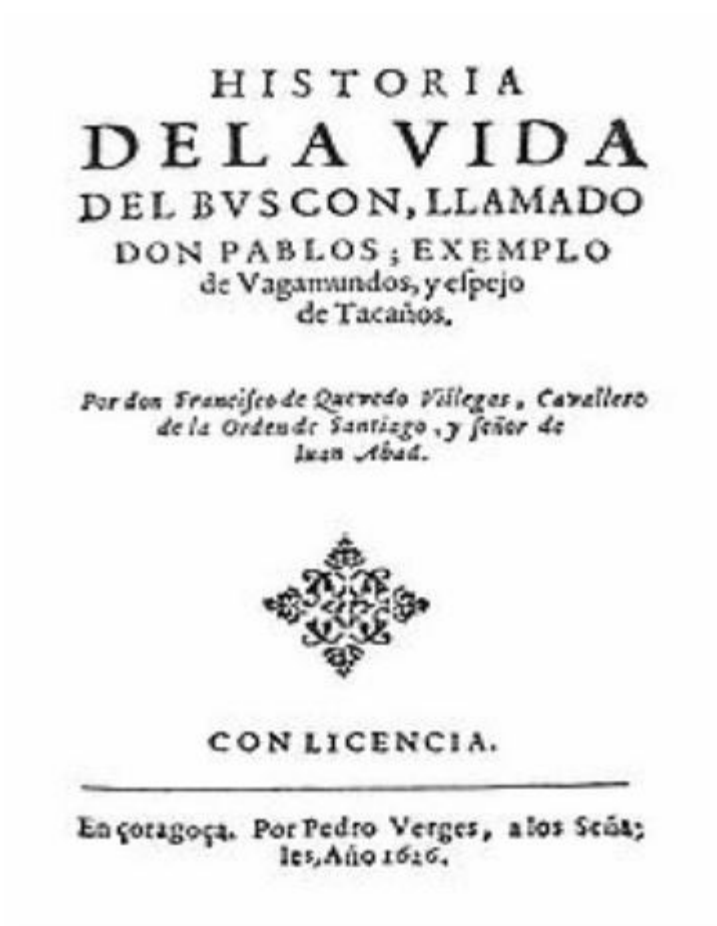
Теперь он выполняет самые сложные, ответственные и деликатные поручения: осенью 1615 года он приезжает в Мадрид и почти восемь месяцев пытается склонить короля и королевских фаворитов дозволить герцогу, только что назначенному вице-королем Неаполя, предпринять шаги для подчинения испанскому влиянию других итальянских государств. Миссия Кеведо увенчалась полным успехом – он удостоился посвящения в кавалеры ордена Сант-Яго.

Позднее, как пишут исследователи творчества Кеведо, он, обнаружив не только талант великого интригана, но и недюжинные дипломатические способности, деловитость и государственный ум, становится министром финансов Неаполитанского вице-королевства.

В 1619 году обрывается блестящая карьера покровителя Кеведо герцога Осуны – он был ложно обвинен в неповиновении, отозван из Неаполя, брошен в тюрьму, где и умер. Кеведо изгнан из Мадрида и снова возвращается в имение Торре-де-Хуан-Абад.

В апреле 1621 года умирает Филипп III. Известие о вступлении на престол Филиппа IV пробудило в Кеведо некоторые надежды на благотворные перемены в стране, стонавшей под гнетом королевских фаворитов, грабивших народ и королевскую казну самым наглым и беспощадным образом. Первые шаги нового короля, казалось, оправдывали эти надежды – были казнены несколько фаворитов, другие отправлены в изгнание, при короле была создана хунта по реформе нравов, были опубликованы получившие популярность в народе законы против роскоши, опальные вельможи возвращены в столицу…

В 1623 году, наконец-то, настает черед Кеведо. Он становится одним из приближенных короля, сопровождает его в поездках по стране, назначается королевским секретарем, хотя, как он горько писал, был «секретарем без секретов».



HISTORIA
DE LA VIDA
DEL BVSCON, LLAMADO
DON PABLOS; EXEMPLO
de Vagamundos, y espejo
de Tacaños.

Por don Francisco de Quevedo Villegas, Caballero de la Orden de Santiago, y señor de Juan Abad.

CON LICENCIA.

En Çaragoça. Por Pedro Verges, a los Scños; les, Año 1626.

Та самая книга о пройдохе Паблосе

Однако молодой король быстро устает от своего либерализма, при дворе фактическим правителем становится новый фаворит – граф-герцог Оливарес, умело скрывающий под маской правдолюбия жестокость и эгоизм. Стоило Кеведо выступить против него, как он был тотчас арестован и на несколько месяцев выслан все в то же злополучное имение – Торре-де-Хуан-Абад.

В 1628 году он возвращается в Мадрид, где в это время появились в печати его роман «История жизни пройдохи по имени дон Паблос» (написан в 1603-1604 годах) «Сновидения» (написаны в 1606-1622 годах) и целый ряд сатирических сочинений, до этого известных по рукописным копиям. Тучи сгущаются над Кеведо – памфлеты, доносы в инквизицию, гневные проповеди в церкви… Кеведо называли «мастером заблуждений, доктором бесстыдства, лиценциатом шутовства, бакалавром гнусностей, профессором пороков и протодьяволом

среди человеков». А ведь сам Кеведо писал еще совсем недавно: «Никакие кабаньи клыки не способны нанести такой удар, как перо». И его противники – церковники, бездарные писаки, неудачливый учитель фехтования и многие другие, кого он высмеял в своих сочинениях, – оказались сильнее: с ними оказался и король, и, конечно, его фаворит, совсем недавно оскорбленный Кеведо.

Давнее место заключения Кеведо…

Зимой 1639 года Кеведо арестован и заточен в тюрьму монастыря Сан-Маркос-де-Леон. До недавнего времени историки испанской литературы считали, что писателя арестовали, объявив автором стихотворного мемориала, подброшенного в королевскую трапезную и содержавшего резкие обличения фаворита и самого короля. Однако 30 лет назад английский испанист Э. Эллиот разыскал и опубликовал письмо графа-герцога Оливареса Филиппу IV, в котором писатель обвинялся в государственной измене – он, якобы, вступил в тайные сношения с Францией. Отсюда и заточение, и не на месяцы, а уже на годы…

В письме от 1641 года Кеведо писал из заключения: «Государь! Год и десять месяцев длится мое заточение… Я был привезен в самый разгар зимы, без плаща и рубахи, шестидесяти лет от роду, в этот королевский монастырь Сан-Маркос-де-Леон, где и пребываю в суровейшем заточении, больной, с тремя язвами, которые открылись из-за холода и соседства реки, протекающей у моего изголовья… Ужасные мои страданья

приводят в содрогание всех… А посему я не жду смерти, но пребываю с ней в постоянном общении, и лишь по ее снисходительности я все еще жив…». Этот вопль души не был услышан. Освобождение пришло через полтора года, после того, как Оливарес попал в немилость…

В 1643 году Кеведо выходит из тюрьмы, но совершенно больным, 8 сентября 1645 года он умирает…

Суетность и быстротечность жизни, тщетность любых человеческих усилий – вот источники и содержимое поэзии, прозы и ученых трудов Кеведо. Разочарование, *desengano*, постоянное крушение веры, понимание того, что истина недостижима… С идеей изменчивости всего сущего в мировоззрении Кеведо связана его философская трактовка времени и пространства. «Вчерашний день был сном, а завтра станет прахом. Недавнее – ничто, а близкое – лишь дым», – говорит Кеведо в одном из сонетов. А в другом: «Вчерашнего уж нет, а завтра не явилось, сегодня движется вперед без передышки». И сразу вслед: «Я есмь Вчера; я Завтра есмь; я есмь усталое Сегодня». Эту важную в идеологии барокко идею писатель сформулировал в своем моралистическом трактате «Колыбель и могила» (опубликован в 1634 году): «Человек одновременно рождается и умирает: поэтому в час смерти он кончает в одно и то же время и жить, и умирать». Идея «живой смерти» пронизывает многие его произведения, причем, она превращает в прах не только тело человека – часы-могильщики погребают во прахе города и страны:

Я видел стены родины моей:
Когда-то неприступные твердыни,
Они обрушились и пали ныне,
Устав от смены быстротечных дней.

Парадоксы Кеведо, по утверждению исследователей, – отражение парадоксальности мира. Но, как и другие мыслители эпохи барокко, он все же обнаруживает в изменчивом мире нечто устойчивое, способное победить Смерть. Это – Любовь.

Исследователи Кеведо долгое время были единодушны в отрицательной оценке его любовной лири-ки – ее объявляли лишенной глубины и непосредственности. Но разве не искренне, разве не проникновенно звучит в его устах отчаяние безнадежно влюбленного, чувство, показанное поэтом как вызов не только бессердечию любимой, но и всему миру, и даже самой смерти! Это знаменитый сонет «Постоянство в любви после смерти» – по мнению многих, «лучший у Кеведо и, быть может, во всей

испанской литературе».

Исчезнет плоть, но не исчезнет боль;
все обратится в пыль, но чувство сохранится;
все будет прах, но прах влюбленный…

Еще одно издание Кеведо

На фоне любовных томлений предстает перед нами и такой объект теоретических занятий Кеведо, как политика. Что такое государство, каковы лучшие формы политического устройства, какую роль призван играть народ и различные общественные силы, каковы права и обязанности лиц, стоящих у власти, – эти и

другие вопросы получили подробно и систематизированное изложение в его трактатах «Политика Бога, правление Христа и тирания Сатаны» (окончен в 1636), «Жизнь Марка Брута» (не окончен). Кроме того, политические вопросы явно определяют и тональность сборника новелл «Час воздаяния, или Разумная Фортуна». Хотя в этом последнем произведении заключительная, сороковая, новелла посвящена обсуждению вопроса о том, что предпочтительней – монархия или республика, и Кеведо подробно перечисляет и достоинства, и недостатки обеих форм государства, кстати, воздерживаясь от уточнения своей позиции, она вполне ясна – Кеведо был сторонником монархической власти. Король, по его мнению, должен действовать в согласии с божескими законами и мнением народа. Однако Кеведо боится народных движений, в которых «побеждает большинство, а не разум». И все же в «Часе воздаяния» – знаменитой двадцать шестой, называемой также «русской» новелле» именно простолюдины становятся носителями высшей справедливости и мудрости…

В прозаических сатирах и в бурлескных стихотворениях Кеведо, которые, по сути, являются концентрированным выражением «боли за Испанию», появляется потрясающая гротескная картина современного ему мира. Причем, сатира Кеведо охватывает практически все стороны жизни Испании и обличает пороки нравственные и социальные, проникает во все сферы испанского общества, подвергает критике все социальные слои, профессии и состояния, обличает господствующие в обществе нравы. Но, мало того, она устремлена в будущее, она публицистична и злободневна.

В единственном романе Кеведо «Бускон, или История жизни пройдохи по имени дон Паблос» современники обнаруживали немало злободневных намеков. Но еще в большей мере публицистичность характерна для «Сновидений», «Часа воздаяния» и других произведений, которые, в сущности, сегодня были бы нами названы художественно-публицистическими. Отсюда – и особые приемы типизации, ослабление роли сюжета и многое другое, что составляет особенности произведений Кеведо. В самом деле, сюжет у него играет лишь подсобную роль. Главное – не что происходит с Паблосом, а с кем он встречается. Именно поэтому огромное структурное значение приобретает и в романе, и в других сочинениях Кеведо мотив дороги – почти все приключения случаются с Паблосом во время его странствий по дорогам Испании. Здесь, на дороге, в придорожных он сталкивается с людьми из разных слоев общества: от бродяг и нищих до священнослужителей. В этом мотиве дороги получили

отражение реальные сдвиги в социальной жизни Испании – патриархальная замкнутость натурального хозяйства уходит, страна будто покидает насиженные места и пускается в странствие по белу свету в поисках удачи.

Мотив дороги в «Сновидениях» играет самую существенную роль. Ад, предстающий перед читателями во «Сне о преисподней», «Сне о Смерти», «Мир изнутри» – это то же образ дороги, хотя и измененной, дороги, по которой снуют толпы теней, напоминающие тех, с кем встречался в своих странствиях Паблос из Сеговии…

Сатирические произведения Кеведо обычно многолюдны: писатель любит выделять бытовые и нравственные пороки, поэтому мы встретим толпы сварливых жен и девиц-искательниц женихов, кокеток и жуликоватых трактирщиков, лекарей-шарлатанов, чья профессия «деньги драть и больных убивать», профессиональных нищих, старых сводней, мужей-рогоносцев…

Исследователи часто и вполне искренне сокрушаются по поводу того, что писатель столь часто «разменивался на мелочи»… Упрек вряд ли справедлив – без этих мелочей картина разложения нравов, упадка испанского общества была бы неполной – ведь все сферы, по здравому мнению Кеведо, захвачены гниением, распадом. Тем более, диапазон охвата испанской действительности в сатирах Кеведо весьма широк. Характерно, однако, что обличению подвергаются, главным образом, власть имущие. Что касается бедняков, то, как говорил бес в памфлете «Бесноватый альгвасил», «они в адских книгах не значатся», ибо «и живут праведно, и умирают праведно». Зато монархов в аду «превеликое число». В обители Смерти во «Сне о Смерти», например, «толпилось великое множество тиранов и сильных мира сего…».

Писатель представляет нам все ступени испанской социальной лестницы. И возникает «образ века, точный и правдивый», когда «весь мир – картежная игра, лишь воры в нем повелевают…». Деньги! Об их всевластии – многие страницы Кеведо, а в его знаменитом бурлескном стихотворении «Золотой мой! Драгоценный!» они превращаются в грандиозный символ похи…

Резюме: благодаря бесподобному в своем совершенстве единства содержания и формы произведений Кеведо суровый приговор, вынесенный им своему времени, своей родине, обретает убедительность и непреложность. В этом – секрет бессмертия испанского сатирика. Но стоит отметить и существенное отличие Кеведо от других титанов Возрождения – с печалью констатируем мы отсутствие у него оптимистической

концепции природы, общества и человека. Великие были гармоничны как тот идеальный человек, которого они сами создали и обожествили. Кеведо же соткан из противоречий. Он реалист – его привлекает многогранность бытия. Он воспроизводит действительность в ее противоречиях и сложностях, но конструктивной мысли у него нет. Он пессимист и скептик, мрачный предсказатель и вечный странник в поисках недостижимой истины. Может, этим он и привлекает читателей уже более четырехсот лет? Может быть, чудесный образ из его сонета – это лишь метафора всей жизни самого Кеведо?

Памятник Кеведо в Мадриде

Еще зимы с весной не кончен спор:

То град, то снег летит из тучи черной
На лес и луг, но их апрель упорный
Уже в зеленый облачил убор.

Из берегов стремится на простор
Река, став по-апрельски непокорной,
И, галькой рот набив, ручей проворный
Ведет с веселым ветром разговор.

Спор завершен прощальным снегопадом:
По-зимнему снег на вершинах бел,
Миндаль весенним хвастает нарядом…

И лишь в душе моей не запестрел
Цветами луг, любовным выбит градом,
А лес от молний ревности сгорел…

А может быть, одни из его последних строк не только о любви?

…неудержимо слезы сами
Бегут из скорбных глаз моих, пока
Твое теченье полнится слезами
И топит в них себя моя тоска…

§ 4. Лопе де Вега

Лопе Феликс де Вега Карпио (1562-1635) – великий испанский драматург, Родившийся в семье портногозолотошвея из Мадрида, Лопе де Вега, между тем, сумел получить отличное образование в иезуитском колледже, а затем в университете. Был секретарем, «штатным умником» при аристократах, был солдатом, участвовал в походе Непобедимой Армады к берегам Англии, принимал участие в завоевании Азорских островов, ссылался из Мадрида за язвительные стихи в адрес неверной возлюбленной… Несколько раз женился, имел кучу любовниц, сидел в тюрьме, отсиживался в изгнании.

Лопе де Вега

Любовь к актрисе Микаэле де Лухан, последние чувства к юной Марте де Неварес, смерть старшего сына гибель младшего

сына – как много выпало на долю неутомимого искателя счастья и приключений Лопе де Вега! Должность при молодом герцоге Альбе принесла ему много хлопот – он принимает участие в организации пышных праздников и представлений, маскарадов и спектаклей, где намеки на любовные связи и чувства затмевались игрой. Позднее де Вега напишет об этом пасторальный роман «Аркадия» (1598).

Первый портрет Лопе де Вега. 1598-1599 годы

Он не относился к своему творчеству всерьез и мало заботился о сохранении своих творений в печатном или рукописном виде. Кстати, стихи начал писать чуть ли не в десять

лет. Особым успехом пользовались его «мавританские романсы», где юноша воображает себя арабом, пронзающим соперника копьем… Незадолго до смерти Лопе де Вега покаялся в своих грехах, мнимых и реальных, – и впал в аскетизм, фактически уморив себя голодом. Пьесами Лопе де Вега наполнены театры не только Испании, но и всего мира.

Свою первую пьесу, «Истинный любовник», он написал уже в 1574-1575 годах! С этого времени, вероятно, и зарабатывал на жизнь преимущественно литературным трудом, создав огромное число пьес, разнообразных как по жанрам, так и по тематике. По его собственному свидетельству, количество пьес превышает 800, однако его биограф Монтальвана утверждал, что Лопе де Вега написал 1800 комедий и 400 ауто[17]. Сохранились тексты 470 пьес. Кроме того, будучи человеком разносторонних дарований, де Вега писал поэмы, романсы, новеллы, создал назидательную ученую поэму «Новое искусство писать комедии в наше время» (1609). Его литературная плодовитость изумляет – он прожил весьма бурную жизнь, полную любовных историй и авантюр, которая, к слову сказать, ничуть не помешало принятию им сана священника (он принимает его вскоре после тягостных событий в семейной жизни, выпустив еще в 1614 году сборник «Священные стихи»), и даже, вероятно, принадлежности к инквизиции. Кстати, звание, полученное в 1609 Лопе де Вега, произносится как familiar del Santo oficio de la Inquisicio’n и переводится как «добровольный слуга инквизиции».В этой роли, как сообщают современники, он распоряжался в 1623 году церемонией сожжения на костре францисканского монаха, заподозренного в ереси. За поэму «Трагическая корона» (1627), посвященную возвеличению Марии Стюарт, папа Урбан VIII наградил Лопе де Вега титулом доктора теологии.

LA
HERMOSVRA
DE ANGELICA,
Con otras diuersas Rimas.
De Lope de Vega Carpio.
A don Iuan de Argote, Veinti-
quatro de Seuilla.
Virtud y nobleza.
Arte y naturaleza.
EN MADRID.
En la emprenta de Pedro Madrigal.
Año. 1602.

Титульный лист поэмы «Красота Анхелики»

Сервантес называет его «чудом природы» ибо этот «распутный монах, бичевавший себя до крови и отказывавшийся от пищи в последние дни своей жизни», в то же время – плодовитейший драматург, в творчестве которого натурализм и чувственное восприятие мира уживаются с мистическими откровениями.

Но и связь с инквизицией не защитила его – в 1625 совет Кастилии запретил и ставить, и печатать его пьесы, однако за год до смерти де Вега запрет был отменен. И запрет этот вовсе не означал, что драматург почти десятилетие не писал: именно в этот период была написаны знаменитые комедии «Собака на сене» и «Глупая для других и умная для себя».

Следует, конечно, заметить, что при огромном числе написанных драматургом пьес они просто не могли быть равноценными: анализ показывает, что большинство его пьес

строятся по единой сюжетной схеме – воссоединение влюбленных, преодолевающих самые разные препятствия. В исследованиях существует любопытная гипотеза, что драматургия Лопе де Вега сформирована по принципам комедии дель арте[18]: бесконечные вариации единого сюжета. В пользу этой гипотезы говорит, кстати, и то, что итальянские труппы комедии дель арте гастролировали в Испании, пользуясь огромной массовой популярностью. Лопе де Вега очень точно и жестко выстраивал основной сюжет, создавая свои комедии по общим художественным принципам: трехактное деление, ритмизированные диалоги (при белом стихе).

PARTE
VEINTE Y TRES
DE
LAS COMEDIAS DE LOPE
FELIX DE VEGA CARPIO,
DEL ABITO DE SAN PEDRO
Y DE S. IVAN.
DEDICADAS
A D. Gutierre Domingo de Terán, y Castañeda, señor de la
Casa de Terán del Valle de Tobalina Montañas
de Burgos.
Por Manuel de Faria y Sousa Caballero del Abito de
Christo, y de la Casa Real.
Año 1638
Con Priuilegio. En Madrid. Por Maria de Quiñones,
A costa de Pedro Coello Mercader de Libros.

Титульный лист издания комедий Л.де Вега

Пожалуй, в творчестве Лопе де Вега, в его драматургии, можно выделить три основные линии: – первая – «крестьянская», народная драма, высшим достижением которой стала пьеса «Фуэнте Овехуна» – «Овечий источник». Хотя, конечно, Лопе де Вега вовсе не был идеологом крестьянства или выразителем его интересов. Механизм формирования подобной «сельской» тематики был обусловлен, скорее всего, Реконкистой, сформировавшей многие социальные принципы и нормы. Освободительная война сформировала мощную национальную идею, объединившую весь испанский народ и способствующую стиранию сословных различий. Понятие чести в Испании было одинаково и для герцога, и для крестьянина – достоинство страны связано с чувством собственного достоинства каждого ее жителя. В пьесах Лопе де Вега мощно звучат освободительные мотивы, мотивы личного достоинства и чести. При этом народный фон его пьес отнюдь не противоречит идеям справедливой монархии, как в пьесах «Звезда Севильи», «Наказание – не мщение», «Государь, сброшенный со скалы», «Саламейский алькальд», «Разумный в своем доме» и других;

– вторая линия – «комедии плаща и шпаги», написанные чудесными стихами, с яркими живыми характерами и запутанной интригой, такие, как «Учитель танцев», «Собака на сене», «Валенсианская вдова», «Девушка с кувшином и множество других. Идеальный, гармонично устроенный мир, к которому герои неизбежно приходят в результате разрешения всех конфликтов. Неразрешимых противоречий нет, торжествует свободное содружество свободных людей, вечно живая и сияющая любовь!

– отдельную, третью линию его творчества, как говорилось уже, представляют его, в которых он последовательно применял приемы все известные ему светской драматургии. Наиболее популярны были «Жатва», «Путешествие души», «Истинная ложь» и еще целый ряд подобных пьес.

Похороны Лопе де Вега. Картина Игнасио Суареса Льяноса. 1862 г.

Обязательно надо сказать, что наряду с огромным количеством комедий, созданных Лопе де Вега до конца 20-х годов XVII века, количество его поэтических и прозаических творений. Лопе де Вега пишет и прозу, и поэтические произведения малых жанров. В 1598 году он публикует поэму «Песнь о Драконе» изображавшую гибель ненавистного Испании английского адмирала пирата Френсиса Дрейка, затем в 1599 году выходит поэму о покровителе Мадрида «Исидор». В 1604 году испанцы читают авантюрный роман, не лишенный изрядной доли назидательности, «Странник в своем отечестве»…

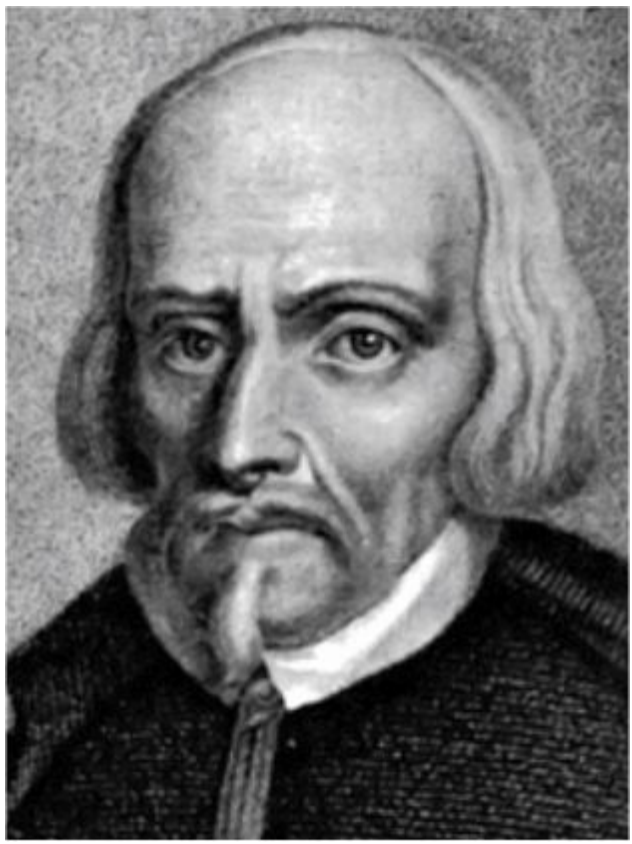
Погребен он был в церкви Святого Себастьяна, которая в 1937 году была взорвана фашистами…

Надгробие на месте захоронения праха Лопе де Вега в церкви Сан-Себастьян. Надпись на мраморной доске гласит: «Здесь захоронен Лопе де Вега, великий поэт и отец испанского театра»

Резюме: Лопе де Вега умер в Мадриде около четырехсот лет назад, и вскоре после его смерти период мирного сосуществования религиозного и светского театров подошел к концу: испанское правительство, под давлением церкви, ополчилось против театра. Пьесы Лопе де Вега были запрещены. Наступил длительный период забвения его творчества: в XVIII веке его комедии не подходили под классицистский канон, в XIX веке просто не было интереса к народным комедиям…Новая волна интереса к его началась лишь в 30-е годы XX века – частично, кстати, благодаря Фредерику Гарсиа Лорке, поставившему «Фуэнте Овехуна» в студенческом театре «Ла Барака». Сегодня Лопе де Вега считается не только классиком испанской драматургии, но и создателем целой школы драматургов, среди которых были Гильен де Кастро, Хуан Руис де Аларкон, Тирсо де Молина и другие.

§ 5. Педро Кальдерон

Великий *Педро Кальдерон де ла Барка-и-Энао* (1600-1681) оставил завещание, расписав подробно всю процедуру, весь ритуал своих похорон, которые должны были превратиться в грандиозный спектакль, заставляющий всех присутствующих задуматься о том, что жизнь не вечна, человек смертен, и только там, в ином мире осуществятся мечты на спасение души.



Педро Кальдерон

Родился будущий драматург в Мадриде в семье секретаря королевского казначейства дона Диего Кальдерона. Мать драматурга – Анна Мария де Энао (родом из Фландрии) умерла, когда Педро исполнилось десять лет.

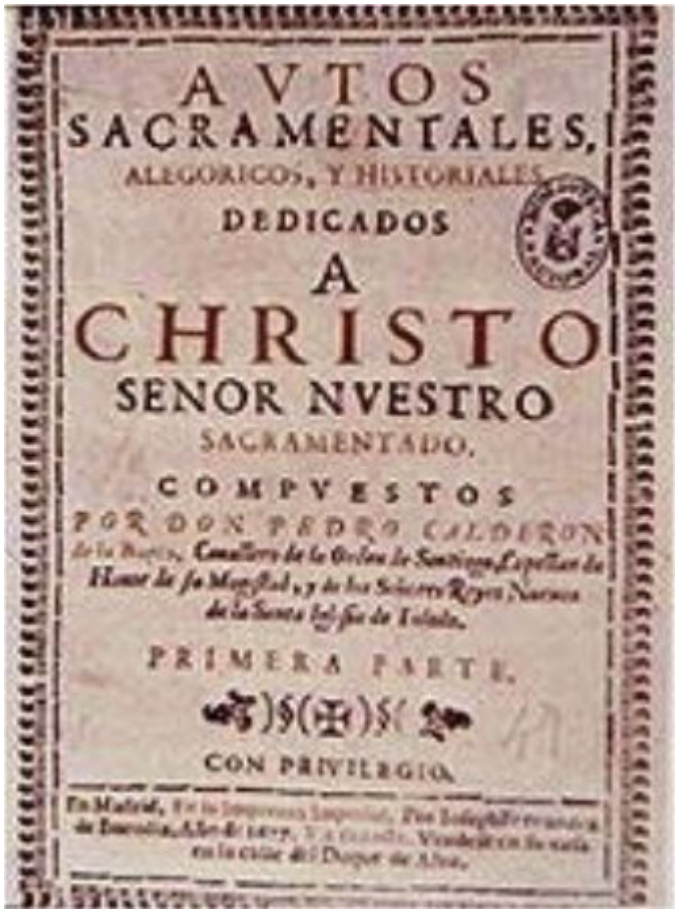
Звучное имя и гордый герб с девизом «За веру» вводил в заблуждение многих биографов, поддерживающих миф об аристократическом происхождении Кальдерона. На самом деле он принадлежал к дворянству, причем, не самому знатному. Дед

его был писарем казначейства, а бабка – дочерью оружейника, говорят, чрезвычайно искусного, – Лопе де Вега даже говорил, что «его изделия могли украсить любого принца».

Восьмилетним мальчиком Педро был в мадридский иезуитский колледж «Колехьо империаль». Когда умерла мать, на руках у его отца оставалось шестеро детей, и в 1614 году отец женится вторично. После смерти отца, через год после женитьбы, в семье начались нелады. Ссоры пятнадцатилетнего пасынка с мачехой из-за небольшого наследства привели к судебному разбирательству.

По окончании колледжа Педро Кальдерон был отдан в университет Алькала-де-Энарес, затем он переходит в известный нам уже знаменитый университет Саламанки, где изучает право, готовясь, согласно желанию матери к духовной карьере. Однако семейные неурядицы заставили Кальдерона прервать учение и вернуться в Мадрид.

О юношеских годах Кальдерона мы практически ничего не знаем. В 1619-1623 годах он находился в Мадриде, ведя вполне светскую жизнь и, кажется, совсем забыв о духовной карьере. В свободное (от светских развлечений) время Кальдерон, однако, не забывает поэзию, любовь к которой вспыхивает у него еще в годы учения у отцов-иезуитов.


AVTOS
SACRAMENTALES,
ALEGORICOS, Y HISTORIALES
DEDICADOS
A
CHRISTO
SENOR NVESTRO
SACRAMENTADO.
COMPVESTOS
POR DON PEDRO CALDERON
PRIMERA PARTE.
CON PRIVILEGIO.

Сборник произведений Кальдерона

Первую свою комедию Кальдерон написал, когда ему было тринадцать лет, а на поэтических состязаниях в день празднования Святого Исидора в 1620 году Кальдерон удостаивается похвалы самого Лопе де Вега за сонет, попавший потом в сборник самого Лопе (удивляться не стоит, поскольку в период наивысшей славы этого «чуда природы» издатели часто и с большой охотой приписывали ему чужие произведения). Появилось даже выражение – «es de Lope» – «достойно Лопе», ставшее общим критерием всему достойному внимания.

После 1623 года Кальдерон, как предполагают исследователи, отправляется в северную Италию. Вернувшись в 1625 году в Мадрид, он уже полностью, казалось бы, посвящает себя литературе и театру. Первая комедия Кальдерона, достоверно датируемая историками литературы, «Любовь, честь и власть», относится к 1623 году и, вероятно, в этом же году поставлена на королевской сцене – в Реаль де Паласио. Большинство его пьес увидят жизнь на подмостках этого пышного

театра…

Сведения о дальнейшей жизни Кальдерона ещё более скудные…

Есть сведения, что знаменитый драматург испытал себя и в воинском деле – в 1638 году французские войска под предводительством принца Конде вторглись в Испанию и блокировали крепость Фуэнтерабиа. На помощь осажденным была снаряжена армия под командованием великого адмирала Кастилии Хуана Алонсо Энрикеса де Кабрера. Кальдерон бросает работу над очередной комедией и вместе со своим братом Хосе спешит к месту военных действий. Затем он, уже в числе кавалеров Ордена Сант-Яго, принимает участие в походе против сепаратистской Каталонии. О доблести великого Кальдерона остались свидетельства – сохранилась реляция его начальника де Киньонеса.

И все же следующие годы были для Кальдерона мрачными и суровыми. В 1645 году во время военных действий погибает младший, горячо любимый, брат Кальдерона Хосе. Еще через год умирает старший брат – Диего. В 1648 году умирает возлюбленная, оставив Кальдерону годовалого сына, вскоре тоже умершего…

Фрагмент спектакля по пьесе Кальдерона «Дама-невидимка» в Тюменском драматическом театре. 2004 год

Личные горести и гонения на театр, влияние церкви

практические на все стороны жизни испанцев, несомненно, заставили Кальдерона вновь обратиться к думам о церковном сане. В сентябре 1651 года его рукоположили в священники. В 1653 году он становится настоятелем собора Новых Королей в Толедо. Назначению Кальдерона пробовал было воспротивиться патриарх Обеих Индий Алонсо Перес де Гусман, злобно указавший, что написание пьес несовместимо с подобной должностью… Однако сам же он впоследствии заказал Кальдерону ауто для праздника Тела Господня, на что получил ответ: «Либо нечестиво писать пьесы, либо нет; если нет, то не мешайте мне, если нечестиво – не просите».

Однако уже с 1651 года Кальдерон перестает писать пьесы светской тематики (не считая заказных пышных дворцовых действ). В 1663 году король приглашает Кальдерона ко двору, дав ему должность королевского духовника. В 1665 году Филипп IV умирает, Кальдерон отходит от двора и получает должность настоятеля кафедральной церкви конгрегации Святого Петра, состоявшей из уроженцев Мадрида. Последние годы жизни Кальдерон посвящает свой досуг почти исключительно писанию ауто для Мадрида, Толедо, Севильи и Гранады, что почиталось тогда великой честью.

В воскресенье 25 мая 1681 года великий испанский драматург покинул наш бренный мир. А именно в этот день во всех главных городах Испании разыгрывались его ауто…

«Жизнь есть сон» в Казанском Театре Камала. 2009 год

Всего Кальдерон создал около 120 комедий и драм, 80 ауто, большая часть которых дошла до нашего времени, и несколько интермедий. Из комедий наиболее известны «Саламейский алькальд» (1640-1645), «Волшебный маг» (1631), во многом повторяющая легенду о Фаусте, и знаменитая «Жизнь есть сон» (1631-1632). Эту комедию иногда называли «католической репликой трагедии».

«Жизнь есть сон» считают самой знаменитой пьесой Кальдерона. Она включает в себя элементы религиозно-философской драмы, драмы чести и даже комедии интриги (женщина, переодетая мужчиной, преследует неверного возлюбленного). Кальдерон пытается ответить на волновавшие его всю творческую жизнь вопросы: что такое человек и насколько он волен распоряжаться своей судьбой, каким должен быть «совершенный правитель»? Главный герой драмы, принц Сехизмундо по приказу своего отца с самого детства был заточен в башню, стоящую в глухом и недоступном для людей месте. Отец его, король-звездочет Басилио, поверил в предсказание звезд, согласно которому новорожденный сын должен был стать тираном. Когда Сехизмундо вырос, отец, решив проверить правильность предсказания, приказал усыпить сына и перенести его во дворец, предоставив ему на время королевскую власть. Но к роли правителя Сехизмундо не был готов. Получив долгожданную свободу, он начал вести себя, подчиняясь исключительно своим желаниям, уничтожая все, что стоит на пути их удовлетворения. Слуги Басилио снова усыпляют героя и переносят в башню. Где т граница между его явью и сном? Осознав на собственном опыте верность мысли о том, что «жизнь есть сон», Сехизмундо становится другим – теперь он, кажется, может стать достойным правителем… Вознесенный на престол на волне народного гнева, Сехизмундо жестоко расправляется с восставшими, смиряет свои желания, отказывается из государственных соображений от женитьбы на любимой, мирится с отцом… Восстанавливается порядок, которого желали не только персонажи пьесы – его желали все современники Кальдерона.

Памятник Кальдерону в Мадриде

Как великий *католический* драматург он прославился своими ауто (аутос сакраменталес). Их, конечно, точнее всего можно определить как представление церковной догматики в аллегорической форме. Наиболее известным и сегодня является его ауто «Великий театр мира».

Основная тема творчества Кальдерона – взаимоотношения свободы воли и Провидения, свободы личности и требований общества… Герой его пьес свободен и зависим одновременно, а главная его задача – уметь хорошо сыграть отведенную ему роль в «великом театре мира», сохранив право свободы выбора между Добром и Злом.

В отличие от Лопе де Вега, чьи творческие принципы Кальдерон развивал в полной мере, предназначал он свои пьесы для постановки не столько в небольших театрах на городских улицах, сколько в придворном театре, где можно было использовать сложную технику и пышные декорации, световые эффекты и музыку, именно поэтому поздние пьесы Кальдерона больше напоминают оперу (искусство, собственно, и родившееся в этом же веке).

Если все же снова обратиться к комедиям Кальдерона, то следует выделить год, когда создаются самые его известные комедии, комедии «плаща и шпаги», «комедии интриги» – 1629. Появляются знаменитые «Дама-невидимка»и «Дом с двумя выходами трудно охранять». Сюжеты их построены на использовании одного сценического приема – наличие потайного входа в помещение, которым пользуется дама, желающая добиться любви приглянувшегося ей молодого человека. Но,

например, у Лопе де Вега комедийная интрига развивается, в основном, в импровизационной манере, изобилует неожиданными поворотами, а в комедиях Кальдерона все идет в определенном автором порядке, подчинено доказательству того, что живое человеческое чувство и человеческую волю нельзя запереть в темницу – одна из стен окажется «хрупким стеклом». Кальдерон развивает перед зрителем свою мысль о том, что единственной защитой чести любого человека может быть только он сам. Для его героев честь – это чувство собственного достоинства, а маниакальное следование голосу неправильно понятой чести просто оборачивается трагедией для героя… Таковы кальдероновские *драмы чести*, такие, как, например, созданная вслед за Лопе де Вега и под тем же названием драма «Врач свое чести».

Резюме: выдающийся испанский драматург Кальдерон – автор многочисленных драм, комедий и ауто, даже при том, что созданы они все практически на основе ранее существовавших сюжетов, оставил нам и целый ряд оригинальных, совершенно индивидуальных театральных нововведений. Композиция, продуманная до мелочей, изощренность монологов и диалогов, великолепный испанский язык, точный, меткий, острый и афористичный! Конечно, пьесы его принадлежат искусству барокко. Барочная напряженность иносказательных построений и стиля и определяют, собственно, его особое место в истории европейской литературы как последнего великого драматурга испанского Золотого века, а его влияние на будущих романтиков Европы велико и явственно.

§ 6. Тирсо де Молина

Тирсо де Молина

Выдающийся испанский драматург, монах Габриель Тельес, трудившийся под псевдонимом *Тирсо де Молина* (даты жизни исследователями определяются по-разному, наиболее вероятны 1571 или 1584-1648), вероятно, происходил из семьи ремесленников или наемных рабочих, живших в небольших городках Гвадалахары -Молине или Таравилье, хотя существует и замечательная фантастическая версия, будто поэт был побочным сыном дона Тельеса Хирона, герцога Осуны. В 1600 или 1601 году Габриэль Тельес был пострижен в монахи ордена мерседариев, занимавшегося выкупом испанцев, попадавших в алжирский или турецкий плен, в богословском отношении орден практически ничем не отличался от доминиканцев.

По-видимому, в 1616 году Габриель Тельес отправляется в Америку с целью проверки деятельности учреждений ордена иезуитов. Есть свидетельства, сообщающие о проповеднической

деятельности на Гаити в 1616-1618 годах. Возвращение из Америки приносит ему звание командора ордена мерседариев. Это позволило ему создать историческую трилогию, посвященную конквистадорам братьям Писарро – «Единая цель решает все», «Американские амазонки», «Верность в борьбе с завистью».

SEGVNDA PARTE
DE LAS
COMEDIAS
DEL MAESTRO
TIRSO DE
MOLINA.
RECOGIDAS POR Mº SOBRINO
EN MADRID,

Обложка II части комедий Тирсо де Молина

С 1620 года (по другим источникам это произошло значительно раньше) Тирсо де Молина встречается в Мадриде с Лопе де Вегой и его единомышленниками – поэтами и драматургами Монтальваном, Аларконом, Мира де Амескуа и начинает вполне успешно заниматься творческой деятельностью в качестве поэта и драматурга. В 1621 году Тирсо удалось напечатать «Толедские виллы», книгу, построенную по принципу «Декамерона» Боккаччо, как сборник бесед, и включавшую комедию «Стыдливый во дворце», рассказ «Трое осмеянных мужей» и еще несколько произведений подобного рода. Однако над драматургом, не стеснявшимся критики фаворитизма и намеков на злоупотребления правителя Оливареса, нависла угроза. В 1624 году на Тирсо было заведено дело в судебной «Хунте де реформасьон», а в 1625 году было подготовлено

решение о запрете Тирсо писать светские произведения и «ссылке его в отдаленнейший монастырь ордена» ввиду «скандала, вызываемого комедиями, которые он пишет в светской манере, возбуждая дурные наклонности и подавая дурные примеры». Однако ни нунций папы Урбана VIII, ни капитул ордена не выполнили рекомендации. Для Тирсо наступило время скитаний, но он продолжает писать – выходят книги «Развлекательное поучение» (1639), в более благочестивом духе продолжавшей истории, начатые «Толедскими виллами», в 1627-1636 годах издается пять частей «Комедий маэстро Тирсо де Молины», подготовленных якобы неким (несуществующим) племянником поэта. Самые смелые драмы требовали и особой осторожности. Так «Севильский озорник» был отдан на волю пиратских издателей, печатавших его сначала во «Второй части Комедий Лопе де Веги и разных авторов» (1630), а затем под именем Кальдерона. Но, кроме того, существуют свидетельства, что с 1625 года Тирсо де Молина все находился в ссылке в провинциальном монастыре городка Трухильо.

«Ревнивая к себе самой» в театре им. Вахтангова

Подобно Лопе де Вега – возможно, другу и наставнику Тирсо де Молина отличается большой плодовитостью: по его собственному признанию, им сочинено свыше 400 комедий, из которых многие еще при его жизни пользовались известностью даже вне Испании (Италия, Америка, Франция). Но до нас из всего написанного им до нас дошли 81 комедия, 5 ауто, две книги новеллы, комедий, лирики – «Толедские виллы», (1624) и «Развлечение и польза» (1635), рукописная «История ордена Милости» и «Жизнеописание святительницы Сервельонской». Кроме того, мы упоминали книгу о братьях Писарро, от которой дошли лишь отрывки…

Хотя творчество Тирсо де Молина очень неравнозначно и включает в себя немало слабых, практически не отделанных,

скорее напоминающих наброски произведений, тем не менее, значение его в истории испанского да и мирового театра очень велико. Влияние его отразилось уже на ближайших современниках: Кальдерон обязан ему не только философскими пьесами, но и техникой своего бытового театра. Аларкон, Мира де Амескуа, Морето и прочие пользовались его сюжетами, типами героев и положениями.

В религиозных пьесах Тирсо де Молина – в таких, как «Комедии о святых», достаточно ярко проявляются контрреформационные элементы его мировоззрения: погоня за феерическими эффектами и мишурой богословской учености («Святой портной», «Озеро св. Викентия»). «Месть Тамары», задуманная как библейская драма, изображающая кровосмесительную любовь брата к сестре, понимаемая зрителями как защита прав освобожденной плоти – произведение, в принципе, редкое, если не единственное подобного рода у Тирсо де Молина.

В области бытовой комедии (или «комедии плаща и шпаги») драматург значительно снижает реалистический метод Лопе де Вега, отходит от социальной проблематики в сторону своих личных пристрастий – к эффектам – что, собственно, и делает его мастером «комедии интриги» со всеми ее свойствами – переодеваниями, эффектами трансформации и пр. Комедии эти популярны и до сих пор – «Дон Хиль Зеленые Штаны», «Благочестивая Марта», «Застенчивый во дворце», «Крестьянка из Вальекас» и др.

С именами Лопе де Вега и Тирсо де Молина связывается одна из замечательнейших испанских исторических драм – «Король дон Педро в Мадриде…». Дать ответ на вопрос о том, кто является автором этой драмы, изданной в 1633 году в «экстравагантной» (то есть, неавторизованной) части комедий де Вега, наука не смогла – данный факт может свидетельствовать только о близости как стиля, так и тематики обоих поэтов. Педро Жестокий, казалось бы, характеризуется в драме вполне положительно – он носитель свойственной людям эпохи Возрождения энергии, он обуздывает бесчинствующего феодала, выступает в роли выразителя народного мнения…

А это «Благочестивая Марта» с замечательными российскими актерами

Однако король не идеализирован автором драмы – напротив, он «всегда погружен в атмосферу трагизма и окружен роковыми и зловещими знамениями». В народе твердят, что он жесток, из-за сцены доносится песня о приближении рокового часа короля, слышатся детские голоса, предостерегающие против его жестокости, самому же королю во всех трех актах является тень убитого им священника… Педро ведет себя с неизменным мужеством, но явление призрака и прорицание страшной гибели, кстати, сбывшееся, знаменательно. В драме явственно предстает замечательный и позднее используемый Тирсо де Молина прием – столкновение с потусторонней силой, при помощи которого наиболее ярко раскрываются характеры персонажей. Зрители-современники осознавали: роковые пророчества свершатся над Педро Жестоким обязательно – несмотря на заслуги, суд истории назначит ему остаться камнем (перевод имени – Петр, Педро – камень), истуканом в памяти народа и в истории страны.

Драмы, подобные «Королю дону Педро…» мы отнесем к историческим в творчестве Тирсо де Молина. Среди достоверно принадлежащих ему подобных по тематике драм выделяются «Антона Гарсия» (видимо, 1623) и «В женщине благоразумие» (после 1630). «Антона Гарсия» входит наряду с «Фуэнте

Овехуной» Лопе де Вегав так называемый круг народно-революционных драм испанского Золотого века. Перед нами разворачиваются события гражданской войны 1476 года, войны, подготовившей объединение Испании Изабеллой и Фердинандом. Драма кажется архаичнее и описательнее «Овечьего источника», но это можно объяснить фольклорной основой сюжета. Крестьянка Антона, кастильская Жанна д'Арк времен антифеодальной, антипортугальской войны – лицо историческое, а ее образ соответствует преданиям о девах-воительницах. Тирсо де Молина дает в своей драме сказочный, счастливый конец (хотя зрители наверняка знали о казни героини в реальности…).

В драме «В женщине благоразумие» тоже побеждает действенное, организующее начало, представленное королевой-правительницей Марией де Молина, отстаивавшей в начале XIV века общественные интересы и целостность королевства Кастилии и Леона. Усилия королевы направлены на сплочение народа, горожан, патриотически настроенного дворянства, что придает пьесе черты гуманистической трагедии. Здесь все, как у Шекспира – мрачная историческая хроника феодальных битв превращается в трагедию с моральным содержанием. Идеал «кажется невозможным в наш жестокий век», но автор, выведя на передний план понятие «благоразумия», защищает гуманизм и соединяет Возрождение с прагматизмом XVII века. «Благоразумие» же поэт воплощает в женщине…

Драма о доне Жуане (по-испански – доне Хуане), написанная, вероятнее всего, в начале 1620 года, не вошла в книги, изданные непосредственно Тирсо де Молиной, сохранилась они в двух печатных (как сказано выше, пиратских) вариантах. Более пространная версия – «Севильский озорник, или Каменный гость» – впервые была напечатана в 1630 году под именем Тирсо де Молина, но в сборнике пьес Лопе де Вега и других авторов. Краткая версия, остававшаяся до 1878 года практически неизвестной (и не переведенной на русский язык), – «Долгий срок вы мне даете» – была напечатана около 1660 года, на этот раз уже под именем Кальдерона.

Историки литературы долгое время полагали, что исходной редакцией является «Севильский озорник…», затем, будто таковой был «Долгий срок…».

Однако ни тот, ни другой вариант не может сегодня с уверенностью рассматриваться как первоначальная редакция. Исходный текст утрачен, а «Долгий срок…», видимо, представляет собой «пиратскую запись» одного из ранних представлений, пропущенное заполнено по памяти… Возможно, цензура и опасения издателей, связанные с боязнью церковных

преследований, требования благопристойности (замена характеристики дон Хуана как «жеребца» и «саранчи женщин» на «озорника» и «наказание женщин») также повлияли на искажение (изменение) текста.

Памятник дону Хуану в Севилье

Своеобразие эпохи, в которую творил Тирсо де Молина, когда

гуманистические представления давали основу для строгой дифференциации положительных и отрицательных героев и, вместе с тем, когда публика уже сама умела понимать идею положительного, появляется герой первого плана, о котором нельзя было сказать, положителен он или отрицателен.

Идейная схема и структура образов нашей драмы содержатся уже в ее первых сценах – в эпизоде поругания доном Хуаном герцогини Изабеллы. Характер героя определяется не только свойственным всем последующим донам Жуанам противоречием между кипучей жизненной энергией и тем, что энергия эта находила выражение в необузданном эгоизме знатного сеньора. Своеволие его было дополнено безнаказанностью гранда, представителя бюрократической верхушки, сына королевского фаворита, а это усугубляло в глазах испанцев XVII века политическую насыщенность образа. Герой часто стремится не просто к удовлетворению страсти, а к унижению жертв и озорству. Это определяет поведение дона Хуана в эпизоде с назначившей другому тайное свидание Изабеллой. «Озорник» («жеребец» в первоначальном варианте) и не помышляет о завоевании ее сердца, не берет ее силой, но овладевает ею, выдав себя в темноте за жениха… Он циник и отважный воин, а минуту спустя – улепетывающий и заметающий следы сын и племянник лукавых царедворцев.

Дон Хуан еще трижды выступает озорным соблазнителем, ни разу не увлекшись своими жертвами. Чтобы пленить девушек из народа, например, рыбачку, которая, правда, первой начала кокетничать с ним, и простодушную крестьянку, он использует блеск своего высокого дворянского положения и обещание жениться. В неудавшейся попытке опозорить донью Анну, которая вела сложную интригу ради любви, он прибегает к той же хитрости, что и в случае с Изабеллой, полагаясь, как обычно, на свою безнаказанность.

Дон Хуан находится, безусловно, в конфликте с религией, но только как с правилами, стесняющими его личную мораль…Все следующие мировые доны Жуаны последующей литературы выступали против религии в поисках иной морали и иного жизненного начала.

Статуя командора воплощает как силу, пугающую вообще, так и силу религиозного мщения, страх божий, который не совпадал с кодексом чести такого вольномыслящего дворянина, как дон Хуан – он был слишком овеян духом времени, чтобы унизиться до суеверной трусости. По мере того, как дон Хуан увлекается и просто упивается своим геройством, состязаясь каменным противником, и проявляет бесстрашие перед лицом

вечности, вопрос о восстановлении справедливости и счастливой развязке для других героев отходит на второй план (в опере Моцарта в 1787 году характер донны Анны ничуть не уступает характеру дона Джованни…).

Общество донов Хуанов и донов Жуанов, донов Гуанов и донов Джованни к XXI веку превышает сто персонажей – комедии и драмы, трагедии и фарсы, поэмы, оперы и балеты, кукольные спектакли и художественные фильмы, романы и комиксы… Герой, даже в своей неправедной сути, ипостаси, привлекателен смелостью и богоборчеством, отвагой и жизнеутверждающей силой, оптимизмом и неумирающей верой в себя! Байрон и Пушкин, Томан и Моцарт, Видал и Гомес – имена известные и малоизвестные, а еще сколько не названных писателей и поэтов, кинорежиссеров и композиторов – дон Хуан, дон Жуан вечен как персонаж , как типаж, как идея.

«Севильский озорник…», насколько это ни покажется, по понятиям современников, странным, формально можно отнести еще к одной творческой линии Тирсо де Молины – к его религиозным драмам. Они-то, вероятно, и были в наиболее резком противоречии с долгом драматурга-монаха. Таковы специально заказанные, с виду выдержанные в церковном духе (драматическая трилогия «Святая Хуана», 1613-1614). Славословия и нагромождение чудес, сопутствующих каждому шагу Хуаны, святой XVI века, не канонизированной церковью, позволили Тирсо вполне безнаказанно создать апологию простых людей и высказать резкое осуждение королевской политики, самоуправства знати и монастырских склок. А его пьесы «И святой, и портной» и «Кто не согрешит, не покается» (около 1628) являются хитро замаскированными под елейные драмы фарсами, наизнанку выворачивающими церковные догматы…

Драма «Ни чересчур, ни слишком мало» (около 1614) заостряет социальные мотивы всего испанского театра, осуждая всемерную власть денег.

Представление в испанском театре XVII века

Знаменитая религиозно-философская драма «Осужденный за недостаток веры» создана Тирсо де Молиной в народном ключе. В ней поднимается вопрос об осуждении вечной и непогрешимой лжеправедности духовенства и вечная проблема «либерум арбитриум», свободы воли человека. Датируемый приблизительно 1615 г., «Осужденный за недостаток веры» был издан в 1635 году в считающейся пока апокрифической «Второй части Комедий Тирсо», в предисловии к которой содержится (возможно, предназначенное для цензуры) указание, что Тирсо здесь принадлежит лишь часть пьес. Драма написана по мотивам восходящего к индийской «Махабхарате» народного предания о посрамлении надменного перед смиренным. Тирсо были известны рассказы такого рода о христианских святых Антонии и Пафнутии. В конце XIX – начале XX века исследователями делались попытки привязать драму Тирсо к теологическим спорам – предопределено ли небесное оправдание свыше, независимо от поступков индивида, или оно определяется этими поступками, свободной волей человека? Хотя Тирсо, конечно, был верующим, вопрос о небесном воздаянии имеет для него во многом символический смысл и касается осуждения ложной праведности духовенства. Возникший в обстановке этих споров «Осужденный за недостаток веры» все же важен нам не столько идеологически, сколько своими несомненными художественными, драматургическими особенностями.

Для писателей барокко идея свободы воли была необходима, так как, если утрачивалась надежда согласовать с идеалом свое бытие, иллюзия независимости сознания и надежда отстоять внутреннее достоинство человека становилась еще дороже. И тут возникает замечательная, особенно для XVII века, идея предопределения.

А это памятник самому Тирсо де Молина в Мадриде

В «Осужденном за недостаток веры» бандиту Энрико, опустившемуся на самое дно общества, противопоставлен монах-отшельник Пауло, но в ходе действия они как бы меняются судьбами: «праведный» церковнослужитель идет в ад, а грешный мирянин, хотя он и «худший человек на свете», спасается, как в притче о мытаре и фарисее. В легендах о святом Антонии и о святом Пафнутии отшельники, хотя и были посрамлены, оказавшись беднее в добрых делах, чем последние грешники, все же усвоили урок. Пауло в драме Тирсо не смог победить ни предубеждения, будто он как «святой» лучше других людей, ни собственного догматизма вообще. Тридцатилетнего монаха Пауло смутил сон, будто грехи его перевесили заслуги, он требует от

Бога ответа: «Раз я иду столь хорошим путем… скажи, пойду ли я на Твое небо или в ад?» Такие речи и позволяют дьяволу подвергнуть монаха искушению – он рассказывает ему, что в Неаполе живет человек, с которым у Пауло будет одинаковая судьба в жизни вечной. Когда же он прибывает в Неаполь, Энрико предстает перед ним как вымогатель, насильник, убийца и богохульник. Забыв, что как духовное лицо он был обязан спасать Энрико, а не себя, Пауло решает (поскольку монашество не принесло пользы) стать бандитом, как Энрико, и начать веселую жизнь…

Резюме: конечно, драматургическая манера Тирсо де Молины, характеризующаяся мастерством интриги, часто приобретающим самодовлеющее значение, покажется не достаточно глубокой. Да, в его творчестве уже нет глубины и яркости характеристик персонажей, присущих Лопе де Веге, ослаблена психологическая мотивировка поступков, отличающая творчество его современников, однако поиск и вера в святые истины не только церкви, но и искусства, вера в очищающие и воспитывающие силы искусства, в возможность уничтожения порока при помощи печатного слова, многогранность Тирсо де Молина ставит его в ряд самых выдающихся мировых драматургов, а интерес к его произведениям, не угасающий и сегодня, позволяет говорить и об актуальности их тематики.

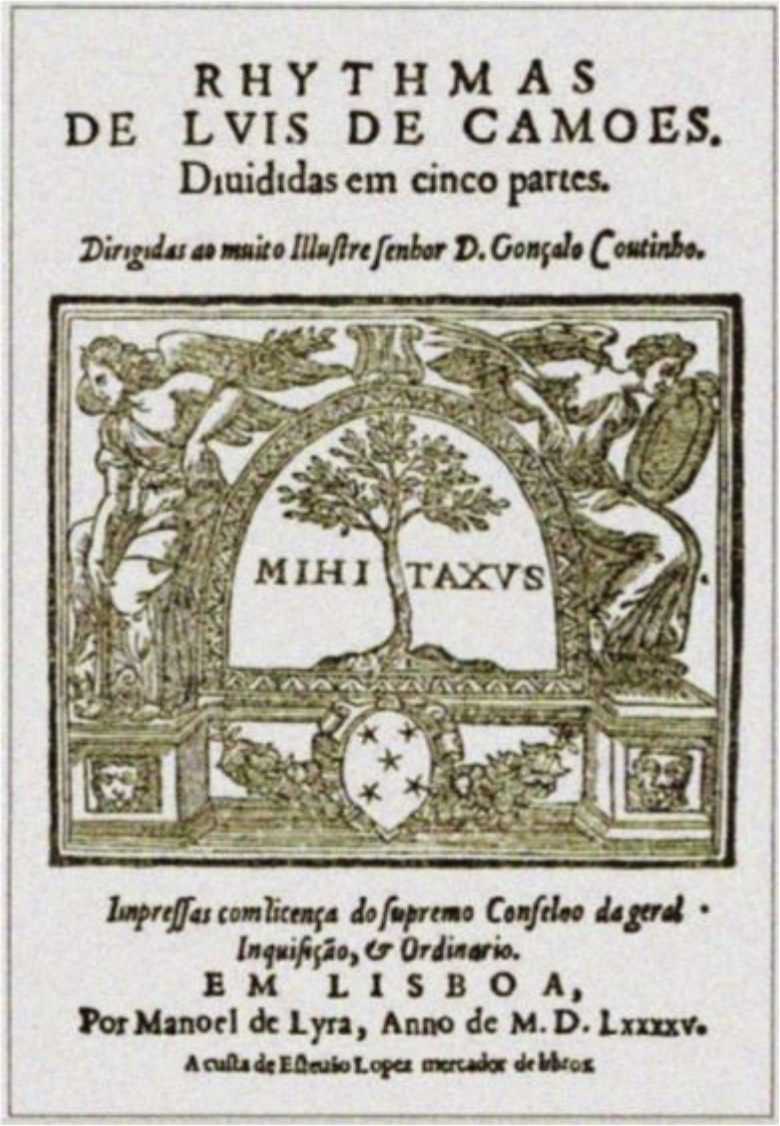
§ 7. Луис де Камоэнс

Луис де Камоэнс

Первое упоминание имени *Луиса де Камоэнса* (1524 или 1525-1580) в русской литературе было предпринято М.В. Ломоносовым в его «Кратком руководстве к красноречию» (1748), и только потом знаменитый португалец со своими сюрпризами и парадоксами стремительно вступает в российскую поэзию. Опыт эпического певца Лузитании принимается как самим Ломоносовым, так и В.К. Тредиаковским, затем М.М. Херасковым, а А.С. Пушкин, влюбленный в сонеты Камоэнса, написал:

Суровый Дант не презирал сонета,
В нем жар любви Петрарка воспевал,
Его игру любил творец Макбета,
Им скорбну мысль Камоэнс облекал.

Камоэнс – поэт, чья жизнь оставила больше загадок, чем документальных свидетельств. Что есть у потомков? Десяток фактов, проверить которые не представляется возможным…


RHYTHMAS
DE LVIS DE CAMOES.
Diuididas em cinco partes.
Dirigidas ao muito Illuſtre ſenhor D. Gonçalo Coutinho.
MIHI TAXVS
Impreſſas com licença do ſupremo Conſelho da geral Inquiſição, & Ordinario.
EM LISBOA,
Por Manoel de Lyra, Anno de M. D. Lxxxxv.
A cuſta de Eſtevão Lopez mercador de libros.

Один из первых сборников Камоэнса

Итак, сведения о жизни Камоэнса чрезвычайно скудны и часто противоречивы. Вероятно, Камоэнс родился в 1524 году, и, предположительно, в Лиссабоне. Он происходил из старинного и богатого галисийского рода, один из членов которого, Васко

Пирес де Камоэнс, в 1370 году бежал в Португалию (мотивы неизвестны: дуэль, политика, несчастная любовь?). Он становится известен не только как храбрый воин, но и как прекрасный поэт-трубадур. Дед поэта по материнской линии, Антао, был женат на родственнице Васко да Гама. По некоторым сведениям, мать Камоэнса, дона Ана, умерла очень рано, отец его, Симао женился во второй раз и уехал в Индию капитаном корабля. Близ Гоа он потерпел кораблекрушение и вскоре умер (известие об этом дошло в Португалию только в 1553 году).

Детство Камоэнс провел в обществе заботливой и любящей мачехи, под опекой дяди, ученого монаха-аскета. Скорее всего, Камоэнс учился в Коимбре, сначала в монастырской школе, потом в университете, где приобрел знание языков и прочел огромное количество латинских, греческих, испанских, итальянских и португальских авторов исторических трактатов и поэтических книг… Здесь он и приобретает любовь ко всему народному – легендам, сказкам, пословицам, песням и романсам.

Нам известно, Камоэнс ссорится с дядей (вполне вероятно, из-за небольшого эпизода – любовного приключения юноши), вследствие чего Камоэнс оставляет университет, не получив ученой степени.

Камоэнс после кораблекрушения. С картины Э.Слингенейера

Около 1542 года, примирившись со своим воспитателем и наставником, Камоэнс отправляется искать счастья в Лиссабон. Здесь он получает место домашнего учителя в доме графа Норонья. Здесь, в 1544 году он влюбляется в дочь высокопоставленного вельможи, Катерину де Атаиде, фрейлину королевы. Камоэнс хлопочет о должности при дворе только затем, чтобы чаще видеть возлюбленную… Благодаря содействию графа Норонья Камоэнс в качестве импровизатора, драматурга, порой

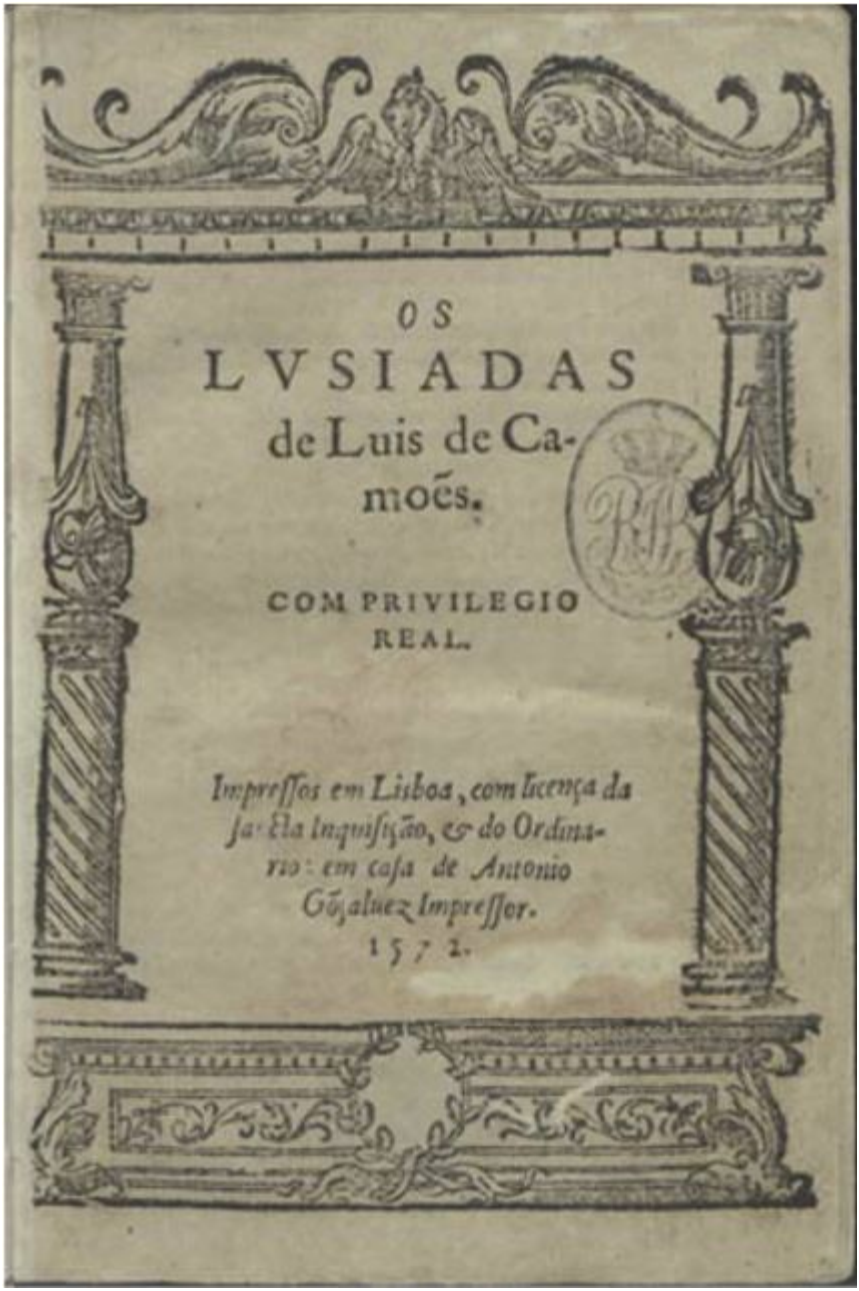
режиссера и актера принимает участие в королевских представлениях, видится с Катериной, ищет взаимности – любовь его замечена, родственники девушки, завистники и соперники втягивают юного поэта в ссоры и неприятности, и в начале 1549 года Камоэнс по приказу короля высылают из Лиссабона.

Военная служба – это, практически, теперь его единственный выход… Он храбро сражается в случайных стычках гарнизона Сеуты, получает ранение, теряет правый глаз.

Через два года, в 1551 году, Камоэнс возвращается в Лиссабон.

Во время церковной процессии он тяжело ранил высокопоставленного чиновника, схвачен и посажен в тюрьму. Следствие длилось 9 месяцев, король милует Камоэнса, заставив отправиться в далекую Индию. В марте 1553 года поэт в качестве рядового матроса отплывает в Гоа. Во время шестимесячного плавания (как и во время тюремного заключения) Камоэнс пишет начало прославившего его эпоса. В Индии он воюет при Малабаре, больше года служит в Гоа, пишет стихи, путешествует в Мекку… «Берется то за меч, то за перо» – так скажет он о Цезаре (и с полным правом о себе) и его полной приключений жизни в Индии и Африке в своих знаменитых «Лузиадах».

Назначенный в 1556 году на довольно доходную и заметную должность в Макао, Камоэнс проводит здесь некоторое время спокойно, заканчивая «Лузиады», но вскоре его обвиняют в служебных нарушениях, арестовывают и увозят на корабле… Буря разбила корабль, пошедший ко дну у берегов Камбоджи. Поэт спасается и спасает рукопись «Лузиад»! Добравшись до Гоа, он обращается в суд и вскоре добивается оправдания. После различных других злоключений, в 1570 году, Камоэнсу удалось, наконец-то, как он напишет, «с больным сердцем и пустым кошельком» вернуться на родину.


OS
LVSIADAS
de Luis de Camoẽs.
COM PRIVILEGIO REAL.
Impressos em Lisboa, com licença da sa. Ela Inquisição, & do Ordinario: em casa de Antonio Gõçaluez Impressor.
1572.

Первое издание «Лузиады»

Еще в Гоа, в 1561 году Камоэнс узнает о смерти возлюбленной: горе он выливает в стихи…

В 1572 году появилась в печати поэма «Лузиады». Камоэнс посвятил её королю Себастиану, который назначил ему небольшую пенсию, только-только помогающую не впасть в окончательную нужду… – размер пенсии не превышал дохода

мелкого ремесленника. Дополнительные деньги Камоэнсу приносил мальчик-слуга, привезенный из Мозамбика, который собирал милостыню на улицах Лиссабона… Несмотря всеобщее восхищение, творцу «Лузиад» пришлось доживать дни свои в бедности. К ней присоединилось горе за Португалию, потерявшую независимость. «Я умираю не только в отечестве, но и с ним вместе»…

Еще один из многочисленных портретов…

Заболев чумой, он умер в июне 1580 года и был похоронен в церкви Святой Анны. Несколько лет спустя, на месте предполагаемой могилы Камоэнса, был установлен надгробный камень с надписью. Землетрясение 1755 года разрушило церковь. В 1855 году были собраны вероятные останки Камоэнса и

захоронены, а в 1880 году, перед торжественным празднеством трехсотлетия его смерти Камоэнса, эти останки его, так же, как и останки Васко да Гамы, были перенесены с королевскими почестями и похоронены в церкви Санта-Мария в Белене: гроб с прахом Васко да Гамы – по левую руку, а с прахом Камоэнса – по правую руку гробницы короля Себастиана…

Такова полная приключений и страстей, страданий и превратностей, бедности и забвения, почестей и недоброжелательства, удивительная жизнь Луиса де Камоэнса, великого поэта Португалии… А его поэзия?

Первый сборник лирических стихотворений Камоэнса появился только спустя полтора десятилетия после его смерти, в 1595 году. В 1616 году выходит второй сборник. Лирика Камоэнса была собрана по спискам и опубликована впервые писателем Фернаном Родригешем Лобо Соропитой. В последующих изданиях ряд стихотворений добавили, а авторство многих стихов оспорили. Текстология поэзии Камоэнса до сих пор выдвигает множество нерешенных вопросов.

Сегодня в собрания сочинений Камоэнса включаются еще четыре письма и три комедии: «Амфитрион» (переделка комедии Плавта), одноактная комедия «Король Селевк» и пятиактная комедия «Филодемо», написанная, вероятно, в годы зрелости (есть свидетельства о том, что она была представлена при дворе вице-короля Индии) и тесно связана с лирикой поэта. Фабула пьесы состоит из приключений разлученных в детстве близнецов Филодемо и Флоримены. В написанной попеременно то стихом, то прозой комедии наличествуют два плана: сентиментально-психологический (перипетии любовной страсти) и реальный, связанный с действиями лукавой служанки Солины, благодаря ловкости которой все и разъясняется: брат и сестра узнают друг друга, две влюбленные пары соединяются.

Камоэнс как лирик славен тем, что использовал практически все известные в его время поэтические размеры и формы, а некоторые из его лирических композиций (особенно вариация на фразу «Тоска моя, когда тебя увижу?») простотой и напевностью дают нам почувствовать народной песни. В других стихотворениях поэт предстает искусным софистом, показывая игру образами, неожиданное соединение или переосмысление привычных для средневековой поэзии метафор (например, в строках отрывка «Девушка с зелеными глазами»).

Камоэнс, идя вслед за лучшими образцами итальянской лирики, с ее глубоким переплетением философских и любовных мотивов, писал сонеты, элегии, эклоги, оды и песни, продолжив, тем самым, начатую в португальской поэзии де Мирандой линию

последователей Петрарки. Кстати, сонетом Камоэнс владел мастерски, добиваясь удивительной музыкальности и чеканной афористичности многих строк.

В основе всей любовной лирики Камоэнса – великая и чистая концепция: возлюбленная его – «прекрасная», «благородная», «сияющая» дама, Госпожа, чей взгляд рождает в душе поэта непреодолимое стремление к Красоте и Благу, а Любовь – мучительное, всегда связанное с тоской и страданием духовное восхождение к идеалу. Но и «живой опыт», по словам самого поэта, вполне явственно ощущается в его лирике: смутные очертания личной судьбы, долгая вынужденная разлука с возлюбленной, тюремное заключение, смерть любимой…

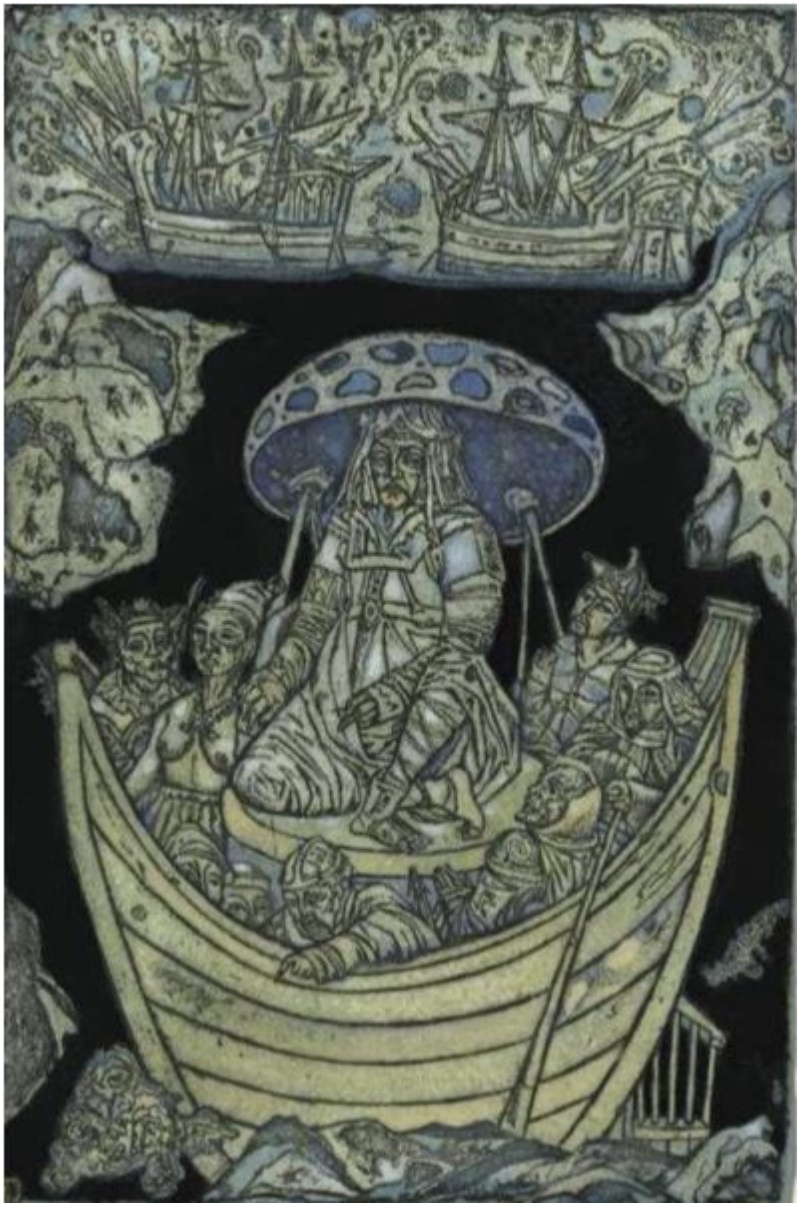
В философской же лирике Камоэнса следует обратить внимание на темы разлада человека и мира, произвола случая, всесокрушающей силы времени, пугающего хаоса. Часто исследователи даже выводят лирику Камоэнса за рамки искусства Возрождения, видя в ней «одно из первых проявлений барокко». Размышления его о мире, управляемом деспотичной судьбой, о хрупкой человеческой участи, о несоответствии мира и общества идеальным представлениям и чаяниям человека – это естественное преломление общих идей эпохи поэта через призму личной драматической судьбы и трагической национальной ситуации. В таких сонетах, как «Дожди с небес, потоки с гор мутят», «За что? Сижу прикованный к стене…», «Мучительно за годом год идет» и «Будь проклят день, в который я рожден!» Камоэнс достигает высот трагизма… Однако поэзия Камоэнса утверждает: в мире есть несчастья, несправедливость, жесточайшие разочарования, но нет бессилия, ничтожности человека – готовность к любым бедам и испытаниям и уверенность в своем предназначении – вот что выражено в его лирике. Камоэнс мудр, спокоен, уверен, он в поиске смысла жизни всегда:

Чтобы дышать – и воздуха мне мало,
А чтобы жить – мне мало даже мира…
Я погибал.
Но, мир пройдя до края,
Не изменил возвышенному строю
Среди сердец, что обросли корою,
Страданий очистительных не зная.

Из иллюстраций к поэме Камоэнса

Великая эпическая поэма Камоэнса «Лузиады» (закончена к 1569 году, опубликована в 1572 году) следует отнести к одному из самых значительных творений эпохи Возрождения. Перед нами подлинная эпопея. Даже подражание древним в построении сюжета (совет богов, их покровительство и гнев как движущая сила сюжета, мифологические образы и мотивы) соединяется с изложением исторических событий, пространными описаниями мира и этнографических достопримечательностей дальних земель. Сам автор отводит мифологии только композиционную

задачу: появление богов в поэме – это лишь «повод для звучных стихов». И действительно, Бахус, великан Адамастор, океанская нимфа Фетида дают поэту возможность подняться над реальностью, над настоящим к подлинному пророчеству. Их речи передают основную идею поэмы, то есть мифология находит свое место как средство воплощения эпической концепции.



И снова иллюстрация к великой поэме

Содержание поэмы – это история португальского народа.

Однако рассказывается она не последовательно, эпизод за эпизодом, а вставлена, так же, как география, астрономия, медицина, этнография, внутрь сюжета. А сюжет этот ясен – история похода Васко да Гамы в Индию. О некоторых событиях португальской истории Васко да Гама сообщает дружественно настроенному к португальцам королю Мелинды, о других повествует брат адмирала, Пауло да Гама, королю Калекута, расспрашивающему о фигурах и эмблемах, изображенных на португальских знаменах. Приступая к рассказу о лузиадах, то есть португальцах-потомках мифического Луза, основателя Португалии, поэт выделяет главное – открытие нового морского пути. Здесь все и связано: и военные эпизоды, и легенды о трагической гибели и посмертной коронации прекрасной Инес де Кастро, возлюбленной наследника престола, а потом короля дона Педро, и свод наблюдений ученых и путешественников. Все это лишь предыстория великого свершения. Путешествия за моря – центральное героическое событие, пронизывающее все содержание эпопеи. И в последней главе, в сцене чудесного праздника на «острове любви», океанская нимфа пророчествует о новых плаваниях, новых открытиях, новых землях (здесь подразумевается Бразилия), которые скоро, благодаря португальцам, станут известны миру.

История Португалии, таким образом, рисуется как многовековый крестовый поход, как утверждение креста сначала на полуострове, в борьбе с маврами, а затем и в дальних землях. Причем, поход многотрудный и опасный. Один из героев поэмы сравнивает путешествие да Гамы с ослушанием Адама и дерзостью Икара. Так, с библейской и античной параллелей начинается тема самоопределения человека и его соперничества с богами. Эта основная ренессансная тема и становится главной в поэме, ее можно проследить и в многократном подчеркивании того, что португальцы плывут по неведомым морям, над которыми рука человека еще не поднимала парус, и в описаниях природы (португальцы первыми вырвали «секреты природы»), и в жестоко правдивом изображении цинги и бедствий на море, голода, предательства, враждебности туземцев, в фигуре фантастического великана Адамастора, грозящего морякам в самом опасном месте их пути, у мыса Бурь, и впоследствии посрамленного ими, в речи Бахуса, обращенной к богам: «Вы увидите, что через немногие годы и в море, и на небе они станут богами, а мы – простыми людьми».

Гробница Луиса де Камоэнса

Резюме: Луис де Камоэнс – поэт, который пытается осмыслить и силой своего искусства спасти все самое ценное в национальной истории Португалии. Он старается отвести меркантильные соображения как причину португальских завоеваний и подчеркнуть лишь их миссионерскую цель. В этом ясно усматривается приверженность официально-католической идеологии. Да, он видел вокруг себя и разнузданную алчность, и страсть к обогащению, и коррупцию. Но разве только в этом была цель великого предприятия Васко да Гамы? Признать жажду золота и наживы побудительным мотивом героических действий значило бы для Камоэнса поддаться историческому пессимизму. Поэтому он вполне открыто идеализирует миссию Португалии, а португальского народа как избранной нации. Потому и удается Камоэнсу эпизация истории его народа, что он сумел выделить как подлинно героическое такое деяние, которое все же действительно было шагом вперед в развитии человечества. И средствами искусства он сумел опоэтизировать то, что остается вечным – поиски знания и истины, человеческое могущество, победоносное напряжение всех сил и способностей человека. Поэзия Камоэнса – типичное порождение эпохи Ренессанса, времени, которое часто именуют трагическим. Она создана человеком, сполна испытавшим разочарования, знающим реальную жизнь, видящим упадок нации и затмение

гуманистических идей…

И все же повторимся – Камоэнс спасает главное завоевание Возрождения – идею «героического энтузиазма» и дерзкого могущества обожествленного им человека-современника.

Глава VII
Средневековая литература Востока, Азии, Кавказа

Еще одним удивительным поэтическим миром станет для нас поэзия Востока: арабская и персидская, китайская и японская… Удивительный взлет культуры и государственности, особые, свойственные только этим народам черты средневековой цивилизации, появление книг, ставших священными на века, создание поразительных произведений, взаимовлияние законов политики и искусства – это далеко не полная характеристика нового для нас явления – культурного пространства Востока…

§ 1. Абу Нувас

Всему арабскому миру знаком этот замечательный поэт, чье настоящее имя, видимо, звучало, как *Аль-Хасан ибн Хани аль-Хакими* (предположительно, 762-813). Поэт, настолько далекий от нас, что время скрыло большую часть точных биографических сведений, оставив нам лишь сказки и анекдоты, малопристойные истории, героем которых был Абу Нувас, что в переводе означает Отец кудрей.

Родился он, как считается, недалеко от Ахваза, городка в Южном Иране, отец его был арабом, мать – иранкой. Родным языком его, скорее всего, был персидский. Детство будущего поэта прошло в городе Басра. Конечно, родители мальчика были так бедны, что он не получил никакого образования, зато служба у выдающегося в то время поэта Валиба ибн аль-Хубаба позволила не только овладеть грамотой, но и познакомиться с древними поэтами, арабским языком, поэтами и художниками, навещавшими гостеприимный дом любимца калифа. Говорят, что юношей Абу Нувас жил некоторое время среди бедуинов, чтобы узнать, что такое настоящий, чистейший арабский язык…

Абу Нувас

Однако не поэзия была главным в жизни Абу Нуваса – вино и любовь! Именно любовные приключения и создали ту репутацию, которой он пользовался как у своих современников, так и у потомков. Мудрец, весельчак, распутник. Нечто среднее между ходжой Насреддином и Тилем Уленшпигелем, героем книги Шарля де Костера.

Эпоха, в которую жил и творил Абу Нувас, называлась арабами и персами эпохой Обновления – запомните тысячи строк великих, а потом забудьте их напрочь! Так гласил принцип – чтобы обрести свой голос, поэт должен узнать всех предшественников, а потом суметь уйти от них как можно дальше…

Харун ар-Рашид

Великий халиф, известный нам по многим восточным сказкам, Харун ар-Рашид, делает Абу Нувас придворным поэтом.

Но придворная жизнь далеко не проста – здесь свои законы, принципы, привычки – за одно и то же могут по приказу халифа и осыпать милостями, и посадить в подземелье…

Абу Нувас резко порывает с темами и нормами придворной бедуинской поэзии, подвергает их систематическому осмеянию. Он становится подлинным обновителем всех поэтических норм, вводя и последовательно разрабатывая новые темы и сюжеты (городская жизнь, запрещенное исламом вино, охота и наслаждение любовью). Источником вдохновения явилась иранская народная культурная традиция. Строки Абу Нуваса подарят нам имена реально существовавших исторических героев и персонажей фольклора, мы встретим описание обычаев и традиций древнего зороастризма[19]. Его сочинения даже дают основание предполагать, что он принадлежал к Шуубии – культурно-политическому течению, выступавшему за освобождение иранских земель от власти халифата…

Абу Нувас по праву виднейшим представителем «нового стиля» в литературах Востока, отразившего уже более утонченные формы быта и настроения богатых жителей городов в период превращения халифата из замкнутого арабского национального государства в мощный исторический конгломерат

международного значения.

Европейские исследователи любят называть Абу Нуваса «арабским Анакреонтом» или «арабским Гейне». В его творчестве отражается чувственность, называемая большинством читателей извращенной, но среди чувственных и откровенно порнографических любовных стихотворений (обычно в честь возлюбленных своего же пола) выделяется цикл нежнейших и изящнейших песен, посвященных некой невольнице Джинане.

Безусловный вольнодумец, свое отношение к религии он частично отразил в *хамриях* – песенках о пирушках и запретном вине. Из других его многожанровых произведений потомкам интересны охотничьи песни.

Вообще, сейчас у исследователей литературы существует мнение, что, согласно преданиям, Абу Нувас переносил идеалы своей поэзии в жизнь… А жизнь он вел легкомысленную и беспутную – о его любовных и пьяных похождениях, ставших легендарными, рассказывают сказки «Тысячи и одной ночи» и, как уже упоминалось, «специальные» сборники порнографических стихов и анекдотов. Кстати, справедливости ради стоит сказать, что большая часть этих анекдотов представляет собой просто бродячие сюжеты.

На обвинение в грехе пьянства Абу Нувас отвечал достаточно просто:

Если истинный, Аллахов, рай
Покамест и далек,
Нам не рай ли открывает
Солнца винного глоток?

Значит, не только житейское удовольствие, наслаждение от вкуса вина, а нечто большее волнует этого поистине предшественника мистической поэзии суфиев[20]?

Однако Абу Нувас все же смеется вообще над всеми правилами, не желая сковывать ими ни себя, ни свою поэзию, причем, в своем отрицании доходит достаточно далеко… Порой, он даже просто пародирует Коран…

Но следует иметь в виду и следующее – протест против поэтических правил не означал полного отрицания традиционных жанров. Абу Нувас скорее играл с традициями, а не являлся их разрушителем. Он породил целое литературное направление – насмешки над бедуинскими касыдами[21]…

А его чудесные охотничьи касыды? Тонкая игра чувств, красота коня и верблюда, охотничьей собаки или гепарда, азарт и сцены гибели животного! Абу Нувас великолепен здесь, изящен,

умен, чуток и всегда современен!

С гепардом выхожу на лов, красавцем зрелых лет,
Столь быстрым, что от лап его едва приметен след,
Пасть широка, ему иных не надобно примет,
Его и гибок, и упрям выносливый хребет…

Это издание 1975 года уже стало раритетом

Добавим, что творения, приписываемые Абу Нувасу, были собраны арабскими учеными в «Диван» (сборник), а в Европе они изданы на немецком языке в Вене, в 1855 году.

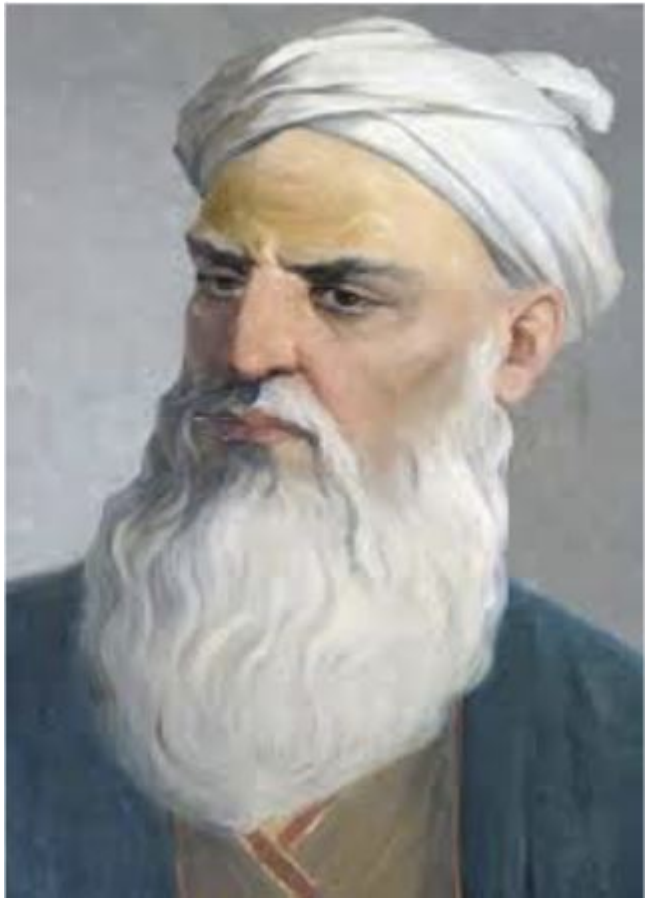
Резюме: стоит сказать, что Абу Нувас все же не остался в памяти потомков как поэт одной темы – наряду с радостными и светлыми, веселыми и дразнящими стихами у него есть и горькие строки-сетования на свою судьбу, а рядом с кощунственными и непристойными строками будут всегда звучать слова поэта:

Скажу лишь одно в оправданье,
Что мне оправдания нет…

Мир изменился, но стихи Абу Нуваса звучат сегодня на

многих языках мира, и красота их ласкает наш слух точно так же, как и слух его современников тысячу двести лет назад…

§ 2. Рудаки



Рудаки

Родоначальник новоперсидской классической поэзии, человек, которого традиция называет «Адамом поэтов», объединивший в своем творчестве доисламские поэтические традиции, иранские народные песенные традиции и все известные нормы арабского стихосложения, *Абу Абдаллах Джафар ибн Мухаммад ибн Хаким ибн Абдаррахман,* известный нам под поэтическим псевдонимом *Рудаки* (он родился в маленьком селении Рудак или Пянджрудак, недалеко от Самарканда, что по-персидски означает речка) жил примерно в 860-941 годах. Биография его известна лишь в самых общих чертах, сведения противоречивы и недостоверны…

Одна из чудесных легенд гласит:

«Местом его рождения был Рудак, у Самарканда. Он родился

слепым (по другим источникам, Рудаки был ослеплен в зрелом возрасте), но был столь талантлив и восприимчив, что к восьми годам знал наизусть весь Коран и стал чтецом Корана; он принялся складывать стихи, причем такого тонкого содержания, что народ восторженно встречал их. Любовь к нему все возрастала, к тому же Господь одарил его прекрасным голосом и способностью пением очаровывать сердца. Благодаря своему голосу, он сделался певцом и научился игре на барбате (лютне) у Абулабака Бахтияра, который был выдающимся музыкантом. Рудаки стал мастером игры, и слух о нем прошел по всему миру. Эмир Наср, сын Ахмада Саманида, бывший эмиром Хорасана, особенно приблизил его к себе, и он пошел в гору, а богатства его увеличились до высшей степени. Как говорят, у него было двести рабов и четыреста верблюдов, нагруженных его поклажей. После него никто из поэтов не имел такого богатства, и такого счастья не случалось никому (из них). А еще говорят, … что его стихи составляют сто сборников (тетрадей) и ожерелья его касыд наполнены бесподобными наставлениями».

Считается, что он был приближен ко двору саманидского эмира Насра ибн Ахмеда в Бухаре уже вполне сложившимся поэтом. В Хорасане была богатейшая библиотека, сюда стекались ученые, строители, «люди пера». Персидские правители всячески покровительствовали развитию поэзии и щедро поощряли творчество восхвалявших их поэтов.

В течение многих лет Рудаки являлся звездой первой величины на хорасанском поэтическом небосклоне и баловнем Саманидов, получив прозвище «Соловей Хорасана». Из биографических свидетельств известно, что Рудаки был незрячим (источники снова указывают нам, что не от рождения, а ослепленным – это показало проведение анализа его останков) – о причине подобной жестокости история умалчивает.

Итак, вовсе нельзя сказать, что вся жизнь Рудаки прошла в неге и счастье. Поэт, служивший более сорока лет Саманидскому двору, в старости попал в опалу. Он был ослеплен (если не был слепым от рождения) и изгнан из двора. Причина изгнания неизвестна, можно предполагать, что немалую роль в этом сыграло его сочувственное отношение к одному из народных мятежей в Бухаре, связанному с еретическим, так называемым карматским движением, проповедовавшим имущественное равенство.

О последних днях своей жизни сам поэт поведал следующее:

Певцом Хорасана был он, и это время прошло,
Песней весь мир покорил он, и это время прошло.

Но годы весны сменились годами суровой зимы,
Дай посох! Настало время для посоха и сумы.

Рудаки умер в 941 году и был погребен в своем маленьком горном селении, откуда он взял свой псевдоним.

Через тысячу лет его могила была найдена, был построен мавзолей. Маленький горный кишлак в Таджикистане приобрел мировую славу, стал местом паломничества любителей поэзии.

Рудаки у эмира

Как указывают исторические источники, Рудаки написал очень много. Однако из его огромного наследия до нас дошло всего около тысячи бейтов[22]. И это немногое свидетельствует о гениальности поэта. В его стихах – истинная человечность, удивительным образом пробившаяся сквозь века жестоких социальных потрясений, неповторимая эмоциональная выразительность, чудесная огранка слова, прекраснейшие образы, неожиданные повороты настроения. Строки его извлечены из самых разных средневековых источников, и полностью – только две касыды «Мать вина» и «Старческая».

Широко известна легенда, описанная в книге Низами Арузи Самарканди «Собрание редкостей, или Четыре беседы», о том, как услышав стихотворение Рудаки о Бухаре в жанре достаточно распространенного «городского патриотизма», начинающееся

строками …*Аромат воды из Мулияна доносится*, исполненное в форме песни под аккомпанемент руда, эмир со свитой, находившиеся на выезде, бросив все, поспешил обратно в родной город:

О, Бухара! Возликуй и пребудь в веках!
Эмир к тебе, радуясь, держит путь.
Эмир – кипарис, а Бухара – сад.
Кипарис возвращается в свой сад.
Эмир – месяц, а Бухара – небеса.
Месяц восходит на небеса.

Стихотворения Рудаки могут служить образцом касыды, наиболее распространенном жанре при дворах персидских властителей. Основным предназначением ее было восхваление величия и деяний своих адресатов, господ, правителей…

Современная Бухара

Памятная монета Таджикистана 2008 года, посвященная Рудаки

Касыда «Мать вина» была создана в качестве сопровождения даров эмира Хорасана наместнику в благодарность за военную помощь при подавлении мятежа (вероятно, это был кубок драгоценного вина). Состоит она из вступления и главной, панегирической части. Начинается с описания процесса приготовления вина, представленного как страдания «чада виноградной лозы». Мотивы, подобные этому, восходят к сезонным праздникам – весеннему Наврузу и осеннему Михргану, в ритуалы которых входило почитание сельских божеств, непосредственно связанных с умирающей и воскресающей природой. Во вступительной части и дается картина придворного пиршества.

Главная часть – восхваление многочисленных доблестей адресата, который являет собой образец идеального правителя. Рудаки сравнивает его с историческими и легендарными личностями, включая в перечень персонажей мусульманской священной истории, греческих мудрецов и героев иранского

эпоса. Впоследствии подобным «каталогом» мотивов восхваления в полной мере пользовались преемники поэта.

Касыда «Старческая» (в некоторых переводах – «Ода на старость») строится по той же схеме – вступление и основная часть. Поэт в форме вопросов и ответов самому себе размышляет о бренности быстротекущей жизни. Человек подвержен тем же циклическим законам, что и существующий мир, жизнь быстротечна, и остаются лишь воспоминания о молодости и любви. В центральной части, вспоминая прошлое, Рудаки гордится своей ролью «государственного поэта» и влиянием при дворе (самовосхваление свойственно этому жанру…):

> О, сколько сердец я уподобил шелку при помощи стихов,
> А ведь прежде были они тверды, как камень и наковальня.

Последние бейты касыды повторяют мотивы вступления. Спустя годы касыда «Старческая» послужила поводом для многочисленных поэтических «ответов» в разных вариациях, которые писали ирано-таджикские поэты Мирвази, Унсури, Азраки, Сузани.

Памятник Рудаки в Душанбе

Помимо придворной касыды Рудаки пишет и в духе аскетической лирики, по-видимому, ему принадлежат элегии на смерть поэтов-современников Муради и Балхи, с которыми автора связывали дружеские отношения.

В любовной лирике, как и многие, он воспевал вино и любовь как единственные пути познания радостей бытия, как опору в переменчивом мире «ветра и облаков», выделяя непосредственно философскую сторону великого чувства. При этом в одном стихотворении он пробовал сочетать мотивы разных жанров, что, в принципе, не было характерно для персидской поэзии с ее четкими границами жанровых категорий.

Рудаки – автор и крупных эпических форм, называемых *месневи* (масневи). Тексты их не сохранились, известны только названия двух поэм: «Солнцеворот» и «Калила и Димна». Вообще, исследователи считают, что Рудаки создал семь или девять больших поэм.

Мавзолей Рудаки

Резюме: Рудаки все же не был придворным одописцем обычного типа, какие известны нам и в европейской, и в восточной истории литературы. Его оды практически всегда начинаются с ярких описаний природы, воспевания радостей жизни и любви, разума и знаний, благородства и жизненных невзгод, почитания человека и его труда. У него почти отсутствуют религиозные мотивы, и на многих стихах лежит печать глубокого философского раздумья:

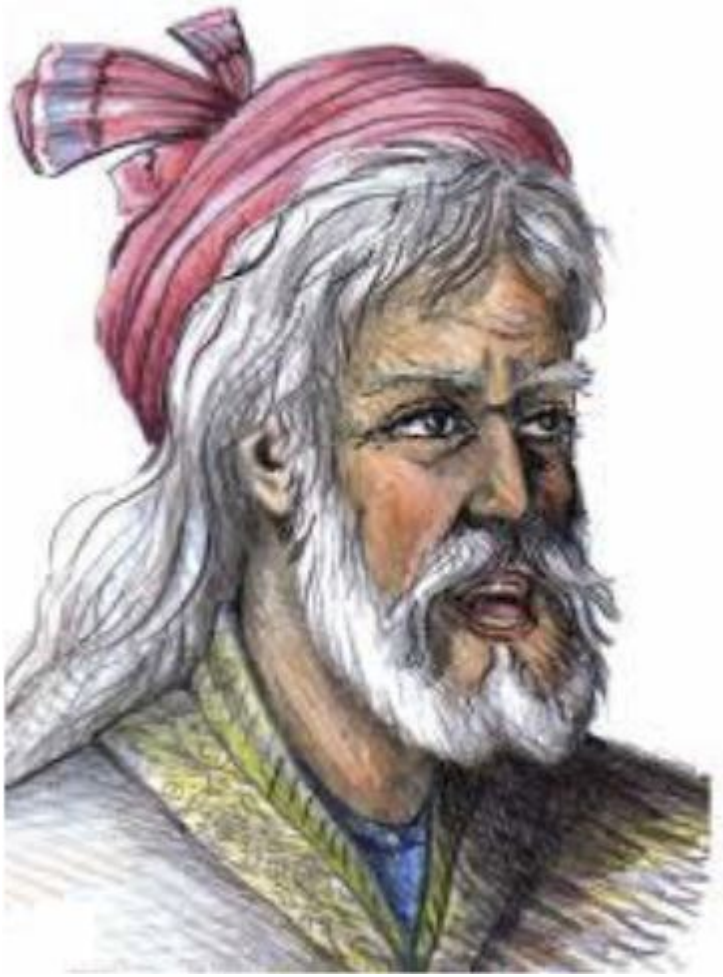
> Ты видишь: время старит все, что нам казалось новым.
> Но время также молодит деяния былые.
> Да, превратились цветники в безлюдные пустыни,
> Но и пустыни расцвели, как цветники густые.

Как говорит один из средневековых исследователей восточной поэзии, Рудаки в свое время был первым среди своих

современников в области стихотворства, и ни у арабов, ни у персов нет ему подобного; он считался не только мастером стиха, но и прекрасным исполнителем, музыкантом, певцом, и что, немаловажно, воспитателем начинающих поэтов, что еще больше поднимало его авторитет.

Своим творчеством Рудаки заложил основы всей таджикско-персидской поэзии, сформулировал, определил все основные жанры и жанровые формы, в его стихах выделились почти все поэтические размеры и системы образов. Стихи его стали образцом для последующих поколений восточных, и не только, но и современных нам европейских поэтов.

§ 3. Фирдоуси



Фирдоуси

Персидским Гомером именуют *Абулькасима Фирдоуси* (около 934-около 1021) за создание грандиознейшей эпопеи «Шах-наме» («Книга царей»), которая, впрочем, по количеству строк (в ней более 50 тысяч бейтов), в десять раз превышает гомеровские поэмы, а по содержанию она полнее и подробнее – история Ирана дается в ней с начала времен до середины VII века.

Родился он в окрестностях города Туса, в Хорасане (остатки этого города невдалеке от теперешнего Мешхеда), в семье *дихкана*, как тогда называли помещика. Поместье, видимо, было весьма невелико, с трудом кормило семью, а беспрестанные войны делали их мирную трудовую жизнь чрезвычайно тяжелой.

О детстве и юности Фирдоуси сведений почти нет. Кстати, нам неизвестно и его полное имя – псевдоним Фирдоуси образован от слова «фирдоус» – райский сад и намекает, видимо, на великолепное владение поэтическим словом. Несомненно, что он все же получил хорошее по тогдашнему времени образование, свободно владел обоими литературными языками Ирана – арабским и персидским, и, может быть, даже был знаком и с пехлеви или среднеперсидским языками.

Молодость Фирдоуси прошла в тот период истории Ирана, когда местная феодальная аристократия после арабского господства, наконец, освободилась от ига завоевателей, а в отдаленных частях халифата даже снова взяла власть в свои руки. Поэтому вполне понятно, что в этой среде развивается огромный интерес к национальным иранским преданиям и традициям. Это увлечение испытал и Фирдоуси, по-видимому с ранних лет посвящавший свои досуги изучению старых хроник и, может быть, даже их собиранию.

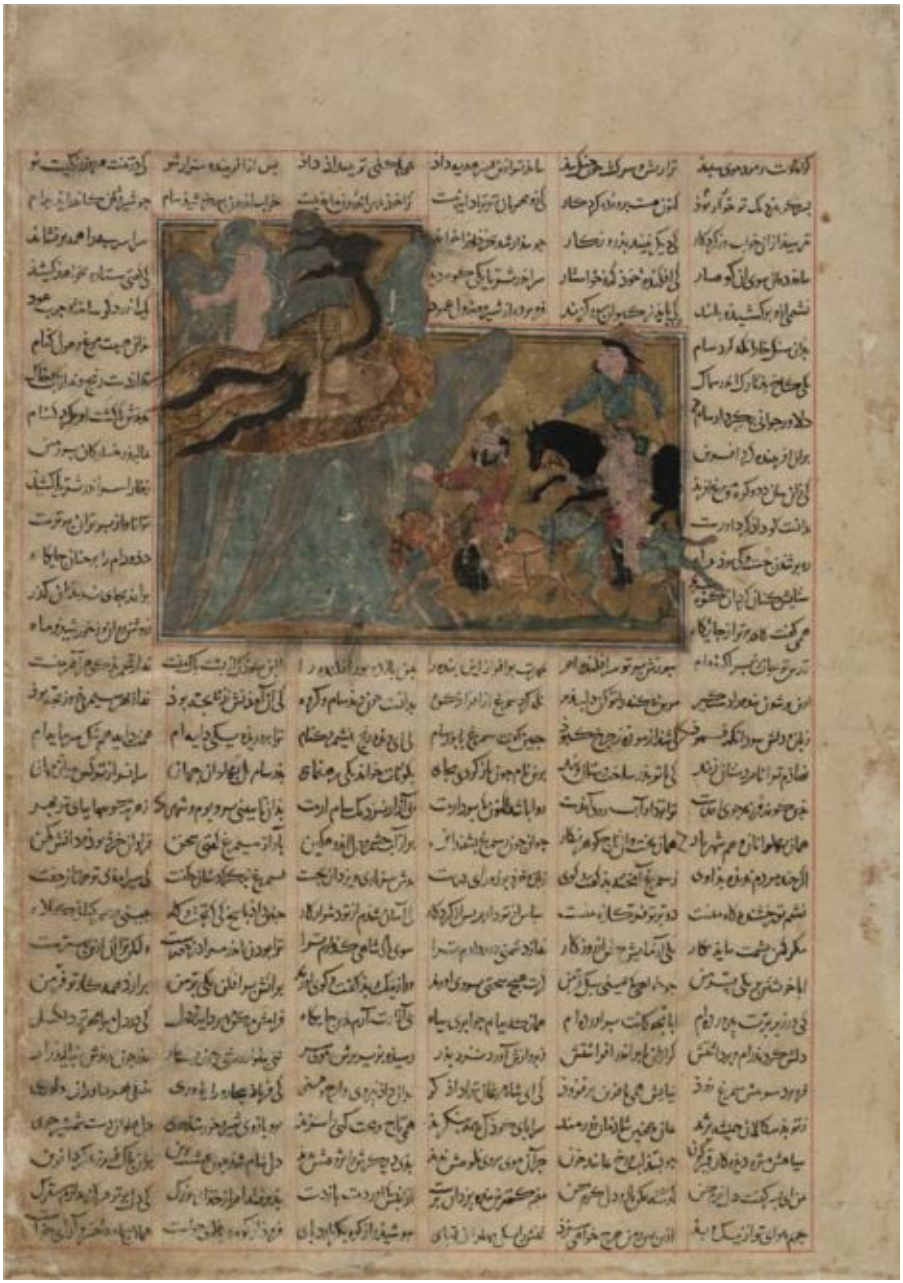
Центром литературной и культурной жизни этого периода существования Ирана была Бухара, где правила династия Саманидов, обосновывавшая свое право на власть тем, что якобы вела свое происхождение от древних, домусульманских царей Ирана. Тогда и возникла мысль дать версифицированную придворной хроники Саманидов – «Худай-наме». За выполнение этой задачи взялся молодой талантливый поэт Дакики. Однако он успел написать только около 1 000 бейтов (двустиший) своей грандиозной поэмы, когда его жизнь в 975 году трагически оборвалась. Вероятно, слух об этом дошел до Фирдоуси, и он решил завершить дело, начатое его несчастным предшественником.

Так и возникла знаменитая «Шах-наме». Восточные хроники окружили создание этой поэмы целой легендой и сообщают, что она якобы была заказана правителем Газны султаном Махмудом. Легенда эта сегодня не выдерживает критики.

Поэты в гостях у Фирдоуси

Фирдоуси, по собственному признанию, работал над поэмой около 30 или даже 35 лет. За время этой работы материальное положение его все ухудшалось, и к концу работы старый поэт, как он сообщает нам в своей поэме, стоит перед угрозой голодной смерти.

И в шестьдесят шесть лет ослабел, как пьяный,
Вместо повода оказался в руке моей посох.
Лицо мое имевшее цвет тюльпана, стало подобно луне.
Подобным камфаре стал цвет моих черных волос.
От старости согнулся прямой стан
И уменьшилась ясность нарциссов.



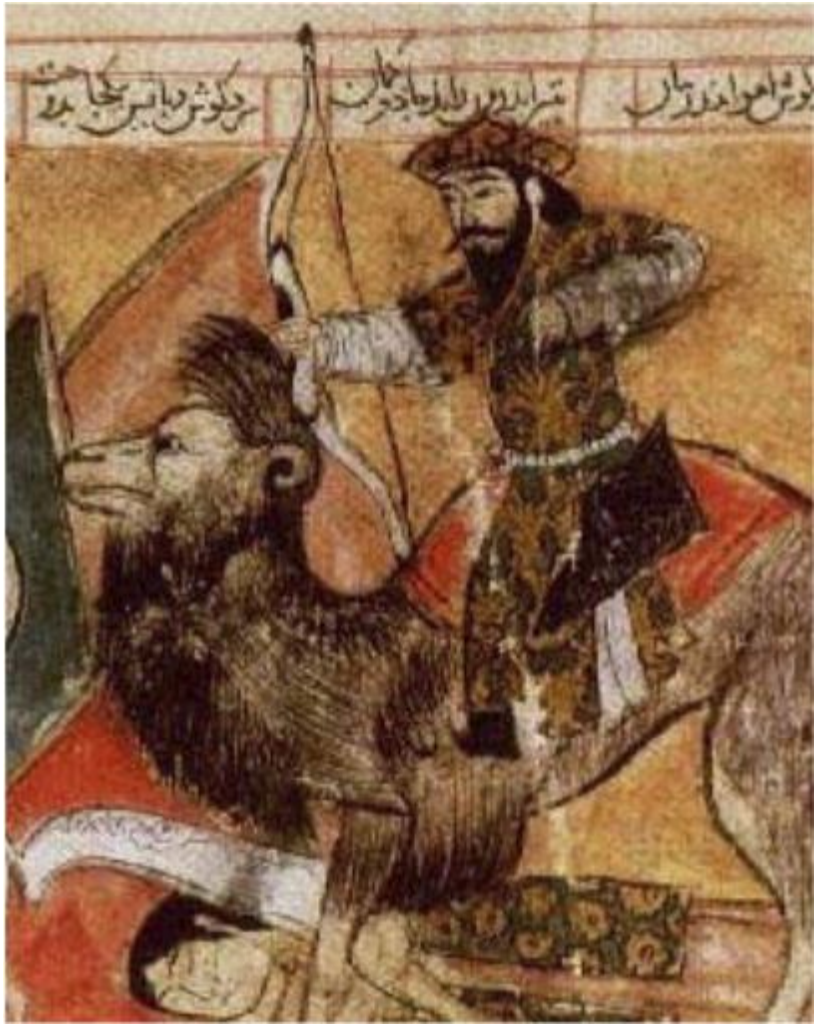
Фрагмент средневековой рукописи «Шах-наме»

И все же еще была жива надежда, что правители Бухары щедро оплатят его грандиозный труд и обеспечат его старость… Но к моменту окончания поэмы династия Саманидов пала и на смену им пришел знаменитый султан Махмуд, ведший свое происхождение от турецкого раба… Попытки Фирдоуси найти покупателя для своей поэмы среди мелкой аристократии не

увенчались успехом, и он просто вынужден был обратиться с предложением к Махмуду. Однако султан не оправдал надежд: он ничего не заплатил поэту, а, может быть, ограничился жалкой подачкой…

Есть еще предание – Махмуд отверг поэтический дар и даже приказал бросить поэта за его богохульство – описание доисламских героев и царей – под ноги слону… Представитель новой тюркской династии, пришедший на смену Саманидам, Махмуд усмотрел политическую опасность в поэме, восхвалявшей борьбу предков таджикского народа против туранцев, которые воспринимались при новом султане как предки тюрков. Кроме того, султан Махмуд, искавший поддержки у Арабского халифата и мусульманского духовенства, ополчился против воспевания старинных традиций в «Шах-наме», против ее видимой антиарабской направленности. Но важнейшей причиной резко отрицательного отношения Махмуда к великой поэме Фирдоуси явилось то, что он просто не желал одобрить народное по своей сути творение гениального поэта. Великий поэт провел остаток жизни в нищете и лишениях и умер в Тусе около 1021 года (по другим сведениям, в 1025 году). Мусульманское духовенство, считавшее Фирдоуси еретиком, запретило хоронить его на мусульманском кладбище. Тело поэта было предано земле в саду…

«Шах-наме» Фирдоуси композиционно делится на 50 неравных по объему так называемых «царствований». Внутри имеются большие сказания (дастаны), которые отличаются не только высокими литературно-поэтическими, художественными особенностями, но и своей поучительностью, морально-этическим назначением. Самыми значительными из них в эпопее являются такие дастаны как «Заль и Рудабе», «Семь подвигов Рустама», «Рустам и Сухраб», «Сиявуш», «Семь подвигов Исфандияра», «Рустам и Исфандияр», «Бижан и Маниже» и другие, каждый дастан, кстати, отличается совершенно самостоятельным сюжетом и композицией.



Бахрам Гур попал стрелой в газель. «Шах-наме» Али ибн Хусейн Бахмани Шираз, 1330

Условно принято делить «Шах-наме» на три части: мифологическую, героическую и историческую. Главным источником поэмы был цикл согдийских сказаний о богатыре Рустаме, составляющий более одной трети всей поэмы, согдийско-хорезмийские легенды о Сиявуше, бактрийская легенда об Исфандияре.

В мифологическую часть вошли в переработанном виде древние иранские мифы и космогонические представления, отчасти отраженные задолго до этого в священной книге древних иранцев-зороастрийцев «Авесте». Основой послужила также книга зороастрийских магов, на которую неоднократно ссылается Фирдоуси.

Рустам вытаскивает Бижана из колодца. «Шах-наме». Али ибн Хусейн Бахмани Шираз, 1330

В героической части «Шах-наме» произошло соединение различных текстов собственно иранских эпических сказаний с богатырским циклом. Причем этот элемент в «Шахнаме» стал преобладающим и поэтому главным героем становится не шах, а могущественный, сорокаметровый богатырь Рустам, восседающий на гороподобном скакуне Рахше. В лице Рустама и других героев поэмы автор показал самоотверженную борьбу иранцев за независимость своей родины. Включив в поэму исторические события, начиная с похода Александра Македонского и до арабского завоевания и смерти Йездигера III, поэт воспел идею борьбы народа за независимость родного края на всем протяжении его истории. Именно к концу поэмы краски становятся все мрачнее и мрачнее, и завершается повествование трагической гибелью последнего Сасанида Иездегера от руки убийцы. Рассказ об арабах дышит нескрываемой ненавистью к завоевателям, причем поэт, несмотря на свое мусульманство, даже забывает о том, что из среды этого народа вышел пророк ислама Мухаммед.

Кроме того, он украсил поэму романтическими эпизодами (подобно сказанию о любви Заля и Рудабе), пословицами и изречениями дидактического характера. В ткань поэмы вкраплены отдельные эпизоды, развивающиеся в целые романы и

связанные с основным повествованием только частичной общностью действующих лиц, как, например, знаменитый роман о Бижане и Маниже. Если в основном поэма соответствует традиционному представлению об эпосе и излагает свое повествование спокойно и бесстрастно, то в лирических эпизодах, а особенно в конце поэмы Фирдоуси оставляет спокойный тон и переходит к лирическим отступлениям или окрашивает рассказ в страстные, взволнованные тона.

В поэме явно прослеживаются традиции письменной литературы иранцев, изобилующие красочными, захватывающими и утонченными описаниями образов и явлений, а также глубокими философскими обобщениями и выводами.

Поединок между Исфандияром и Симургом «Шах-наме». Шираз, 1330

Стиль «Шах-наме» чрезвычайно лаконичен и экспрессивен, эпические сказания гармонично сочетаются с оригинальными авторскими речевыми характеристиками персонажей – Фирдоуси мастерски использует гиперболизацию, распространяя ее не только на описание внешности, но и на душевных переживанияи подвиги героев.

Язык поэмы, опираясь, главным образом, на богатый словарный фонд персидского языка (фарси), сводит на минимум использование арабизмов.

«Шах-наме» пронизана идеей борьбы Добра и Зла, проявлением которых являются справедливость и несправедливость. Иран как источник Добра находится в состоянии борьбы с Тураном – воплощением Зла.

Фирдоуси, посредством описания житий целой галереи справедливых государей, высказывает свои мысли об идеальном правителе, призывая их к добру и справедливости.

И тот, в ком светоч разума горит,
Дурных деяний в мире не свершит.

Другой основной идеей гениального творения Фирдоуси является безмерная и всепоглощающая любовь к родной стране, Ирану. В «Шах-наме» и богатыри, и шахи считают своим священным долгом защиту отчизны от посягательств иноземных захватчиков.

Вся эпопея пронизана сочувствием к людям. Поэт призывает правителей всемерно заботиться о них, об их благополучии. По мнению Фирдоуси, престол может занимать лишь представитель законной династии, который является обладателем *фарра* (божественной благодати). Однако если венценосец становится на стезю несправедливости, фарр покидает его (поэт в этом случае признает за народом право на насильственное свержение тирана).

Да, жизнь и судьба великого Гомера Персии была столь же загадочна, сколь и трудна. Отказ султана, конечно, разгневал Фирдоуси, и в ярости поэт пишет, как сообщают исследователи, блестящую сатиру на Махмуда, в которой попрекает султана его происхождением от раба. Едва ли султан когда-либо видел эту сатиру, но, тем не менее, поэт уже не может оставаться на родине и на старости лет становится бездомным скитальцем.

Исфандияр борется с демоноволком. «Шах-наме». Топкапу Сарай. Тебриз, ок. 1370

Добравшись до Багдада, 80-летний старец пишет вторую поэму, «Юсуф и Зулейха», на сюжет библейской (и коранической) легенды об Иосифе (Юсуфе) Прекрасном. В этой поэме Фирдоуси отрекается от бессмертной «Шах-наме», называя легенды о старых царях ложью… Поэма эта значительно уступает «Шах-наме», но содержит чудесные строки, посвященные тоске Иосифа на чужбине и горечи от разлуки с отцом, несомненно, эти строки навеяны личными переживаниями скитальца, к тому времени утратившего единственного сына и оставшегося без малейшей поддержки… Небольшая награда, полученная за эту поэму, дала старику возможность вернуться на родину, где он и умер в полной нищете…

Памятник Фирдоуси в Тегеране

Резюме: влияние «Шах-наме» на всю иранскую литературу было чрезвычайно велико. Почти все дальнейшее развитие эпоса в Иране так или иначе связано с этой поэмой. Попытки подражать поэме делались неоднократно, и даже еще в XIX веке, когда придворный поэт Каджара Фета-Алишаха пытался в стиле Фирдоуси воспеть борьбу Ирана с царской Россией. В Европе с творчеством Фирдоуси знакомятся уже в конце XVIII века. В 1829 году в Калькутте появилось первое критическое издание персидского текста, затем ряд полных и сокращенных переводов на английский, французский, итальянский, немецкий и русский языки. Однако до сих пор нет настоящего полного издания

текста, которое позволило бы с уверенностью отличить подлинные строки Фирдоуси от позднейших интерпретаций. Безусловна, поэма «Шах-наме», кроме величайших поэтических достоинств, с ее национальным патриотизмом, выраженным с необыкновенной яркостью, не могла не стать образцом поэтического отношения к проблемам независимости, духовного и культурного богатства и национальной целостности любого государства мира.

§ 4. Низами

Низами

О происхождении *Низами (нанизывающий строки)*, чье полное имя *Абу Мухаммад Ильяс ибн Юсуф Ганджеви* (около 1141 – около1209), могут рассказать лишь имена его отца и деда – семья была либо ученого, либо духовного сословия. Мать, поскольку поэт в своих стихах называет курдской госпожой, была, видимо, из знатного курдского рода. Однако другие источники утверждают, что родился он в Гандже, в семье ремесленника, получил образование в медресе (школа при мечети) в Гандже, по собственной инициативе основательно овладел основами известных тогда наук, особенно преуспев в изучении поэтического творчества народов Востока. Город Ганджа (Гянджа), стоявший на Великом шелковом пути, по свидетельству арабского путешественника Ибн Азрака, посетившего его почти за сто лет до

рождения поэта, «является великой столицей тюрков», имея в виду государство Арран, где «тюрки, – как отмечал другой знаменитый историк – Насави, – неисчислимы, словно муравьи».

Итак, ученье… Низами знал, помимо родного азербайджанского, конечно же, язык науки и религии – арабский, язык поэзии – персидский, изучал алгебру и геометрию, астрономию, медицину, логику, историю. «За короткую жизнь прошел все науки – от кольца Сатурна до центра земли и стал кладезем знаний всех предметов»:

…все книги предков изучал я сам,
изощрялся, окрылялся быстрый мой калам…

Искендер разрушает капище огня

Глубокое чтение и изучение произведений Низами показывает, что он был хорошо знаком с древнегреческой и древнеиндийской философией. Особенно сильное влияние на него явно оказали Аристотель и Платон. В «Искендер-наме» Александр (Искендер) обсуждает проблемы мироздания в кругу античных мудрецов: Аристотеля, ученого энциклопедиста, известного на Востоке под именем Арастун, Фалеса (Валис), Платона (Афлатун), Аполлония Тианского (Булунус Румийский),

Сократа, Порфирия Тирского (Форфориус), Гермеса Трисмегиста (Хормус) – предполагаемого основоположника алхимии, магии и других «волшебных наук».

На этот великий научный симпозиум по вопросу происхождения Вселенной Низами собирает мыслителей разных времен, мыслителей, чьи идеи, собственно, и наблюдаются в творчестве великого поэта. Академик Н. И. Конрад написал об этом: «…эти перечни имен представляются изумительным историческим документом… Огромная емкость ума, удивительная многоцветность мысли, поразительное богатство духа! Прибавим к этим именам еще и индийских гимнософистов. О них ведь тоже идет речь. И перед нами во всем своем сияющем блеске Ренессанс».

Астрономия, астрология и вопросы происхождения Вселенной, действительно, занимают чрезвычайно большое место в творчестве Низами. Пользуясь игрой слов, иносказанием, аллегорией, образными выражениями, он постоянно показывает нам звездное небо, рассказывает об астрономических инструментах, вводит в строки астрономическую терминологию.

Миниатюра – иллюстрация к «Семи красавицам»

При жизнеописании героев Низами составляет их гороскопы, демонстрируя вполне профессиональные знания в астрологии. Вполне вероятно, что он был прекрасно знаком с книгами Птолемея и «Началами» Евклида. Он не только описывал, как мы уже упомянули, но и мог умело пользоваться астрономическими инструментами того времени, которые упоминаются в его поэме «Семь красавец»: сфера, астролябия, гномон, солнечные часы, водяные часы, стенной квадрант меридианного круга. Астролябия – прибором для определения координат небесных тел, чаще всего упоминается в его поэмах, из которых видно, что Низами придерживается, в основном, геоцентрической системы Птолемея, в которой центральное место отводится Земле, окруженной семью небесными сферами, в каждой из которых движется одна из семи планет, каждой из которых соответствует какой-то день недели и определенный цвет. Путь Луны на небосводе арабами разделялись на 28 частей, называемых стоянками луны. В каждой стоянке, имеющей свое название, Луна за день на небосводе проходит группу звезд. Движение планет и их взаимное расположение определяло календарь древних, по ним можно было предсказать судьбу человека и ход исторических событий. Чтобы понять смысл иносказательных стихов Низами, современный читатель должен был знаком хотя бы с азами астрономии и астрологии и терминологией, принятой на Востоке. В нижеприведенном фрагменте, взятом из уникального по своему содержанию отрывка из поэмы «Лейли и Меджнун», описывающем звездное небо, приводятся названия зодиакальных созвездий, планет и стоянок луны:

Служенье звезд в пример себе возьми
И будешь тем прославлен, Низами!
Безмерный сотрясался небосвод,
Созвездиям своим теряя счет.
Луной залюбовавшийся Хамал
Чело небес улыбкой озарял.
Телец небес, тельцу Морскому брат,
Украсил шею жемчугом Плеяд.
И Близнецы, с их поясом двойным,
На трон воссели, как пристало им.
В рубахе Хука вышитой льняной
Шепталась с Хуной, как с сестрой родной.
И хищные клешни расставив, Рак
Всю ночь у Зиры мучился в когтях.
И Нурса жемчуг сыпала, щедра,

И Туфра не желала серебра.
И Джабхи светоносное чело
Перед собою сто свечей зажгло.
И Сердце Льва в свечении своем
Горело рутой, схваченной огнем.
Сунбуле деволикой не дано
Без Суфры тратить хоть одно зерно.
Склонясь над Чашей страждущих Сирот,
Три хлебца Гафр – посильный дар кладет.
Созвездия Весов, блеснув умом,
Ведут беседу с мудрым Языком.
Границу охранявший Волопас,
Пса натравив на Льва, Самака спас.

А вот так Низами описывает составленный им гороскоп на новорожденного героя. Понять его без специальных комментариев невозможно, и таких стихов у Низами очень много:

И, держа пред собой чертежи и приборы,
На движенья светил старцы подняли взоры.
В высшей точке горело созвездие Льва
На предельный свой блеск обретая права.
Многозвездный Овен, вечно мчащийся к знанью,
Запылав, устремился от знанья к деянью.
Близнецы и Меркурий сошлись, и, ясна
Близ Тельца и Венеры катилась Луна.
Плыл Юпитер к Стрельцу. Высь была не безбурна.
Колебало Весы приближенье Сатурна.
Но воинственный Марс шел и шел на подъем
И вступил в свой шестой, полный славою, дом.
Что ж мы скажем на то, что явили созвездья?
Небу – «Слава!». Завистникам – «Ждите возмездия».

По гороскопу самого Низами, приводимому им в поэме «Хосров и Ширин», исследователям удалось определить год и даже месяц рождения поэта – август:

Мой знаешь гороскоп?
В нем – лев, но я сын перси,
И если я и лев, я только лев из шерсти.
И мне ли на врага, его губя, идти?
Я лев, который смог лишь на себя идти!

Свою первую большую поэму «Сокровищница тайн» Низами пишет, когда ему было немногим больше тридцати лет, то есть, возможно, в середине семидесятых годов XII столетия. К этому времени в узком кругу поэтов его уже знают как талантливого поэта, автора великолепных лирических стихов. Свою поэму Низами посвящает правителю Эрзинджана в Малой Азии Фахраддину Бехрам-шаху ибн-Дауду (1166-1225).

Лейли и Меджнун

Он даже сам хотел отвезти поэму Бехрам-шаху, но не смог

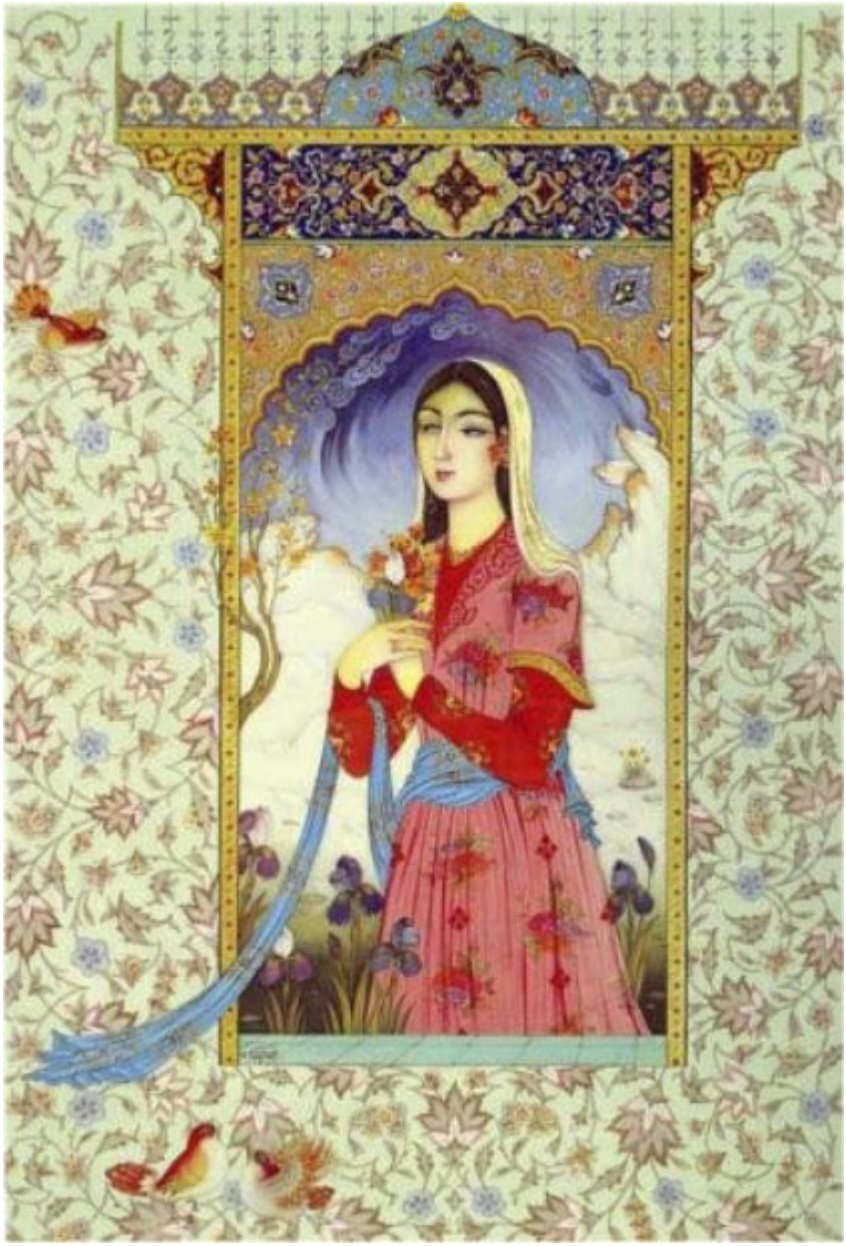
сделать этого из-за военных действий, ведущихся в этом районе. Историки сообщают, что, получив поэму, Бехрам-шах сказал: «Если бы было возможно, то целые казнохранилища и сокровищницы послал бы я в награду и дар за эту книгу, которая сложена в стихах, подобных жемчугам, ибо имя мое благодаря ей сохранится в мире вечно».

«Хосров и Ширин»

Но «Сокровищница тайн» занимает особое место в творчестве

поэта. Если последующие четыре из вошедших в великую «Хамсе» («Пятерица») поэм близки к современным романам (роман-поэма), то это произведение представляет собой сборник коротких нравоучительных рассказов или новелл, посвященных, в основном, вопросам морали и правилам поведения человека. По содержанию же эта книга выделяется глубиной философской мысли и большим, чем в других поэмах, религиозным и суфийско-мистическим уклоном. «Сокровищница тайн» принесла Низами необыкновенную славу и вызвала целый поток подражаний почти во всех странах Востока. Известность! В те времена известных ученых и поэтов властители либо приглашали во дворец, либо брали под свое покровительство. Иногда они назначали жалованье, делали дорогие подарки, дарили землю. Кто покровительствовал в те годы Низами, мы не знаем, но результат одного из таких актов покровительства вошел в историю литературы, так как оставил в его жизни глубокий след, а сам поэт неоднократно об этом вспоминает. Правитель Дербента – Музаффар ад-Дин, в знак восхищения талантом Низами, присылает ему в дар знатную тюрчанку из кипчаков – Афак, невольницу с неукротимым нравом. Низами пишет о ней:

Величавая обликом, прекрасная, разумная,
Прислал мне ее владетель Дербента.
Ее шелка – кольчуга и даже железные кольчуги,
У ее кафтана рукава уже, чем у рубашки.
Вельмож она наказывала,
Мне же в супружестве постелила изголовье.



Может быть, это Афак?

Приблизительно в 1173/74 году Афак становится женой Низами – и не только женой – она станет для него идеалом женщины, которую он будет воспевать в своих произведениях всю жизнь. Многие исследователи творчества Низами считают, что именно любовь к Афак внесла в него новую струю. У них рождается сын – Мухаммед, и Низами счастлив, как никогда. Счастье, однако, длится недолго. В 1180 году Афак умирает.

Вскоре после этого, султан Тогрул II (1177-1194) заказывает Низами поэму о любви, обещая за это хорошую награду. Поэт, живущий после смерти жены отшельником, принимает заказ, прекрасно понимая, выражаясь современным языком, что любовь и эротика всегда будут пользоваться успехом у читателей:

«Сокровищницу тайн» создать я был во власти.
К чему ж мне вновь страдать, изображая страсти?
Но нет ведь никого из смертных в наших днях,
Кто б страсти не питал к страницам о страстях.
И страсть я замесил со сладостной приправой
Для всех отравленных любовною отравой.
С какою ясностью я всем являю страсть!
К ней пристрастившимся – к моим стихам припасть!

А, кроме того, теперь у него появляется возможность увековечить память любимой Афак на века, и Низами принимает заказ… Поэт останавливается на широко распространенном на Востоке сказании о Хосрове и Ширин. Начинает он свою поэму с посвящения, обращенного к Тогрулу II.

Буквально за год Низами заканчивает поэму, но не может доставить ее заказчику, который находится в военном походе. В книге появляются еще несколько посвящений, связанных, вероятно, с желанием Низами пристроить рукопись в надежные руки. Только богатым правителям было под силу оплачивать труд переписчиков и дорогую бумагу. Только они могут довести до читателей и сохранить для потомства труд поэта.

«Хосров и Ширин» – поэма о трагической любви сасанидского царевича, впоследствии ставшего шахом Хосровом II к албанской царевне Ширин. Низами мастерски описывает мысли и поступки героев, стремясь объяснить их с точки зрения мысли, психологии самих персонажей. Для более убедительного раскрытия характеров Низами вводит третьего героя – строителя и архитектора, условно названного каменотесом – Фархада, благородного, чистого юношу, готового ради любви к Ширин на любой подвиг и жертву. Академик Бертельс напишет о поэме «Хосров и Ширин», что это «один из величайших шедевров не только азербайджанской, но и мировой литературы. Первый раз в литературах Ближнего Востока личность человека была показана во всем ее богатстве, со всеми ее противоречиями, взлетами и падениями».

Поэту пообещали золотые горы, но как он напишет:

Смотри, как задержалось выполнение обещания,

Как мое вьючное животное пало,
А вьюк застрял на пути,
Как обещавший унес свои пожитки,
Как оставил несжатым засеянное поле.

После Низами десятки талантливейших поэтов Востока брались за эту же тему. Амир Хосров Дехлеви и Алишер Навои! После появления поэмы, материал для которой Низами, возможно, черпал из азербайджанского фольклора, тема эта стала в народе еще более популярной, и до наших дней сохранилась уже сама как народное сказание.

Вскоре после смерти Афак Низами женится во второй раз, но снова злой рок – вторая жена умирает в 1188 году. А Низами получает заказ на новую поэму от ширваншаха Ахсатана I. Ширваншах просит написать поэму по мотивам известной арабской легенды о несчастных влюбленных Лейли и Меджнуне. Низами хотел отказаться – он считал сюжет избитым и сухим, как «пески аравийской пустыни». Принять заказ его уговаривает сын – Мухаммед. После знакомства с преданиями о Лейли и Меджнуне, тема увлекает Низами, и уже к концу года поэма, известная нам как «Лейли и Меджнун» была готова.

Три месяца понадобилось Низами, чтобы создать поэму, равную и по теме и по достоинствам шекспировской «Ромео и Джульетте»… Безумная любовь, вспыхнувшая между учениками частной школы Кейсом и Лейли, которая продолжалась и разгоралась долгие годы, вопреки всем препятствиям, чинимым родителями сначала детям, а затем юноше и девушке – вот содержание поэмы. За неодолимую страсть Кейс получает прозвище Меджнун – «безумец». Любовь убивает Лейли, Меджнун спешит на могилу и уходит из жизни вслед за возлюбленной… Друзья Меджнуна – звери стерегут его тело… Есть легенда, что И.В.Сталин в свое время высказал мнение, что Низами вынудили написать поэму не на азербайджанском, а на фарсидском языке:

Хотим, чтоб в честь Меджнуновой любви
Гранил, как жемчуг, ты слова свои.
Арабской ли, персидской ли фатой
Украсишь прелесть новобрачной той.
Мы знаем толк в речениях людских,
Мы замечаем каждый новый стих.
Но к тюркским нравам непричастен двор,
Нам тюркский неприличен разговор.
Раз мы знатны и саном высоки,
То и в речах высоких знатоки! Прочел я.

– Кровь мне бросилась в лицо,
– Так, значит, в ухе рабское кольцо!

Низами и его герои

Четвертая поэма – «Семь красавиц» (1196 или 1197) была заказана Низами сельджукским султаном Сулейманом – автор посвящает ему специальную главу, представляющую собой и хвалу, и наставление путем сравнения с мудрым царем Соломоном (в арабской транскрипции Сулейманом). Рассказывая историю жизни правителя Бахрама V, поэт снова обращается к проблеме власти, осуждая в притчах, сопутствующих сюжету, время, когда «*…каждый свой надел, отколовшись, в государство превратить хотел*». Низами выступает против несправедливости, воспевая благородство правителя. В поэме обыгрывается священная цифра семь – это рассказы семи дней недели семи жен легендарного древнеиранского шаха Бахрама, взятых им из семи поясов земли и живущих в семи дворцах, каждый из которых посвящен одной из известных в то время семи планет. Купол каждого дворца имеет свой цвет, совпадающий со светом его планеты, и с цветом народа, к которому принадлежит жена («красавица» может быть переведена как «планета», «звезда»). Жены Бахрама – царевны – индийская из черно-купольного дворца (цвет Сатурна, олицетворяет субботу), туркестанская – из дворца желтого (цвет Солнца, «воскресенье»), хорезмская – из зеленого дворца (цвет Луны, «понедельник»), славянская – из дворца красного (цвет Марса, «вторник»), магрибская – из северо-

западной части мусульманской Африки обитает в голубом (бирюзовом) дворце (цвет Меркурия, «среда»), румийская (византийская) – из дворцацвета сандала (Юпитер, «четверг») и иранская – из белого (Венера, «пятница»). Каждая рассказывает шаху (кстати, он является к ним в одеянии цвета дворца) новую притчу с занимательным сюжетом и глубоко скрытой моралью. Например, о том, что лишь человек высоконравственный достоин истинной любви, о силе правды (притча о Сулеймане и его жене Билкис, об их признании друг другу – она не может побороть своих желаний при виде юноши-красавца, а он, как только кто является к нему, сначала смотрит на его руки, чтоб узнать, что тот принес ему в дар). Мы читаем притчи о раскаянии и возмездии за злодеяния… Нравоучительный характер носят рассказы семи узников тюремной темницы – их рассказ побуждает царя отказаться от бездумных утех и ублажения плоти и заняться делами государства.

Идея нового, построенного на справедливых гармонических законах государства поднимается Низами в его последней поэме, оконченной, видимо, в 1206 году,– огромном эпическом сказании «Искандер-наме» («Книга об Искандере» – об Александре Македонском). Поэма получилась масштабной по замыслу и объемной по содержанию: в ней двадцать тысяч строк, составляющих две книги: «Шараф-наме» («Книга о славе») и «Икбал-наме» («Книга судьбы»). В центре этого творения – образ Александра Македонского, но не столько реального, сколько мифологического, именного такого, с которым и связывались представления об идеальном правителе – мудром и справедливом, кого под именем Зуль-Карнейна или «двурогого» Коран причисляет к сонму пророков. Эту свою трактовку Низами предваряет пояснением:

> Не упрекайте меня в изменении-передвижении событий
> Ибо художнику поневоле приходится это делать.

Искандер-воин, совершает походы, покоряет страны и народы (впрочем, добровольно покоряющиеся великому воину), одержим не только идеей мирового господства – он пытается постичь тайны мироздания, смысл человеческого существования. И однажды он попадает в страну, в «город прекрасного края», где царит всеобщее благоденствие, нет ни хозяев, ни слуг, ни рабов, ни господ, люди умирают не от болезней и казней, а только от старости…

> И промолвил себе сей венец мирозданья:

«Эти тайны приму, как слова назиданья!
Полно рыскать в миру. Мудрецам не с руки
Лишь ловитвой гореть, всюду ставить силки.
Не довольно ль добыч? От соблазнов свободу
Получил я, внимая благому народу…
Если правы они, ложь свою ты пойми!
Если люди они, нам ли зваться людьми?

Последние строки поэмы говорят о смерти поэта и написаны другими:

…шестьдесят было лет и три года ему,
И шесть месяцев сверх, – и ушел он во тьму.
Низами!
Кончен сказ твой, столь сладкий для нас.
Приступай к отправленью! Назначен твой час…

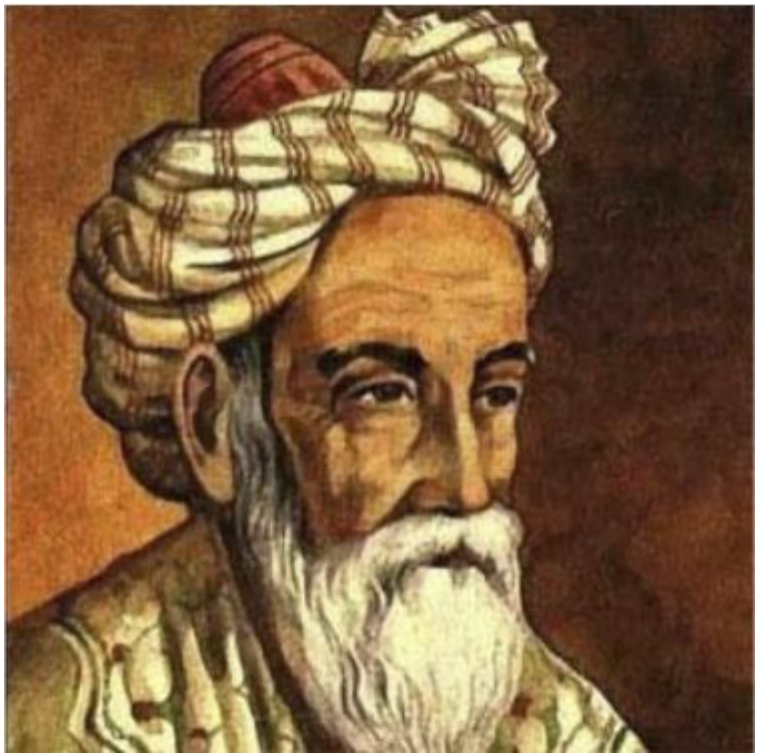
Мавзолей Низами при въезде в Гянджу

Резюме: гениальная «Хамсе» – пять поэм Низами на многие века определили генеральное развитие поэзии народов практически всего Востока. Каждый выдающийся поэт считал своим долгом написать подражания (их еще называли «подобия» или «ответы») на сюжеты пяти поэм Низами, сохраняя даже форму рифмовки. По данным исследователей, только по мотивам «Лейли и Меджнун» написано более ста подражаний на фарси и

тюркских языках. Среди известных мировой литературе имен, назовем индийского поэта Амира Хосрова Дехлеви (1253-1325), таджикского (персидского) поэта Джами (1414-1492), узбекского поэта Алишера Навои (1444-1501). Следы влияния Низами ощущаются в творчестве Ариосто, Гете и других. В ходе многовекового культурно-исторического развития человечество выделяет из своей среды людей, открывших необъятные духовные горизонты. В ряду подобных гигантов человеческого духа почетное место занимает и Низами, один из старейших представителей восточной поэтической классики. Его вклад в сокровищницу мировой культуры можно сравнить с бесценным наследием Фирдоуси, Данте, Шекспира, Байрона, Пушкина.

§ 5. Омар Хайям

Кто еще их персидских поэтов может сравниться славой с *Омаром Хаямом (1048 – после 1123 или 1132)?* Вслушайтесь в это звонкое имя – *Гийяс ад-Дин Абу-льФатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури!*



Мы привыкли считать это портретом Омара Хайяма

Мир узнал стихи великого поэта только спустя семьсот лет после их создания. Английский поэт и переводчик Эдвард Фицджеральд (1809–1883), любитель персидской классической поэзии, познакомившись с подлинниками произведений Джами и Хафиза, Низами и Хайяма, переводит их на английский и в 1857 году издает тоненькую книжечку под названием «Рубайят Омара Хайяма». Почти два года никто не обращал на нее внимания, и вдруг… Мгновенный взлет, оглушительный успех, блестящие отзывы критиков, три новых издания при жизни Фицджеральда, почти 130 изданий к 1930 году. Необыкновенная популярность во всей Европе и США (и, что поразительно, особенно в промежуток между двумя мировыми войнами). Николай II читал рубаи на

немецком языке (книга с пометками императора находится в Екатерининском дворце в Павловске). Итак, почти никому не известный английский поэт и почти никому не известный персидский поэт…

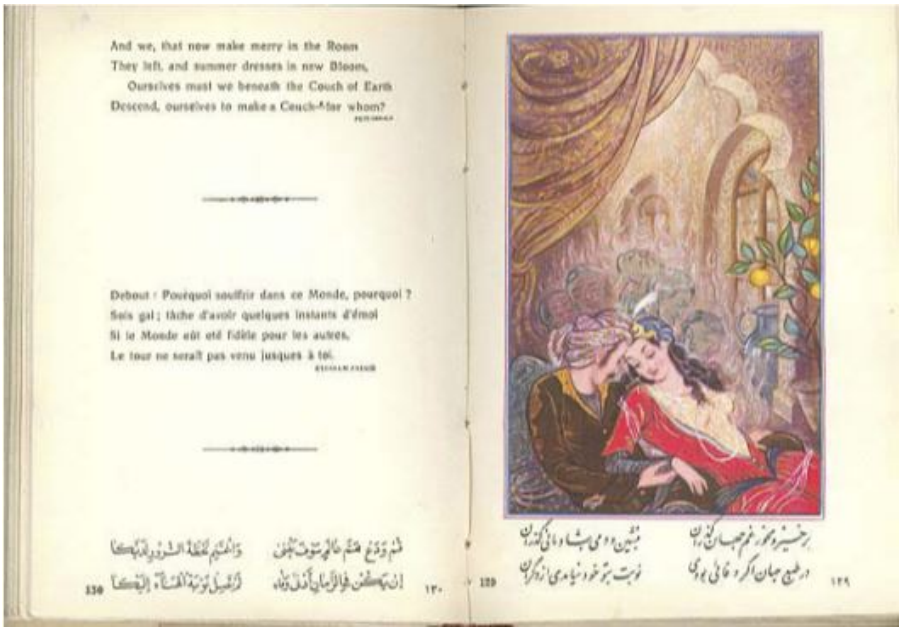
И теперь это неотъемлемая часть мировой культуры.

Я, как вода, в сей мир притек, не зная,
Ни для чего, ни из какого края;
И из него, как ветер через степь,
Теперь несусь – куда, не понимая.

«Теперь несусь – куда…» В вечность!

Всё, что видим мы, – видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей – не видна.

Не видна, не видна… А что на поверхности? Дата? И то не точна. 1048 или… Вопросы, вопросы, вопросы… И чем больше вчитываешься в строки его четверостиший, носящих таинственное и манящее название «рубаи», тем больше убеждаешься в том, что не все загадки мировой литературы разгаданы, а, впрочем, стоит ли идти до конца? Не исчезнет ли та прелесть чеканных строк и цветистых сравнений, не исчезнет ли этот душный аромат восточных благовоний и утренних роз, запах старого вина и солнечный луч на персидском ковре, расстеленном в саду под сенью пышных дерев?



Двуязычное издание Хайяма. Тегеран, 1955 год

Омар Хайям. А имя-то какое чеканое! Перевод известен – «палаточник». Семья? Да ремесленники, кто же еще! Шатры и палатки для купцов и торговцев… Средств достаточно, чтобы дать способному мальчику образование. Палаточник! «Мастер, шьющий палатки из шелка ума…». Палаточник! «Мудрец», «Царь философов Запада и Востока».

«Доказательство истины» – неслучайно уже при жизни он был удостоен этих титулов от своих земляков… Но звучат ли здесь слова о его Поэзии? Не за ученые ли занятия все эти звания? Конечно, астрология и математика, астрономия и физика – вот они, подлинные занятия великого! Да еще и философия, правоведение, история и теософия, мудреная наука «корановедение» (это мы так называли бы ее сейчас)… Юноша, закончивший одно из лучших на Востоке медресе в Нишапуре, учившийся в Балхе и Самарканде, овладевший всем комплексом наук, входящих в круг средневековой восточной образованности, безусловно, не мог оставаться безвестным поэтом, но ему, в совершенстве овладевшему арабским и родным персидским, знающему так много (и так мало, как казалось самому), было просто невозможно остаться в стороне от соревнований поэтов и музыкантов, от чтения и сочинения стихов, да, в конце концов, от посвящения любимым нескольких волшебных и страстных посланий!

День без любви потерян… О.Хайям

Он держит эти строки в памяти, чтобы потом старый калам начертал их на коже… Он держит их в памяти так же, как загадочные знаки и буквы «Альмагеста» Птолемея, чей арабский перевод по прочтении семи раз запомнил наизусть. Поистине, феноменальная натура – в промежутке между игрой в шахматы и романтическим свиданием набросать трактат по математике, предвосхитив на много сотен лет самого Ньютона с его биномом (Хайям, вероятно, открыл эту формулу, действительно, первым). Двор наследного принца в Бухаре по заслугам оценил молодого математика, а служба эта стала еще и дорогой к самому Малик-шаху в Исфаган – столицу персидского государства Сельджукидов. Двадцать лет плодотворнейшего труда в одной из крупнейших средневековых обсерваторий… И блестящий итог – точнейший календарь, в основу которого был положен тридцатилетний период, включавший восемь високосных годов, идущих через четыре года семь раз и один раз через пять лет…

О, не растите деревья печали… О.Хайям

Да, говорят, этот календарь, названный «Календарем Малик-шаха», превосходит и нынешний, но утрачен, безвозвратно утрачен, как и бесценные «Астрономические таблицы». Не сохранился и тот математический трактат с великой формулой и между делом открытым методом извлечения корней из целых чисел… Все поглотило время, оставив нам только строки «Рубайата», вызывающие огромное количество споров, переводимые бессчетное количество раз, толкуемые многими и по-разному…

Он был «на ты» со звездами. Что это значило в прошлом? Астрономия и астрология – сестры или соперницы? А кто же ты, Омар Хайям? Ведь это о тебе вспоминает Низами Арузи Самарканди, повествуя о том, как заподозривший своих астрологов в намеренном искажении смысла звездных предсказаний, шах был готов снести им головы, да смягчился, когда те, бедняги, в качестве последнего довода предложили послать гонца с их гороскопами к Хайяму в Хорасан, дескать, тот так известен, что уж проверит все без ошибок… А славная история о султане Мерва, получившем от Хайяма благоприятный гороскоп для выезда на охоту и вдруг попавшем под снегопад? Наш доблестный астролог, стоявший в кругу осмеивающих его придворных, уговаривающих султана отменить охоту, благословил правителя в путь, обещая, что тучи рассеются, и – о Аллах! – небо очистилось, и пять дней светило солнце великому султану, суля чудесное времяпрепровождение.

Но убит фанатиком покровитель Омара в Исфагане мудрейший визирь Низам ал-Мульк, умирает Малик-шах, наследникам не до науки, обсерватория приходит в запустение. «Мы были свидетелями гибели людей науки… Мне сильно мешали невзгоды общественной жизни…» – это голос самого великого Мастера…

Вдова Малик-шаха и юный царевич, за судьбу которого во время его болезни (оспа гуляла по Востоку…) опасался Хайям (недолгое время еще пребывая в качестве астролога и придворного медика), не могли простить близости его к визирю, затаили жуткую азиатскую злобу… Отъезд Омара в родной Нишапур (где и оставался он до конца своих земных дней) совпал (случайно ли это?) с потерей Исфаганом своего значения как культурного и научного центра…

Изгнание? Наверное… Останется лишь несколько поездок в Балх и Бухару, паломничество в Мекку – и все…

Медресе, где он преподает, позволяет общаться с небольшим кругом учеников, редкие диспуты и встречи с приезжими мудрецами, еще более редкие составления гороскопов для узкого круга бывших знакомых и родственников. Осторожен Хайям с сильными мира сего. Не эти ли строки:

Отчего всемогущий Творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны – зачем умираем?
Если несовершенны – то кто бракодел?

тянут за собой славу крамольника и вольнодумца? С философией Хайяма сложно – больших трактатов не создал, эклектик, но с блестящими догадками и гипотезами, последователь суфиев и Авиценны, материалист или «натуралист», как стали называть его позже (что, впрочем, ближе по значению к слову «атеист»). Да судили-то о его философских взглядах, скорее всего, по тем самым блестящим четверостишиям, которые сочинял он всю жизнь, адресуя себе да самым близким своим и возлюбленным. Но какое счастье, что эти, вероятно тайные, опыты дошли до нашего времени, стали достоянием гласности, как принято выражаться нынче.

И еще одна иллюстрация…

Пришли к нам, к ним, уже тогда… Почему? Не в самой ли форме персидского четверостишия кроется причина их проникновения в массы? Рубаи… Один из востоковедов очень метко назвал их «одной из наиболее летучих форм персидской поэзии»! Летучая форма! Вот здорово! Это ж просто наша с вами родная частушка по форме, а по содержанию? Логически точные, афористические строки язвительного, замкнутого и самоуглубленного «имама Хайяма» вылились в простонародную форму, совершенно не вхожую в аристократическую среду. Его строк боялись: Малик-шах – покровитель! А теперь? Насмешки и злоба, предательство и недоверие нишапурцев, тьма анекдотов, где осуждают Мастера и хвалят его остроумие и находчивость, поносят и восхищаются, учатся у него и плюют ему вслед…

Тот, кто следует разуму, – доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

«Он был равен Абу Али ибн Сине (Авиценне) в науках философских, но был дурного нрава…» – так говорит о нем в своей «истории мудрецов» Мухаммад Шахразури.

Самое раннее изображение Омара Хайяма (из арабской рукописи нач. XVI в.)

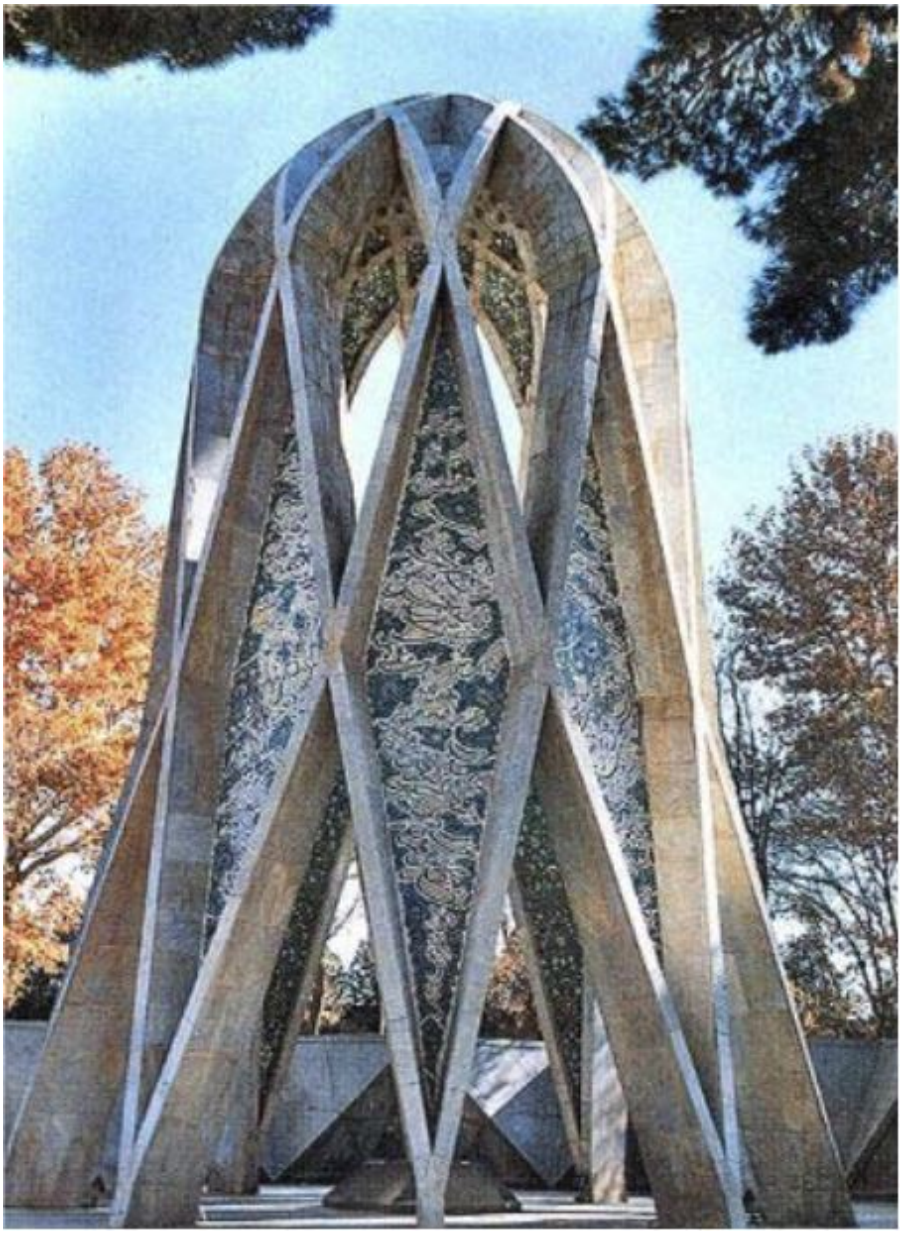
Да-да, дурного, и с учениками не всегда приветлив и ласков… А вот что о нем сказал историк Джамал альДин аль-Кифти (1172–1231): «Омар аль-Хайям – имам Хорасана, ученейший своего времени, который преподает науку греков и побуждает к познанию Единого (Бога) посредством очищения плотских побуждений ради чистоты души человека и велит обязательно придерживаться идеальных между людьми отношений согласно греческим правилам… Между тем сокровенный смысл его стихов – жалящие змеи для шариата… О, если бы дарована была ему способность избегать неповиновения Господу! Есть у него разлетающиеся с быстротой птиц стихи, которые обнаруживают его тайные помыслы, несмотря на все их иносказания…»

А знаменитая легенда о том, как налетевший порыв ветра, последовавший после прочтения самого дерзкого рубаи, опрокинул кувшин с вином, лишив собеседников Хайяма драгоценной влаги, и Мастер, продолжая дерзить, обвинил Господа в пьянстве? Не выдержал Всевышний, заставив почернеть лицо грешника и вызвав новое четверостишие, стыдящее Бога:

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну, а кто не грешил – разве жил? Отвечай!
Чем Ты лучше меня, если мне в наказанье
Ты ответное зло совершил? Отвечай!

Возможно, здесь изображен Омар Хайям и его ученики

И все же годы берут свое. Мистический язык поэта, включающий десятки символов, мотивов и образов, которые бродят из строчки в строчку, так и не открывается нам до конца, как и не открывался исследователям уже много столетий назад.



Гробница Хайяма в Нишапуре

Да, свой путь к познанию Бога, мистический путь, – этот путь мудреца, философа, престарелого поэта-жизнелюба, был непрост. Последние часы жизни проводит он в чтении великого ибн Сины. «Книга об исцелении» – вот его друг, сопровождающий в последний путь. Глава «Единственное и множественное» – труднейший философский спор с самим собой и Богом, которого он пытался познать до конца…

И еще одна мифическая дата – 1123 год… Но есть десятки рассказов, называющие и другие сроки жизни и смерти Хайяма, есть место на кладбище Хайре, среди грушевых и абрикосовых деревьев, где, возможно, в 1132 году Бог Святой уготовил место великому поэту и ученому, где стоит прекрасный мавзолей, и жители Нишапура низко кланяются тому, кто так любил жизнь и оставил о себе память сотнями строк, любимых и нами, живущими в веке XXI.

Резюме: так что же такое эти рубаи Омара Хайяма, чье звонкое и манящее наименование доносится до нас из глубин древней персидской истории? Да-да, персидской, а не арабской, откуда пришли в мир газели и касады. И до сих пор, говорят, в городском фольклоре Ирана, Афганистана, Таджикистана этот, чаще всего любовный куплет широко распространен, как наши частушки. Они пелись и декламировались юношами и девушками, легко запоминались, имея уникальную по простоте и лёгкости запоминания рифму (аааа или ааbа), становились популярными не только благодаря этому, но и меткости выражений и привычными образами. Уже при жизни Мастера рубаи вызывали массу подражаний, да еще каких! Очертить границы творчества самого Хайяма просто невозможно, ибо не знаем мы точно, что начертано пером великого (часто на полях научных трудов) или брошено в воздух на пирушке, а что сотворили до него или после… Думают над этим ученые, называют нам разное количество подлинных, хайямовских рубаи, составляющих нынешнее ядро сборников под названием «Рубаи Омара Хайяма».

Можно, конечно, сосредоточившись, найти точеные и точные, звенящие, как натянутая струна, разящие, как яд гюрзы, скептические, дерзкие, иронические, философски весомые строки, которые никем иным, наверное, не могли бы быть написаны, ведь только Хайям сумел расширить и обогатить народную песенную форму этих странствующих четверостиший такой глубиной, такой кажущейся невозможной способностью разговаривать с самим Богом на мировоззренческие темы, используя всего четыре строчки!..

В этом замкнутом круге – крути не крути -
Не удастся конца и начала найти.
Наша роль в этом мире – прийти и уйти.
Кто нам скажет о цели, о смысле пути?

Сколько горечи порой звучит в этих словах, сколько хочется узнать и понять!..

Люди тлеют в могилах, ничем становясь.
Распадается атомов тесная связь.
Что же это за влага хмельная, которой
Опоила их жизнь и повергнула в грязь?

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, –
Ни один разгадать её толком не смог.

Острый ум Хайяма сумел создать как бы заново эту удивительную, гибкую форму, вместившую в себя все – от тоста до любовной записки, от эпиграммы (в том числе и на себя самого) до молитвы, от афоризма до формулировки законов философии…

Он с полным основанием мог сказать о себе:

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с низшей правдой и низменным злом,
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

А до какого резкого тона поднимается Хайям, осуждающий ханжество во всех его проявлениях! Несправедливые судьи и стяжатели, злокозненные визири и тайные развратники, лжефилософы и мусульмане-ортодоксы! Трепещите! Дерзкий язык Хайяма разит без промаха!

Тот усердствует слишком, кричит: «Это – я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это – я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки -
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это – я!»

Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
Твой шатёр подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой укрыта -
Берегись, ибо колья палатки слабы!

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глодать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Где мудрец, мирозданья открывший секрет?
Смысла в жизни ищи до конца своих лет:
Все равно ничего достоверного нет -
Только саван, в который ты будешь одет…

Горечь звучит в строках о невозможности познать этот мир до конца, и таких строк у великого Омара множество, видно, мучило его собственное бессилие, невозможность приблизиться к истине, но разве не движение к ней, вечное желание приблизиться, найти, сам поиск ее, путь – разве не это определяет истинного мудреца, да просто человека?!

Те, что веруют слепо, – пути не найдут.
Тех, кто мыслит, – сомнения вечно гнетут.
Опасаюсь, что голос раздастся однажды:
«О, невежды! Дорога не там и не тут!»

Удивленья достойны поступки Творца!
Переполнены горечью наши сердца,
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим.

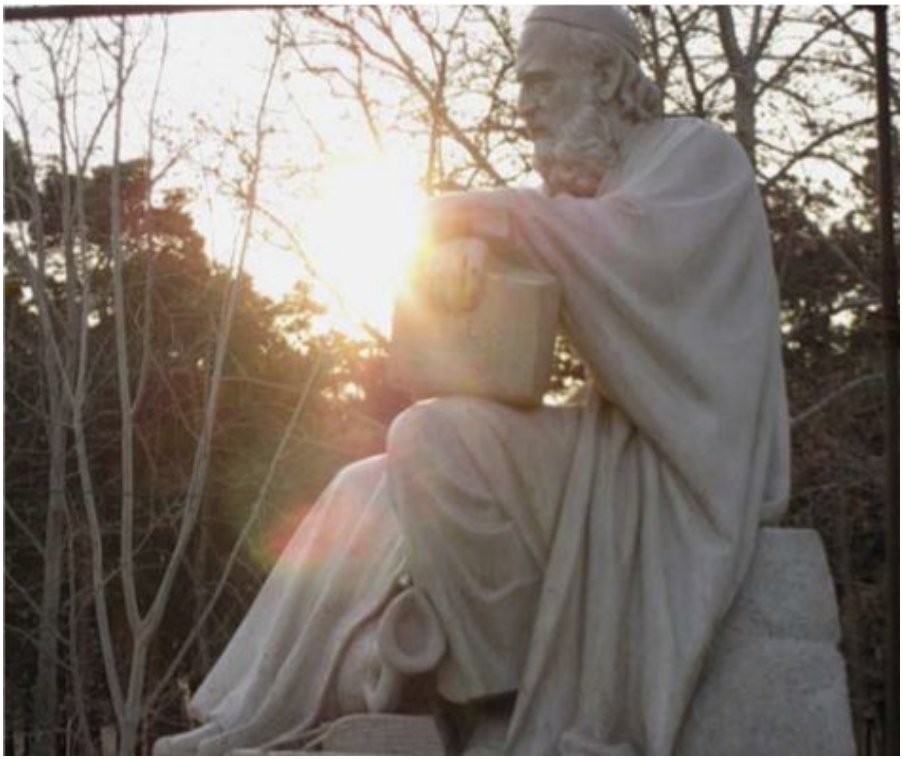
Вместо солнца весь мир озарить – не могу,
В тайну сущего дверь отворить – не могу.
В море мыслей нашел я жемчужину смысла,
Но от страха ее просверлить не могу.

И все же звучит в поэзии Хайяма настоящий гимн человеку и человечеству несмотря ни на что; эти диалектически точные слова нашел великий, чтобы сказать свое слово о землянах, слово, которое запомнится навсегда!

Мы источник веселья – и скорби рудник.
Мы вместилище скверны – и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир – многолик.
Он ничтожен – и он же безмерно велик!

Мы цель созданья, смысл его отменный,

Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира – перстень драгоценный,
А мы в том перстне – вправленный алмаз.



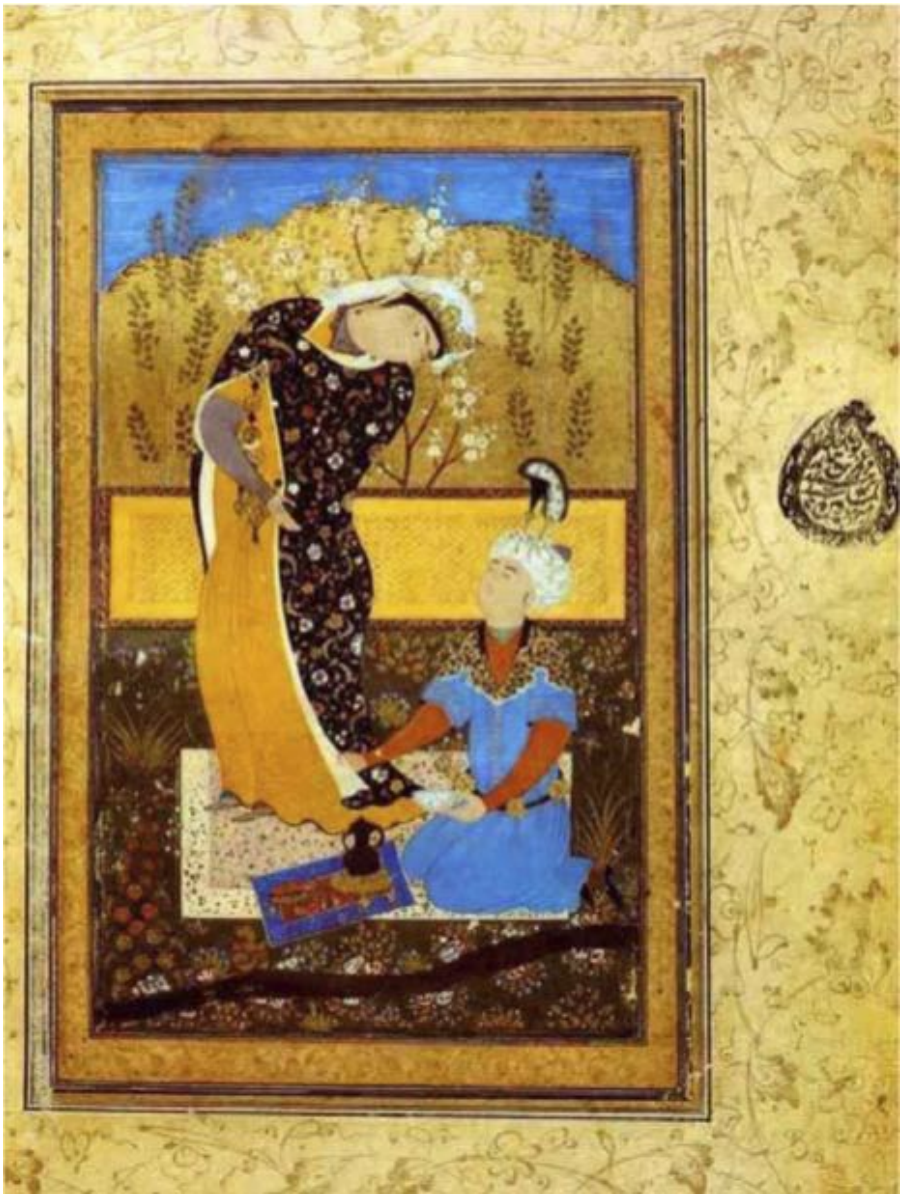
Памятник Омару Хайяму в Тегеране

§ 6. Саади

Саади

Европейский читатель знакомится с творчеством выдающегося иранского поэта *Абу Абдаллаха Муслихаддина Саади аш-Ширази* (80-е годы XII века – 1292), чье имя для персидской литературы означает то же, что для русской имя А.С.Пушкина, в XVII веке, когда немецкий путешественник Адам Олеарий переводит самое известное произведение Саади «Гулистан» на немецкий язык. В конце XIII века к русскому читателю пришли

переводы восточных песен и «басен славного Саади»…



Из иллюстраций к «Бустану». XVI век

Всю свою жизнь он странствовал по мусульманскому миру, был в плену у франков и возвратился к себе на родину в Шираз уже пожилым человеком. В 1257 году он опубликовал сборник стихов «Бустан» («Место сладких запахов» или «Плодовый сад»), а в 1258 году – «Гулистан» («Розовый сад»), где проза перемежается с поэзией. Его стихи полны доброты, юмора и скрытого

символизма, часто в них он зашифровывал описание тех состояний, которые испытывает мистик-суфий на своем пути… Это так мало, чтобы рассказать о жизни выдающегося поэта…

Итак, в течение почти тридцати лет, с 1226 по 1255 год, он путешествовал по всем странам ислама, от Индии до Марокко, какое-то время был пленником крестоносцев в Триполи. Плодовитый автор, творивший на двух языках – арабском и персидском, Саади знаменит главным образом двумя небольшими, уже названными нами книгами. Авторство третьей, «Панд-наме» («Книга наставлений»), сомнительно. Первая книга, «Бустан» – сборник стихотворений на этические темы, «Гулистан» же разделен на восемь глав, каждая из которых представляет один из аспектов житейской мудрости…

Некоторые исследователи вполне определенно разделяют жизнь Саади на три периода: школьный (1196-1226), скитальческий (1226-1256) и шейхский (1256-1291). Прозвище «Саади» выводят из имени фарсского атабека Саада ибн-Зенги (1195-1226), принявшего участие в воспитании будущего поэта и которому служил еще его отец, впрочем, рано умерший…

Попечением Саада юноша был отдан в багдадскую школу. Он много учился у суфийских шейхов и вполне проникся их аскетическими идеалами. Однако ранние стихи Саади, дышат юношеской любовью к жизни и ее радостям, позднее, в старости, он сам сознавался, что все убеждения суфиев не смогли его исцелить от любви к музыке.

Саади и его ученик

Нашествие монголов на Персию и низвержение Саада ибн-Зенгии в 1226 году заставило Саади бежать, и в течение многих лет судьба, полная всяких превратностей, беспрерывно бросала его то в один, то в другой конец мусульманского мира. В Индии, в целях спасения, Саади притворно принимает веру огнепоклонников, затем бежит, убив камнем сторожа-жреца. В

Мекке, большей частью пешком, Саади побывал 14 раз. Благодаря блестящему знанию классического арабского языка он был муллой-проповедником в Дамаске и Баальбеке, но, испытав тоску и томление, начал уединяется в пустыне под Иерусалимом. Тут он попадает в плен к крестоносцам, которые перевезли его на сирийское прибрежье, в Триполи, и заставили рыть окопы для крепости. За 10 червонцев его выкупил знакомый богач из Алеппо, привез к себе и женил на своей безобразной и сварливой дочери. Спасаясь от невыносимой семейной жизни, Саади бежит в Северную Африку. После долгих странствий Саади, наконец, очутился в родном Ширазе (1256) и под покровительством Абу-Бекра, сына покойного Саада, живет в монастыре до конца жизни. «Князья, вельможи и лучшие горожане, – как сообщают современники, – являлись на посещение шейха».

А это уже было более подробно, не так ли? А великие творения?

«Бустан» – где в десяти главах стихами изложена суфийская философия и этика, подкрепляемая весьма занимательными притчами и рассказами. По глубине поэтического чувства и по высоте нравственных идей «Бустан» – одно из величайших произведений всей суфийской литературы. По форме – это поэтический трактат объемом более четырех тысяч бейтов, соединивших традиции суфийской дидактической поэмы о правилах поведения мистика и светской назидательной поэмы о человеческой жизни в мире обычных людей…

Еще одна иллюстрация XVI века к «Бустану»

После введения, заключающего в себе хвалу Творцу и пророку Мухаммаду, праведным халифам, государю и его сыну, Саади рассказывает о причинах составления книги, что уподоблена автором дворцу, построенному для счастья людей и наделенному десятью вратами. Первая глава – «О справедливости и правилах мировластия» – царские врата. Войдя в них, услышишь советы правителям. Вторые врата приведут нас к знанию о том, что

нужно «…щедро платить Всевышнему за Его добро…». Третьи врата откроются, чтоб научить нас любви, но не грубой и сжигающей сердца, а любви суфиев, забывающих красавиц ради Творца. Следующие врата будут раскрыты для читателя, чтоб попал он на путь познания смиренности и скромности…Главы «О воспитании и уместном поведении», «О благодарности», «О покаянии» научат читателя молчать и не злословить, восхвалять Всевышнего и вечно творить добро, понимать, что жизнь скоротечна, и в грехах надо каяться сегодня… Десятые врата – глава «Молитвы и заключение книги» снова пригласят нас обратить свои молитвы к Аллаху, ибо если бы Он прощал всех, на земле не осталось бы грешников, а если бы карал – то все оказались бы в аду… Так что смертный пусть уповает, а Господь знает все…

«Гулистан»! Второе дидактическое сочинение Саади, принесшее ему уже мировую славу. Книга посвящена принцу Саду ибн Абу-Бакру ибн Саду. Разъяснение название, появившееся в конце XIX века в одном из русских переводов, гласит: «Розовый кустарник шейха Муслехеддина Саади Ширазского, славный под названием Гулистана». Книга создана простой, чрезвычайно изящной прозой – саджем, и содержит многочисленные стихотворные вставки.

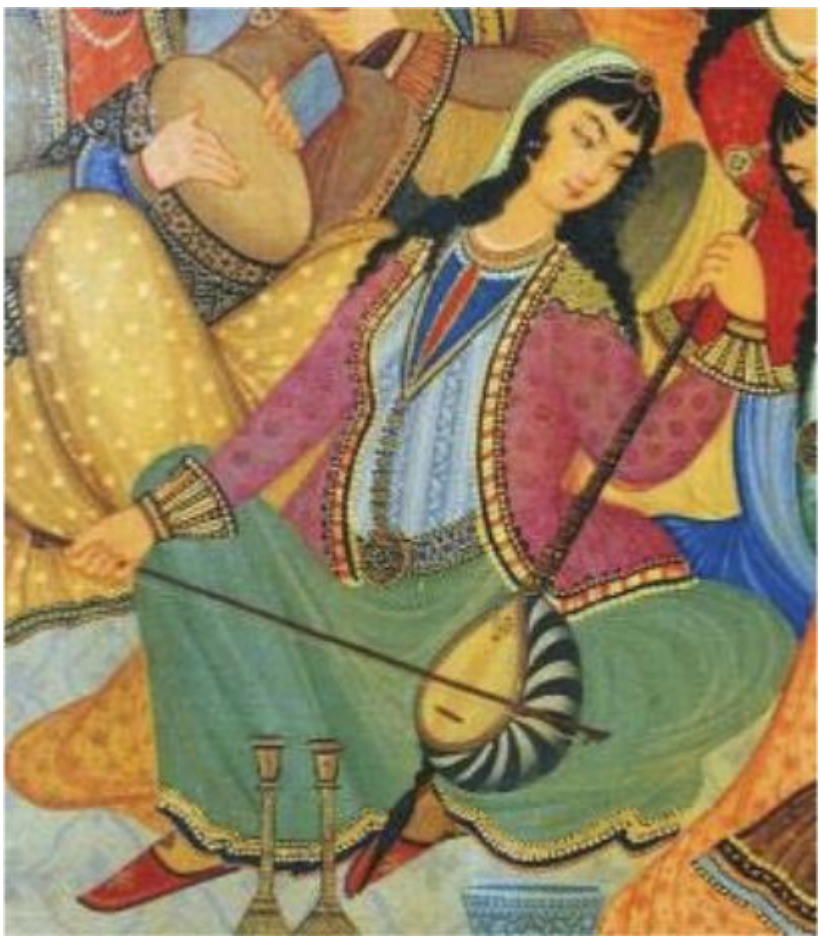
Аллегории «Гулистана» характерны для суфиев. Они не могут открывать свои секреты тем, кто не готов к их правильному восприятию и толкованию. И если невозможно передать идеи словами, применяются специальные фразы, шифры, символы.

А это уже «Гулистан»

Саади подчеркивает это в одном из своих рассказов:

«Вместе с несколькими верными друзьями Саади ехал в Хиджаз. Возле оазиса Бени Хиляль какой-то мальчик начал петь

так, что верблюд человека, глумившегося над мистицизмом, начал танцевать, а потом убежал в пустыню. Шейх сказал этому человеку: «Песня подействовала даже на животное, а вы и не двинулись с места»… Саади говорит нам: «Если вы сами не будете порицать себя, то не сможете принять порицаний от других». «Гулистан» и представляет собой, по сути, сборник житейских историй, анекдотов, но обязательно снабженных остроумными выводами. Рассказчиками и героями выступают жители городов и деревушек, цари и министры, ремесленники бедные дервиши, суфии и мусульманские богословы. Часто в разговор вступает и сам автор. Собственно, перед нами буквально энциклопедия быта и нравов средневекового Ближнего Востока, а заодно и автобиография Саади…



И еще иллюстрация к «Гулистану»

В рассказах и стихах «Гулистана» Саади часто порицает тех, кто спешит как можно быстрее начать учиться, не понимая того,

что в данный момент их моральный настрой не позволит им изучать суфизм. «Как может спящий разбудить спящего?» – залает Саади известный суфийский вопрос. Если верно, что слова человека должны соответствовать его делам, то тем более верно, что наблюдатель должен уметь оценивать эти дела. Большинство людей этого не умеет. «Совещание мудрецов напоминает базар торговцев одеждой. Не заплатив денег, вы ничего не сможете унести с этого базара. С совещания же вы сможете унести только то, на что у вас хватит способностей».

Конечно же, книга Саади построена таким образом, чтоб мы читали и наслаждались его мыслями, стихами, развлекались и лишь позднее сумеем понять внутренний смысл рассказов Саади, чтобы получить определенную основу для дальнейшего пути, ибо «преждевременно раскрытые тайны, – а в суфизме есть некоторые тайны, которые можно узнать в отрыве от всего учения, – могут принести больше вреда, чем пользы»:

«У одного человека была некрасивая дочь. Он выдал ее замуж за слепца, потому что никто другой на ней все равно не женился бы. Впоследствии один врач предложил вернуть слепому зрение, но отец жены не согласился на это, опасаясь, что, прозрев, этот человек разведется с его дочерью». В заключение Саади делает вывод: «Лучше всего, когда муж некрасивой женщины слеп»…

Другие произведения Саади относятся преимущественно к лирике: касыды (на персидском и арабском языках), причитания, газели «пестрые» (вычурные: в них полустишия арабские чередуются с персидскими и иногда с турецкими), припевы, новинки, печати, обрывки, благоухания и т. д. В них обычно воспевается Аллах, выражается страстное стремление души человеческой к Нему, прославляются отрады дервишского, подвижнического образа жизни. Хотя… с этими набожными темами плохо гармонируют «Хебисат» («Мерзости»): это порнографические рассказы и стихи, написанные, как сообщает Саади, по грозному приказанию «царевича» и снабженные оправдательным замечанием, что «шутка в речи как соль в пище». Такую же двойственность можно видеть и в семи прозаических «Рисалат» («Посланиях»), из которых первые шесть трактуют о божественных и нравоучительных предметах и святой мистической любви, а седьмая («Шутливое заседание») является скабрезной пародией на благочестивые мистико-религиозные «заседания» одного из предыдущих посланий. Но чудесные, благоуханные газели – «Нежные», «Удивительные», «Перстневые», «Старинные» (это авторские названия сборников) открыли в персидской поэзии новый мир вселенской любви и создали заново принципы и правила описания людских переживаний:

О, караванщик, сдержи верблюдов! Покой мой сладкий, мой сон уходит.
Вот это сердце за той, что скрутит любое сердце, в полон уходит.
Уходит злая, кого люблю я, мне оставляя одно пыланье.
И полыхаю я, словно пламень, и к тучам в дымах мой стон уходит…

Мавзолей Саади в Марракеше

Резюме: в отличие от броской выразительности других персидских поэтов, с их склонностью либо к мистицизму и отказу от мирского, к скептицизму и гедонизму, миросозерцание Саади, отразившееся в его творчестве, наполнено здравым смыслом: он проповедует меру во всем, признавая ценность земных благ, которыми следует наслаждаться именно потому, что они преходящи, и с глубоким сочувствием относясь к ближним.

Эти особенности, наряду с общечеловеческим характером его творений (вероятно, следствие собственного опыта странника и изгнанника, на который он часто ссылается), а также изящество

стиля объясняют необычайную популярность его творений на Востоке, их огромное влияние на тюркскую и индийскую литературу. Саади стал первым персидским поэтом, которого узнали на Западе еще в XVII веке. А.С.Пушкин точно определил суть замечательного творческого метода Саади:

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Лукавой лести ожерелья
И четки мудрости святой.

§ 7. Хафиз

Хафиз

Перед полным именем поэта *Шамс ад-Дина Мухаммада Хафиза Ширази* (20-е годы XIV века – 1389 или 1390) иранцы часто ставят уважительное Ходжа («господин», «учитель», «наставник»). Род его по мужской линии происходил из города Исфахана. Но во времена правления династии атабеков, которые в XIII в. были данниками монголов Салгуридов, Фарса (1148-1270), семья переехала из Исфахана в Шираз Отец поэта Баха ад-Дин стал в Ширазе одним из самых богатых купцов, но умер рано, и семья, оставшись без кормильца, вскоре разорилась. Старшие братья будущего поэта отправились по свету в поисках лучшей доли, а дома с матерью остался лишь малолетний Шамс ад-Дин Мухаммад. Не будучи в состоянии прокормить себя и сына, мать отдает ребенка на воспитание в чужой дом. Однако человек, взявший на себя заботу о мальчике, вскоре отказался от него и отдал обучаться ремеслу в дрожжевой цех. Трудолюбивый и настойчивый мальчик треть своего крохотного заработка платил учителю соседней школы, треть отдавал матери,

остальное тратил на свои нужды. Именно в школе мальчик приобщился к своему будущему ремеслу – чтеца Корана! Наделенный незаурядной памятью, он выучил наизусть священную книгу мусульман хафизом («хранящий в памяти Корна»). Впоследствии он прославил свою профессию, избрав ее наименование своим литературным псевдонимом.

Среди ремесленников и торговцев Шираза («людей базара») было множество подлинных ценителей поэзии, а их лавки нередко служили своеобразными «клубами», где собирались любители поэтических «диспутов» и соревнований. Завсегдатаем таких литературных «посиделок» в лавке торговца мануфактурой молодой становится Шамс ад-Дин Мухаммад. Он и сам пытается слагать стихи, но его первые опыты вызывают лишь насмешки окружающих, поскольку не соответствуют общепринятым нормам стихосложения. Иногда его, кажется, специально приглашают на поэтические собрания, чтобы посмеяться…

О том, что было дальше с молодым чтецом Корана и как он вдруг мгновенно превратился в великого поэта, рассказывает прекрасная легенда, которую знают, кажется, на Востоке все… Эта история связана с появлением одной из самых таинственных газелей Хафиза, которую специалисты нередко называют, собственно, «газелью о ниспослании поэтического дара». Говорят, что, будучи не в силах более сносить издевательства, начинающий поэт решил посетить гробницу знаменитого отшельника и поэта-мистика Баба Кухи Ширази, почитавшуюся чудотворной. Он долго молился, плача и жалуясь на судьбу, пока не выбился из сил и не заснул на земле близ гробницы. Во сне ему явился старец, одетый в зеленое по мусульманскому праву святых, давший ему вкусить божественной пищи. Мудрец сказал: «Ступай, ибо врата знаний теперь для тебя открыты». На вопрос о том, кто он, старец ответил, что он праведный халиф Али – потомок Мухаммада. Очнувшись ото сна, юноша сложил газель:

Вчера на исходе ночи от мук избавленье мне дали,
И воду жизни во тьме, недоступной зренью, мне дали.
Утратил я чувства свои в лучах того естества,
Вина из чаши, что духа родит возвышенье, мне дали.
И благостным утром была и стала блаженства зарей
Та ночь – повеленьем судьбы, – когда отпушенье мне дали.
Небесный голос в тот день о счастье мне возвестил,
Когда к обидам врагов святое терпенье мне дали.
И взоры теперь устремил на зеркало я красоты,
Ведь там в лучезарность ее впервые прозренье мне дали.

Дивиться ли нужно тому, что сердцем так весел я стал?
Томился скудостью я – и вот вспоможенье мне дали.
Весь этот сахар и мед, в словах текущих моих,
То плата за Шах-Набат, что в утешенье мне дали.
Увидел я в тот же день, что я к победе приду,
Как верный стойкости дар врагам в посрамленье мне дали.
Признателен будь, Хафиз, и лей благодарности мед
За то, что красавицу ту, чьи прелестны движенья, мне дали.

В этой чудесной газели, сотканной из намеков и мистических ассоциаций, можно найти ключ к другой версии легенды о «ниспослании поэтического дара», в которой рассказывается о том, что обиды молодого поэта на судьбу усугублялись его пылкой влюбленностью в знаменитую ширазскую красавицу по имени Шах-Набат («сахарный леденец»), которая не отвечала ему взаимностью. В соответствии с этим вариантом Хафиз обрел не только поэтический дар, но и благосклонность возлюбленной.

Махмуд Фаршиен. Иллюстрация к стихам Хафиза

Строки, посвященные Шах-Набат, построены на сложной игре образов, и могут быть истолкованы по-разному: большинство средневековых комментаторов полагало, что речь идет о конкретной женщине, однако слово шах-набат необязательно

толкуется как имя собственное, оно может быть понято как традиционная метафора возлюбленной «сладостная», «сладкоречивая», «сладкоустая». Так что, вполне возможно, речь может идти о сладости поэтического слова, ниспосланного свыше, и, в этом случае, божественной пищей, которую вкусил Хафиз из рук халифа Али, оказывается кристаллический сахар – набат. В тексте газели можно усмотреть намек и на то, что посланником небес, явившимся во сне к Хафизу, был не Али, а Хизр – персонаж мусульманских сказаний, не упоминаемый, правда, в Коране, но чрезвычайно почитаемый персами и арабами. Именно его традиция связывала с коранической историей путешествия Мусы (библейского Моисея) и нахождения живой воды. Живая вода позднее стала пониматься мистически как метафора сокровенного знания. О его обретении и идет речь в первых строках газели Хафиза.

Сложив чудесным явлением вдохновленные стихи, поэт предстал перед бывшими насмешниками и продекламировал их, чтобы возвыситься в глазах слушателей, однако те не поверили, что газель сложена без посторонней помощи, и, по обычаю, снова устроили испытание – Хафизу предложили составить ответ на некую газель-образец (обычно такими образцами служили признанные шедевры прошлого), и он, обретший необыкновенный дар, достойно справился с заданием, заслужив полное одобрение критиков.

Молва о новой звезде поэтического Шираза распространилась мгновенно. Поэтом заинтересовались высокие особы, он стал получать приглашения ко двору. Не став придворным поэтом, Хафиз, тем не менее, отнюдь не чурался покровительства сильных мира сего (об этом свидетельствует некоторое количество газелей, в которых названы имена царственных меценатов). Отношения своевольного поэта-гордеца с правителями Шираза складывались непросто, что отразилось во множестве историй и анекдотов. Вполне возможно, что в основе некоторой их части лежат и реальные эпизоды жизни поэта.

На этой персидской миниатюре из далекого прошлого изображен Хафиз

Первым покровителем Хафиза был Абу Исхак Инджу (правил в 1343-1353 годах), правитель он был беспечный и веселый,

любитель пиров, забав и изящной словесности, покровитель наук и искусств. Во времена его правления Хафизу, как, впрочем, и другим поэтам и ученым, жилось прекрасно. В одной из своих газелей поэт посетовал на то, что этот «золотой век» был очень короток: «Воистину бирюзовый перстень Абу Исхака ярко сиял, но благо было недолгим». Во время осады Шираза легкомысленный правитель не потрудился даже мобилизовать защитников города. Легенда гласит, что когда Абу Исхак узнал об осаде, он выразил удивление, что кто-то вознамерился воевать в такой погожий весенний день, и даже экспромтом сложил стихи: «Пойдем! Нынче вечером предадимся забавам, а о завтрашнем дне подумаем, когда наступит завтра». Вскоре его свергли с престола, через три года казнили…

Наступила эпоха правления жестокого и фанатичного Мубариза ад-Дина (правил в 1353-1364 годах.), который ознаменовал свое восшествие на престол закрытием всех питейных заведений в Ширазе. Он запретил увеселения и разослал по всему городу чиновников, представлявших собой своеобразную «полицию нравов», пресекавших любое, даже малейшее публичное нарушение норм мусульманской морали. Хафиз, как утверждают историки литературы, откликнулся на введение «сухого закона» великолепной газелью, в которой, как считают, под маской чиновника-мухтасиба вывел самого Мубариза ад-Дина:

Хоть прекрасна весна и вино веселит,
Но не пейте вина – мухтасиб не велит!
Сух верховный закон этих смутных времен.
Пей тайком, пей с умом, делай ханжеский вид.
Сядь, как дервиш, в углу, спрячь в рукав пиалу.
Нынче мир не вином – алой кровью залит.

После Мубариза ад-Дина к власти пришел его сын Абу-ль-Фаварис Шах Шуджа (правил в 1364-1384 годах), который не только отменил «сухой закон», но, видимо, несколько облегчили бремя налогов для «людей базара», ремесленников и торговцев, стал оказывать покровительство «людям пера», поэтам и ученым. Хафиз приветствовал начало его правления пышными хвалебными строками, веселой газелью, начинавшейся строками: «На рассвете тайный глас небес донес до меня весть: «Настала эпоха Шаха Шуджа, – без страха пей вино!» Однако отношения Хафиза и его нового покровителя складывались далеко не просто. До нас дошло несколько легенд, свидетельствующих о том, что шах и поэт постоянно конфликтовали. Ну не любил Хафиз ханжей

и лицемеров!

Явился суфий во всей красе и начал притворяться,
Дворец лукавства возвел до обманчивых небес.

Газели Хафиза изобилуют подобными словами в адрес лицемерных аскетов.

Шах Шуджа, взбешенный дерзостью поэта, искал любого повода поставить его на место – случай скоро представился. В соответствии с традицией, сложившейся в суфийской газели задолго до Хафиза, поэты часто признавались в любви представительницам иной веры, христианкам или огнепоклонницам, исповедовавшим зороастризм (речь в стихах шла о представителях религий, которым верой не запрещалось употреблять, изготовлять и продавать вино). Тем не менее, одну из таких газелей Хафиза Шах Шуджа счел оскорблением веры, поскольку в ней говорилось:

И снова Хафиз?

Если мусульманство таково, как его исповедует Хафиз (преклонение перед христианским идолом, красавицей),

Жаль, если вослед сегодня придет завтра

Хафиза ждала бы неминуемая кара, не окажись в тот момент в Ширазе прославленный ученый Маулана Зайн ад-Дин Абу Бакр, совершавший паломничество к мусульманским святыням. По его совету Хафиз предпослал крамольному двустишию следующие строки:

Пришлись по душе мне слова, что пропел на рассвете христианин на пороге питейного дома под звуки свирели и бубна:

«Если мусульманство таково…» – таким образом, поэт избежал наказания.

Натянутые отношения с властителем Шираза заставили поэта искать прибежища в других городах Ирана. В период между 1372 и 1374 годами он, видимо, предпринимает поездки в Исфахан и

Йезд, но, разочаровавшись, вновь возвращается в родной город.

Если возвращусь я с чужбины домой,
Вернусь, набравшись опыта.
Если вернусь из странствий целым и невредимым,
Клянусь, прямо с дороги сверну в кабачок.
Коль сострадают мне спутники мои на путях любви,
Презрен буду я, если пойду жаловаться чужим.

У Хафиза гости

Последние годы жизни Хафиза пришлись на время правления Шаха Мансура Музаффарида (1387-1393).

Год его восшествия на престол совпал с первым нашествием

монгольских войск под предводительством Тимура на Шираз, а во время второго нашествия последний представитель этой династии был убит на поле сражения. Предание гласит, что во время своего пребывания в Ширазе грозный тиран и завоеватель потребовал Хафиза к себе, посчитав начальные строки одной из знаменитейших его газелей оскорблением своей персоны. Вот как повествует об этом автор известной «Антологии поэтов» Доулатшах Самарканди (XV век): «Рассказывают, что в те времена, когда Тимур завоевал Фарс и убил Шаха Мансура, Ходжа Хафиз был еще жив. Тимур послал кого-то из своих приближенных с требованием привести его. Когда тот явился, Тимур сказал ему: «Я завоевал полмира своим блистающим мечом, я разрушил тысячи селений и областей, чтобы украсить Самарканд и Бухару, престольные города моего отечества, а ты, ничтожный человечишко, готов их продать за родинку какой-то ширазской тюрчанки, ведь сказано у тебя: «Когда ширазскую тюрчанку своим кумиром изберу, за родинку ее вручу я ей Самарканд и Бухару». Хафиз поклонился ему до земли и молвил: «О, повелитель мира! Взгляни, до чего меня довела моя расточительность» (Хафиз явился на аудиенцию в рубище дервиша. Тимуру понравился остроумный ответ, он выразил свое одобрение и, сменив гнев на милость, обласкал поэта».

Это легенда, а на самом деле, во время второго нападения Тимура на Шираз, встреча состояться уже не смогла, поскольку Хафиз умер за четыре года до этого события, в 1389 году. На точность этой даты, вероятно, все же можно положиться, поскольку существует стихотворение-хронограмма на смерть поэта:

Светоч поэтической мысли Ходжа Хафиз,
Тот, что был свечой, горящей божественным светом,
Нашел себе стоянку на земле Мусаллы,
А ты ищи его хронограмму в «земле Мусаллы».

Оформление издания «Дивана» Хафиза во Франции в 1842 году

Прекраснейшая книга, которую мы сейчас называем «Диван» Хафиза не была составлена при жизни поэта. В книгу эту входит 418 газелей[23], 5 крупных касыд[24], 41 рубаи и стихотворные строки, называемые кыта[25] и масневи[26]. Первый составитель посмертного собрания стихов поэта, некий Гуландам, являвшийся, возможно, личным секретарем Хафиза, снабдил рукопись собственным предисловием, в котором дается оценка поэтического дарования Хафиза и сообщаются некоторые сведения относительно его ученых занятий. В частности, Гуландам перечисляет книги, из которых поэт черпал знания, называя среди них авторитетный комментарии к Корану, сочинения по философии, логике, грамматике арабского языка и, наконец, собрания стихов арабских поэтов. По всей видимости, во времена правления Абу Исхака Инджу, когда молодой поэт снискал расположение этого правителя, ему была предоставлена возможность общения с лучшими умами Шираза, и он активно пользовался этим в целях совершенствования образования. Высокая похвала Хафизу, вышедшая из-под пера Гуландама, была первой в бесконечной череде высказываний, превозносивших

магию его таланта и неотразимое обаяние его газелей: его газели «…пробуждали волнение в высоких собраниях аристократов и в толпе простолюдинов, в местах молитвенного уединения, среди падишахов и нищих, среди ученых и невежд… Радения дервишей не удавались без его будоражащей сердце газели, дружеская пирушка теряла очарование без повторения его полных изящества слов».

Мавзолей Хафиза в Ширазе

Нам известно, что еще при жизниХафиз пользовался таким всеобщим признанием, что современники наградили его двумя почетными «титулами»: Сокровенный язык и Толкователь тайн.

Резюме: на первый взгляд, в лирике Хафиза преобладали традиционные для персидской поэзии темы вина и любви, мистического озарения, восхваления великих людей, жалобы на бренность бытия и непознаваемость мира. Однако лирический герой Хафиза – полнокровный, живой человек, одержимый кипением противоречивых страстей. Он то аскет, томистик и духовидец, то скептик, вольнодумец и мечтатель, возвещающий человечеству наступление светлого земного царства, то забулдыга и дебошир, нарушитель спокойствия, до грубости резко обличающий духовенство и власть имущих. В отличие от поэтов-суфиев, он призывал уйти от несправедливой действительности не в мистические грезы, а в поиски форм неистового эгоцентрического наслаждения, вуалирующие бунтарские и

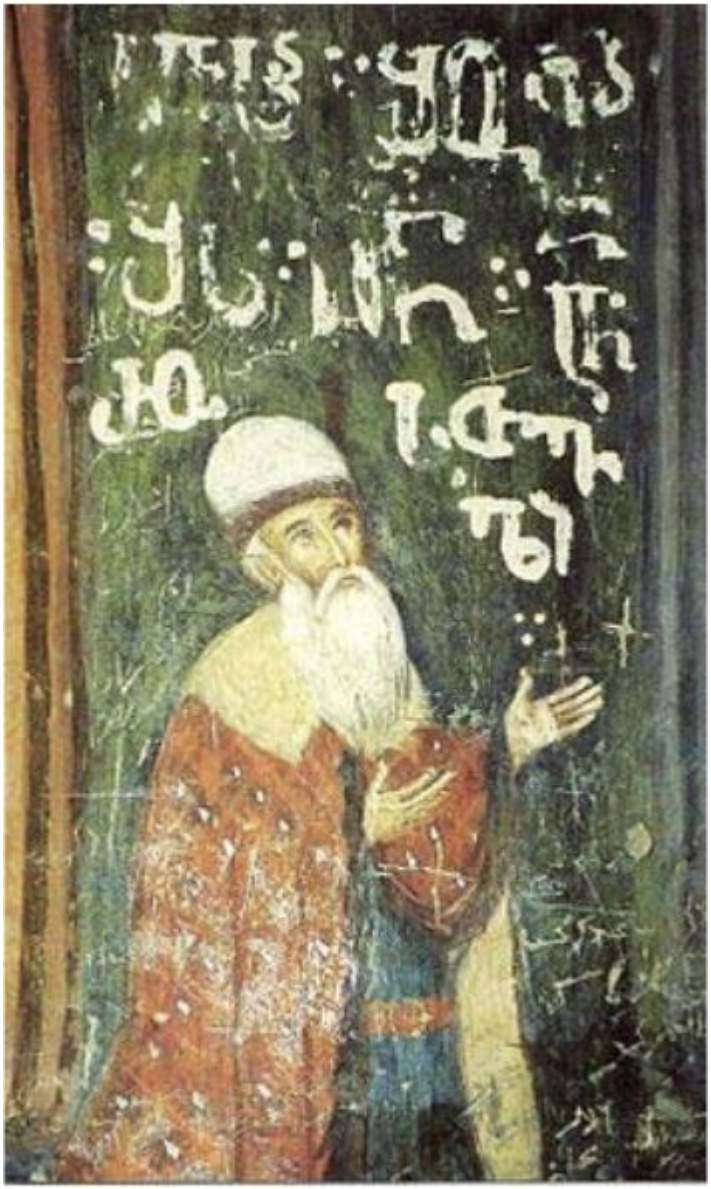
тираноборческие мотивы и высказывания.

Поэзия Хафиза популярна не только на Востоке. Знакомство с его творчеством произвело сильное впечатление на И.В.Гете и вдохновило его на создание цикла «Западно-восточный диван». Стихи Хафиза переводил А.Фет. А.С.Пушкин в своем стихотворении «Из Гафиза» отдал дань восхищения и самому поэту и в его лице всей персидской поэзии. В Иране и Таджикистане его стихи стали народными песнями. «Диван» Хафиза и по сей день – самое переиздаваемое произведение классического наследия в Иране и персоязычных странах.

Гуманистическая направленность газелей Хафиза была вызовом догмам ислама и мистической отрешенности суфизма. Он призывал служить своим любимым и близким людям, а не царю земному и небесному. Такая позиция до сих пор близка современному ощущению жизни, что делает поэзию Хафиза популярной и сегодня.

§ 8. Шота Руставели

Выдающийся грузинский поэт *Шота Руставели* (XII век) жил в Грузии во время правления царицы Тамар. Достоверных биографических сведений о Руставели сохранилось очень мало. Не известны даже годы рождения и смерти поэта. Главный источник сведений – пролог поэмы «Витязь в тигровой шкуре», посвященный царице Тамар (правила в 1184-1207 годах) и ее соправителю-мужу Давиду Сослани. Таким образом, поэма (кстати, не первое и не единственное произведение Руставели) создана не ранее конца 80-х годов XII века и не позднее 1-го десятилетия XIII века. Можно предположить, что Руставели родился на рубеже 60-70-х годов. В прологе два раза упоминается, что автор поэмы Руставели (Руствели), что значит «владетель Руставского поместья» или «выходец из Рустави». По некоторым данным, Руставели учился сначала на родине, затем в Афинах, столице Греции, в совершенстве владел греческим, персидским, арабским языками, изучал философию, литературу, живопись, медицину. Считается, что после возвращения в Грузию Руставели был назначен государственным казначеем царицы Тамар (сохранилась его подпись на одном из актов, относящемся к 1190 году). Руставели также реставрировал и расписывал грузинский монастырь Святого Креста в Иерусалиме, разрушенный султаном Саладином. По легенде, безнадежно влюбленный в свою повелительницу, он умер в келье этого монастыря. На одной из колонн монастыря обнаружена фреска, по предположению ученых, изображающая Руставели (в 2004 году фреска была разрушена, в 2006 году – восстановлена). По одной из легенд, Руставели, влюбленный в царицу, женится женщина по имени Нина, а вскоре после свадьбы получает от Тамар приказ перевести на грузинский язык литературный подарок, поднесенный ей побежденным шахом. Блестяще исполнив поручение, он отказывается от вознаграждения. Через неделю после этого был найден его обезглавленный труп. Поныне существует масса легенд о Руставели и его отношениях с Тамар.



Изображение Шота Руставели на древней фреске в Иерусалиме

Знакомый с поэмами Гомера и философией Платона, богословием, началами поэтики и риторики, персидской и арабской литературой, Руставели отдавал литературной деятельности все свое время и создал поэму «Барсова кожа» (точнее – «Человек в барсовой коже»), красу и гордость грузинской и мировой литературы. Поэму, известную нам под названием «Витязь в тигровой шкуре». Поэма создана в дни великого правления Тамар, царицы славящейся умом и красотой,

в дни, называемые «золотым веком» в истории грузинского средневековья.

Сюжет, вероятнее всего, был заимствован Руставели из персидского фольклора, о чем, собственно, сам автор сообщает во вступлении:

> Эта повесть, из Ирана, занесенная давно,
> По рукам людей катилась, как жемчужное зерно,
> Спеть ее грузинским складом было мне лишь суждено.

Царица Тамар

Однако следует заметить, что персидский оригинал, несмотря на все поиски, до сих пор не найден. Есть мнение, что Руставелине заимствовал сюжета «Барсовой кожи» у восточных писателей – поэма создана им самим для прославления царицы Тамар. Третья точка зрения считает источником поэмы народные песни о Тариеле, подобно тому как «Фауст» Гете и «Гамлет» Шекспира восходят к средневековым народным традициям. Руставели использовал народные сказания для изображения великой исторической эпохи. Сопоставление ходивших среди грузинского народа песен о Тариеле с поэмой Руставели, вполне

явственно обнаруживает безусловное сходство в общем сюжете и деталях. С другой стороны, сравнение жизни Тамар с событиями, описываемыми в поэме, дает повод думать, что под именем главной героини, Нестан-Дареджаны, скрывается сама Тамар. Можно предположить, что поэт намеренно перенес сюжет «Барсовой кожи» в идеальную местность – «в Индию, Аравию, Китай» – с целью отвести читателя от догадок и скрыть любовь, «для которой нет лекарства…» Герои и героини поэмы терпят превратности злой судьбы, но после продолжительных скитаний, соединившись в браке, наслаждаются счастьем. Значение поэмы заключается в самой художественной обработке, психологическом анализе и щедро рассыпанных мудрых изречениях, которые и по прошествии стольких лет произносятся с чувством особенного благоговения.

«Витязь в тигровой шкуре» – безусловно, одна из величайших поэм мировой литературы. Всего в поэме 1637 строф, по 16 слогов в стихе. Она дошла до нас в многочисленных рукописях, с массой интерполяций и дополнений и с продолжением, известным под именем «Омаииани». Причины отсутствия древнейших списков поэмы, близких ко времени ее создания, скорее всего, кроются в многочисленных набегах чужеземных завоевателей на Грузию и связанных с этим бедствиях; кроме того, поэма преследовалась духовенством, как сочинение светского характера, противоречащее проповедям христианского смирения.

Руставели внушает «освобождать рабов», провозглашает равенство полов («порождение льва остается львом, все равно, какого бы пола оно ни было»), взывает к щедрой милости: «…что роздано тобой – твое, что нет – потеряно». Личные заслуги он ставит выше знатного происхождения, славную смерть предпочитает позорной жизни, не терпит лживого человека, заявляя: «…ложь и измена – две родные сестры». Подобные мысли сделали поэму воспитательной книгой для всего народа, и не только грузинского, а виртуозная поэтическая техника сделала ее синонимом и символом самой возвышенной поэзии. Поэма переведена на большую часть европейских языков. Стихотворный русский перевод отрывка из «Барсовой кожи», созданный Е. Баратынским, напечатан в журнале «Иллюстрации» за 1845 год. В 1855 году в Москве появилась трагедия «Барсова кожа», написанная на русском языке, в стихах, «царевичем Окропиром». Поэма Руставели неоднократно переделывалась в драму.

Персонажи поэмы – представители разных народов (в том числе, и вымышленных). Искусно используя приемы сюжетной маскировки, своего рода, аллегории, Руставели художественно

правдиво изображает современную ему действительность Грузии.

Иллюстрация к великой поэме Руставели

Содержание «Витязя в тигровой шкуре» вкратце таково: после коронования своей дочери Тинатин на царство царь Ростеван вместе со своим воспитанником, военачальником Автандилом, отправляется на охоту. Там они видят незнакомца, носящего барсовую (тигровую) шкуру, но тот, не желая встречаться с людьми, удаляется на своем вороном скакуне. Видя опечаленного этим событием отца, Тинатин признается Автандилу в любви и посылает его на поиски незнакомца. После трех лет Автандилу удается найти его, укрывающегося в безлюдной местности в пещере. Незнакомец, которого зовут Тариэл, рассказывает Автандилу свою историю. Он – сын царя, который был вассалом могущественного царя Индии Парсадана. Воспитанный Парсаданом, Тариэл влюбился в его дочь, красавицу НестанДареджан, но родители захотели выдать ее за другого. Не

желая, чтобы чужеземец завладел троном Индии, Тариэл, посоветовавшись с возлюбленной, убил соперника и, опасаясь гнева царя, укрылся в своем укрепленном городе. Здесь Асмат, приближенная НестанДареджан и поверенная в тайны влюбленных, сообщила ему, что воспитательница Нестан-Дареджан, сестра царя, после жестоких побоев посадила девушку в ковчег и бросила его в море. Отправившийся на поиски возлюбленной Тариэл во время своих скитаний встретил теснимого врагами Фридона, которому оказал помощь. От Фридона он узнал, что однажды тот видел Нестан-Дареджан в плывущем ковчеге, но освободить не смог, ибо ковчег скрылся в море. Узнав от Тариэла о его горе, Фридон пытается помочь другу, но разосланные повсюду гонцы не смогли найти Нестан-Дареджан. Тариэл простился с побратимом, получив от него в подарок прекрасного коня. После этого герой еще долго искал Нестан-Дареджан… Отчаявшись, он укрылся в пещере вместе с верной Асмат и проводит свои дни вдали от людей. Шкуру он носит в память о своей возлюбленной. Тронутый его горем, Автандил обещает помочь в поисках Нестан-Дареджан. Прибыв в Аравию, Автандил рассказал все царю Ростевану и своей возлюбленной. Та одобрила намерение помочь побратиму в беде, но царь не захотел его снова отпускать, так что Автандилу пришлось уехать тайком. Вернувшись к Тариэлу, он обещает искать Нестан-Дареджан в течение года и отправляется в путь, посещает Фридона, затем морем отправляется в Гуланшаро, столицу морского царя. Здесь он подружится с женой купеческого правителя – Фатьмой, которая по одежде приняла Автандила за купца. От нее он узнает, что именно Фатьма спасла Нестан-Дареджан от сопровождающих стражей и укрыла у себя, но муж Фатьмы, выдав тайну, доставил Нестан-Дареджан к царю. Властитель захотел женить на ней своего сына, но Нестан-Дареджан сумела подкупить охрану и вернуться к Фатьме. Женщина дала Нестан-Дареджан коня, и беглянка скрылась. Впоследствии, случайно услышав разговор собравшихся с разных сторон людей, она узнала, что Нестан-Дареджан находится в плену в Каджети, стране волшебников. Тамошний царь хочет женить на ней своего сына. Обрадованный Автандил открылся Фатьме, сообщил ей, что ищет Нестан-Дареджан для своего друга и попросил Фатьму помочь. Фатьма тотчас послала в Каджети волшебника-слугу, дав тому письмо для НестанДареджан. Пленница отправила с ним письма к Фатьме и Тариэлу, присоединив лоскуток чудесного покрывала, некогда привезенного Тариэлом для нее. В нежном письме она клялась Тариэлу в вечной любви, но просила оставить ее, так как взять

крепость волшебниковкаджей невозможно, и Тариэл непременно погибнет. Сама же она поклялась, что никогда не станет женой кого-либо другого.

Автандил спешит к Тариэлу с радостной вестью. Захватив оружие, которое Тариэл отвоевал у сказочных существ – дэвов, они отправились к Фридону, затем трое побратимов, взяв с собой триста воинов Фридона, направились к Каджетской крепости.

И еще одна иллюстрация к поэме Руставели

Каждый из них предложил свой план захвата твердыни, но был принят план Тариэла: разделив сопровождающий их отряд на три части, они с трех сторон бросились в атаку. Разбив ворота,

они ворвались в город. Тариэл первым оказался в подземном проходе, ведущем в крепость, перебив стражу, он освободил Нестан-Дареджан. Вернувшись оттуда в морское царство, они справили свадьбу Тариэла с Нестан-Дареджан, затем в Аравии, с согласия царя Ростевана, – свадьбу Автандила и Тинатин. Вернувшись в Индию и изгнав чужеземцев-врагов, Тариэл и Нестан-Дареджан стали там править. Побратимы, наконец, расстались, поклявшись друг другу в вечной дружбе…

Мы видим, что в поэме переплетаются два основных повествовательных цикла: индийский линия Тариэла и Нестан-Дареджан, и арабский линия Автандила и Тинатин. Глубокая внутренняя, психологическая характеристика героев, изображение подлинной сущности явлений – вот главные черты новаторства Руставели. Он создает целую галерею живых, полнокровных, гибких и пластичных характеров. Герои поэмы – самоотверженные, бесстрашные борцы за торжество справедливости и счастья, обобщенные, типизированные до необыкновенной яркости и точности образы передовых людей феодальной Грузии XII века. Главную героиню поэмы, добродетельную и кроткую Нестан-Дареджан, узнающую, что ее ожидает брак по принуждению, охватывает дух ненависти и протеста. Героиня заточена в Каджетской крепости, являющейся символом тирании, изуверства и мрака. Борьба трех витязей-побратимов за освобождение Нестан увенчивается победой. Оптимистическая идея торжества справедливости над произволом, добра над злом лежит в основе поэмы: человек может добиться полного счастья на земле, человек должен дерзать!

Резюме: Поэма Руставели – восторженный гимн свободной, земной, чистой и возвышенной любви. Поэт отвергает любовь грубо чувственную, низменную. В поэме ярко выражена идея преклонения перед женщиной, поэтически обоснована возможность нравственного и интеллектуального равенства мужчины и женщины.

Памятник Шота Руставели в Москве

Исследователи творчества Руставели, однако, полагают, что тема братства и дружбы превалирует в поэме над темой любви. Но руставелевские витязи побратались именно во имя победы и спасения любви. Таким образом, можно говорить о равноправии в поэме двух этих тем. Кроме того, можно говорить о глубоком патриотизме поэмы – политический идеал Руставели – объединенное, сильное, единодержавное государство во главе с просвещенным и гуманным царем. Поэт осуждает феодальные распри и сепаратистские устремления знати, ценит жизнь разумную, достойную благородного человека. Герои его не страшатся смерти. Руставели клеймит позором лжерыцарей, малодушных горе-воинов, трусов и предателей, клятвопреступников, льстецов и лицемеров и превозносит рыцарскую доблесть и отвагу, смелость и дерзание.

Вероятно, и одним из первых в мировой литературе Руставели достоверно и ярко воссоздал колоритную реалистическую картину купеческой жизни, противопоставив ее жизни куртуазно-рыцарского общества. «Витязь в тигровой шкуре», таким образом, имеет некоторое сходство с западноевропейскими рыцарскими романами, с восточными эпическими и романтическими поэмами средневековья.

Но следует сказать, что великий гуманист Руставели шел все своим собственным поэтическим путем, провозглашая, в противовес церковно-аскетической морали свободу личности, мысли и чувств, ратуя за человеческую жизнь, свободную от божественного провидения, злого рока. Воплотив идеалы и чаяния грузинского народа, Руставели не замкнулся в национальных границах – мир его идей имеет общечеловеческое значение. Своим свободомыслием поэт предвосхитил гуманистические идеи раннего Возрождения.

§ 9. Григор Нарекаци

Григор Нарекаци. Изображение XII века

У каждого народа есть любимая книга, у каждого народа есть писатель, которого можно считать родоначальником национальной литературы. Всему миру известны имена Шекспира, Рабле, Руставели, Пушкина…

Для армянской литературы таким стало имя *Григора Нарекаци* (951-1003). Поэт, богослов, автор великой «Книги скорбных песнопений».

Армянская история бедна на спокойные мирные годы. Один из древнейших народов, хранивших свои традиции, веру, язык и

письменность на протяжении тысячелетий, всегда жил рядом с великими империями, с завидным постоянством претендовавшими на мировое господство. Римляне, персы, арабы, наконец, турки – и это еще далеко не полный перечень тех, с кем пришлось воевать соотечественникам Григора Нарекаци.

Фрагмент Эчмиадзинского Евангелия

Но поэту выпало относительно благополучное время династии Багратидов (вторая половина X – первые годы XI века), которая завершала «золотой век» Армении. «И не случайно, – говорит армянский писатель XYI века, – накануне страшных испытаний Господь ниспослал народу великого заступника и

утешителя – святого Григора из Нарека». После смерти правителя Ашота II Железного (конец X века), сумевшего отстоять арабами независимость страны в борьбе с арабскими завоевателями) несколько поколений еще смогли жить в мире.

Творческие поиски, личностное самоуглубление, мистический экстаз, новые совершенные формы, мировоззренческие и богословские споры, отраженные в литературе этой эпохи, создавали неповторимое ощущение расцвета, преизбыточной, богатейшей культуры (яркий пример – знаменитые миниатюры Эчмиадзинского Евангелия 989 года). Созидательный труд, творческая мысль, монашеское подвижничество… Строились соборы, основывались новые монастыри.

Направление интеллектуальных интересов современников во многом определяла внутрицерковная полемика. Армянская Церковь, как известно, не приняла решений Халкидонского собора и настаивала на преобладании божественной природы в личности Иисуса Христа, – в противовес византийскому православию, понимавшему Спасителя, как Богочеловека. Кроме того, церковникам пришлось вести борьбу против народной ереси, напоминавшей болгарских богомилов и французских катаров – наследников учений древних мистиков и гностиков.

В этой книге, отпечатанной в Амстердаме, в 1512 году, есть глава из «Скорбных песнопений» Г.Нарекаци

Конечно, это в значительной мере определяло атмосферу

некоторой неопределенности, умолчания, а именно в ней так отчетливо, порой, слышен голос одного, а если это голос мудреца…

Происхождение Григора Нарекаци уже сразу помещало его в круг всех основных переживаний и размышлений эпохи. Отец поэта, ученый-богослов Хосров Андзеваци, был даже епископом, но, уличенный в симпатии к еретикам, был отлучен от Церкви. Сам же Григор в юности принял постриг в монастыре Нарек, к югу от озера Ван, основанный, кстати, родственником отца, богословом и духовным наставником Ананией Нарекаци. Есть легенда, что, придя в обитель, поэт семь лет нес послушание пастуха, ни разу не рассердившись ни на одно животное, не хлестнув и не обидев злым словом. Когда послушание закончилось, он воткнул посреди деревни тот самый прут, которым ни разу не была бита ни единая живая тварь. И прут пророс, и превратился в цветущий куст, напоминающий людям о чистой и прекрасной душе Григора Нарекаци.

«Книга молитв» Нарекаци. Начало XVIII века

Монах, как известно, умирает для мира, и потому его внешняя жизнь едва ли может быть богата событиями. Вероятно,

Григор год за годом делил свое время между храмовыми богослужениями, молитвами и литературными занятиями. Житийная литература сообщает, что он не поощрял богословских споров, проповедовал терпимость и одно время был даже объявлен «ромеем и вероотступником», за что его даже пытались вызвать на церковный суд. Посланцы епископа пришли к Григору – тот пригласил их столу. И подал жареных голубей (день был постный). Гости, непривычные в пост есть мясо, еще больше укрепились в своем мнении по поводу хозяина-еретика и упрекнули его в несоблюдении монастырского устава. Тогда Нарекаци, испросив прощения, что, мол, только зря искушал сотрапезников, – воскресил (жареных) голубей и отпустил на волю. Чудо было достаточно внятно пришельцам…Суда удалось избежать…

Перу Нарекаци принадлежит комментарий «Песни песней», несколько гимнов Деве Марии, Кресту Господнему, «История апаранского креста», «Похвала всему чину апостольскому», «Похвала святому Иакову, епископу Низибинскому», полемическое «Послание против секты тондракийцев» (в сочувствии которой пытались уличить самого Нарекаци). Кроме того, в житии великого Нарекаци упоминаются 97 речей, написанных им, проповеди и поминовения святых мучеников.

Написанные с тщанием и мастерством, они целиком соответствуют эпохе: сам жанр, традиционные образы и риторические фигуры. Мистически настроенные богословы и наставники христианского мира пытались, комментируя часто те же христианские книги или положения Священного Писания, увести читателя от религии страха, служившей основанием средневекового благочестия, к религии любви как источника творческого прорыва. Всякий пишущий примеряет свой стиль к общему мировоззрению и только тогда порождает текст, который внятен его современникам…

Но «Книга скорбных песнопений» Нарекаци не знает границ эпох и культур, звучит мощно и свободно в любое время эпоху, на любом языке (существует несколько русских, французский, немецкий и английский переводы). И все это не потому, что в ней выражена особая, ни на что не похожая точка зрения, и рассказана некая чудесная история, а потому, что в ней отражено всеобщее предстояние человечества перед лицом вечности, предназначенный каждому путь жизни от рождения до самой смерти…

В поэме есть история души, но нет истории жизни, нет биографии, нет деталей и подробностей. И это не случайно – Нарекаци не знает ни лирического, ни эпического героя. К Богу

обращается человек, не отдельный, не отделенный от остальных, но и не абстрактный.

Причислив себя к заслуживающим наказания,
Со всеми вместе молю о милосердии:
Вместе с униженными – и с несмелыми,
Вместе с немощными – и с малыми,
Вместе с падшими – и с презренными,
Вместе с изгнанными – и с возвратившимися к Тебе,
Вместе с сомневающимися – и с уверенными,
Вместе с повергнутыми – и с воскресшими,
Вместе с угнетенными – и с укрепившимися,
Вместе с отринутыми – и с возлюбленными,
Вместе с оробевшими – и с дерзновенными,
Вместе с пристыженными – и с ликующими…

Все эти люди, разные, но единые, сильные и такие слабые, как прах и пыль земная, если нет у них надежды на Бога, совершенного и самодостаточного. Господь – это

Сущность непостижимая, истина неисповедимая,
Сила всемогущая, милость всевластная,
Совершенство безбрежное, наследие неизреченное,
Бытие неотъемлемое, стяжание негибнущее,
Высота несравненная…

Издание трудов Нарекаци конца XVIII века

Ничего не полагается тому, кто ослушался Творца. Единственная надежда – в причастности, в том, что не мы к истине, а она к нам имеет отношение. И Господь приходит в мир, и принимает крестные муки ради человека, продолжающего колебаться, грешить и стенать. И остается еще надежда – на любовь и снисхождение, а их можно заслужить только в полноте собственной любви…

Днесь молю тебя, о защитник пораженных горем скорбящих душ,
Что терзаются жестокими и тяжкими муками,
Не умножай горестей моих – стенающего,
Не карай меня – наказанного,
Не мучай меня – истерзанного,
Не секи меня – побитого,
Не губи меня – совратившегося,
Не сокрушай меня – сломленного,
Не волнуй меня – неспокойного,
Не повергай в смятение меня – захваченного бурей,
Не дави меня – разбитого,
Не ужасай меня – устрашенного,
Не ослепляй меня – помраченного,
Не убивай меня – недужного,

Не будь суров ко мне – праху,
Не будь жесток ко мне – пеплу,
Не будь строг ко мне – сотворенному,
Не будь грозен со мною – пылью,
Не сражайся, Ты – Великий, со мною – малым,
Ты – Свет, со мною – земным,
Ты – неиссякаемое изобилие, со мною – неимущим рабом,
Ты – отъемлемое богатство, со мною – бесприютным страдальцем,
Ты – неоскудевающая благость, со мною – наибеднейшим нищим…
Однако кто же, дождавшись утренней зари,
Убоится, что снова стемнеет?

«Книга скорбных песнопений» исцеляла души человеческие – обычной болезни ее клали под голову даже и во время обычной болезни – боль затихала… Люди, повторяя слова Нарекаци, избавлялись и от одиночества.

Книга написана на грабаре, древнеармянском литературном языке, который применяется при богослужении и в настоящее время. В то же время, язык поэмы отделен от современного читателя тысячелетием, сложен для понимания и сам смысл произведения, насыщенного эпитетами, метафорами и сравнениями. Трудность представляют также образный строй поэмы и ее особый синтаксис. Текст содержит множество библейских аллюзий, непрямых цитат, выражений, заимствованных из священных книг. Поэма не рифмована, но все же в некоторых фрагментах Нарекаци использовал и рифму. Поэма сыграла значительную роль в развитии армянского литературного языка и породила ряд толкований и подражаний.

«Книга скорбных песнопений» (также можно назвать ее книгой «песен-плачей» или же «песен-молитв»), состоит из 95 глав. Каждая из песен начинается характерным зачином: «Слово к богу из глубин сердца».

В стихах отсутствуют биографические моменты, чем и достигается эффект единения с молящейся аудиторией, слияния индивидуального «я» с коллективным.

Фрагмент одного из древнейших изданий «Книги скорбных песнопений»

По мнению исследователей, две многолюдных толпы, два хора возникают пред внутренним взором читателя, «…одни стоят прямо и бодро, поднявшись после всех падений, и ликуют в твердой вере и уверенном знании о своем избранничестве, другие колеблются, шатаются, падают и не умеют подняться, поражены сомнением…» (С.С.Аверинцев). При этом Нарекаци не причисляет себя к какому-либо из них, он и с теми, и с другими, словно воссоединяя несоединимое.

На сегодня известно более 200 рукописных копий «Книги скорбных песнопений». Самая древняя из них, датируемая 1172 годом, хранится в Матенадаране, государственном книгохранилище Армении, вместе с другими уникальными экспонатами.

На стихи из 3 главы «Книги скорбных песнопений» композитор А.Шнитке (1934–1998) в 1985 году создал Концерт для хора в четырех частях.

В 2003 году под эгидой ЮНЕСКО отмечалось 1000-летие «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци.

Резюме: величайшей заслугой Нарекаци является новая эстетическая концепция, которая проявилась в его произведениях. Так, он впервые в армянской литературе сделал природу объектом поэзии, и в этом усматривается связь его эстетических воззрений с передовыми естественнонаучными взглядами. Нарекаци чувствует и воспринимает природу как вечно движущееся, живое существо, обладающее какой-то возвышенной таинственностью. Причем, природу он определяют еще и как «лиру божью» поэт воспевает природу, играя на «божественной лире», и игнорируемая ранее и даже считавшаяся грешной, природа, таким образом, оживает, получает свои права. Воспевать природу – значит выполнять дело божественного ее прославления. Нарекаци впервые в армянской литературе показал человека и его духовный мир как частицу живой природы. Естественно, изменилась и сама поэтическая форма. Характеризуя свою «Книгу скорбных песнопений», автор в эпилоге пишет: «Я накопил материал, сочетал, расположил, основал, построил, воздвигнул, показал, устанавливал как чудотворение единосущного предмета разветвленные главы изложения этого преполезного сочинения».

Одна из старинейших церквей Армении – церковь Св.Григория Нарекаци в Алаверди

По мысли Нарекаци, человек рождается совершенно чистым и добрым. Однако в этом несовершенном и грешном мире он утопает в грехах и преступлениях, растлевает свою

первоначальную сущность. Но надежда не утрачена: он может спастись, уповая на бога, стремясь к нему, как к идеалу. Человек, говорит поэт, должен постоянно совершенствоваться, стремиться походить на бога, с тем, чтобы иметь право соединиться, слиться с ним как со светлым прообразом наивысшего совершенства. Спасение человека, по мнению поэта, – в его усовершенствовании.

Памятник Григору Нарекаци в Ереване

Эта гуманистическая идея и пронизывает все произведение. О громадной силе художественной выразительности поэмы Нарекаци, делающей это произведение выдающимся памятником мировой литературы, хорошо сказал один из видных армянских

поэтов начала XX в. М. Мецаренц: книга Нарекаци – «…это целая буря, душевный вихрь, где слова и понятия движутся в ритме сталкивающихся волн, бушуют, вздымаются и падают, как настигающие друг друга волны». Стих поэмы Нарекаци музыкален: автор щедро использует ассонансы, аллитерации, внутреннюю рифму. О высоком совершенстве формы стихов Нарекаци говорил и русский поэт-символист В.Я.Брюсов. И не зря, подытоживая свой труд, в конце поэмы ее великий автор написал:

А для меня пусть будет этот мой завет
Памятником, высеченным, нерушимым,
Который вместо меня, злосчастного, смертного,
Стенания плачевного звучанием непрестанным
Без умолку будет всегда вопить…

После смерти Григор Нарекаци был канонизирован…

§ 10. Ли Бо

Известный нам как Бессмертный Поэт, *Ли Бо* (701-762) был и остается самым почитаемым и известным китайским поэтом.

Сведения о жизни Ли Бо достаточно противоречивы и легендарны родился в семье богатого торговца, купца, место рождения неизвестно. Его семья переехала в Цзянью (ныне Ченду, провинция Сычуань), когда мальчику было 5 лет. В эпоху правления аристократической династии Тан происхождение его не позволяло занимать высокого положения в обществе.

Ли Бо

Несмотря на огромное и вполне объяснимое для каждого китайца тех времен желание стать чиновником, он не стал готовиться к экзаменам на государственную службу. Вместо этого, в возрасте 25 лет, он отправился в путешествие по Китаю,

ведя себя как своенравный вольнодумец, что противоречило общепринятому образу благородного человека по Конфуцию. Позднее Ли Бо был представлен ко двору императора и получил должность в Академии Хан-линь.

На посту придворного поэта Ли Бо провел менее двух лет, а затем был отстранен – по-видимому, в результате дворцовых интриг. Впоследствии путешествовал по Китаю до самого конца жизни. Осенью 744 года, а также в последующие годы встречался с другим великим китайским поэтом – Ду Фу. Во время восстания Лу-Шаня находился на службе у одного из принцев и был вовлечен в мятеж против императора. После разгрома восстания был отправлен в ссылку, затем прощен…

И снова так мало об известном в веках поэте… Но есть легенды и мифы, и именно они помогают нам восстановить иногда просто поразительные черты характера этого поэта-философа… Как-то раз Ли Бо во время своих странствий очутился в Хучжоу, оживленном торговом городе на берегу озера Тайху. На вопрос местного градоправителя, кто он такой, поэт ответил:

Я – цзюйши из Цинляня, изгнанный сянь.
В кабаках хороню свое имя вот уже тридцать лет.
А тебе, правитель Хучжоу, чего же и спрашивать?
Я – будда Цзиньсу, его воплощение.

В китайском тексте этого четверостишия всего двадцать четыре знака, но в этих немногих знаках – вся биография поэта, вся его характеристика.

Словом *цзюйши* среди горожан средневекового Китая обозначали человека самостоятельного, имеющего свое хозяйство, главу семьи – в этом случае слово означало «хозяин». Отец Ли Бо был купцом и оставил сыну большое состояние. Следовательно, Ли Бо мог вполне мог так себя назвать… это определение его общественного положения.

Ли Бо сочиняет…

Однако слово *цзюйши* употреблялось и в других случаях. Так называли человека образованного, ученого, но из тех, кто не принадлежал к официальной чиновничьей касте, не служил правителю. Среди буддистов термин этот прилагался к почтенным лицам из мирян, то есть, к верующим, не принадлежащим к официальным кругам церкви. Ли Бо был, безусловно, образованнейшим человеком, но чиновником он никогда не был. Правда, около трех лет он состоял при дворе, но попал туда только по настоянию друзей и именно в качестве поэта. Его обязанностью было писать стихи по повелению императора. Однако настоящим придворным поэтом Ли Бо не сумел стать – держался не просто независимо, а вызывающе… О нем говорили, что у него есть «кость гордости», мешающая сгибаться. Итак, Ли Бо изгнан… В приведенных выше строках поэт называет себя *сянем,* а это уже образ, созданный даосизмом – сянь – человек, удалившийся в пустыню, отшельник, ушедший в глубь китайских гор, чтобы познать тайны природы, найти секрет вечной молодости и бессмертия. Маг, волшебник, чародей. Таким людям было свойственно чувство вольности, независимости от всякой власти в природе, в обществе, в себе самом – от власти желаний и страстей. Именно из среды таких сяней выходили иногда вожаки народных бунтов. Ли Бо еще в юности стал даосские *ци шу* – «книги о необычайном» -в 718 году, когда ему было 17 лет, он ушел в горы, стремясь войти в общение со

скрывавшимися там отшельниками. В 721 году Ли Бо во второй раз удалился в горы и прожил там около пяти лет. Но в стихах его звучит печальное слово «изгнанный»… В 19 лет он примыкает к рыцарям – защитникам угнетенных, грабящим богачей и тут же устраивающим веселые пиры, где раздавалось все награбленное. Наверное, он тоже «работал мечом» и швырял награбленными деньгами… Биографы утверждают, что он в эти годы растратил и раздал почти все свое состояние.

Может, это странно для человека, писавшего такие строки:

Горные пики скребут самое небо.
Забыв обо всем, он не считает годов,
Расталкивая облака, ищет «Древний путь»,
Прислонившись к дереву, слушает журчанье струй.

Или такие:

Меня спрашивают, что вы там живете – в голубых горах?
Смеюсь и не отвечаю… Сердце мое спокойно.
Цветок персика уносится струей и исчезает.
Есть другой мир – не наш человеческий.

Конечно, перед нами и странник, и рыцарь, и даос, и поэт, и философ, и пьяница… «Ли Бо в кабаках Чанъаня пьяный спит…» – это слова современника поэта… Да и сам он себя назвал «винным сянем» – членом веселого сообщества друзей-собутыльников.

Что же искал Ли Бо в вине? Об этом он сам нам сказал в своих стихах:

Как хорош сегодняшний день – и ветер, и солнце!
И завтра, вероятно, будет не хуже.
Весенний ветерок смеется над нами:
«Люди, чего вы сидите уныло»
Задуйте в цевницы! Пусть запляшет у вас
Птица-феникс с радужным опереньем.
Зачерпните чашей! Пусть запрыгают у вас чудесные рыбешки.
И за тысячу золотых покупайте себе хмель!
Берите радость и не ищите ничего другого…»

Но есть у поэта и другая мотивировка обращения к вину. Она – в строках другого стихотворения, написанного, как обозначено в

заголовке, «весенним днем после того, как очнулся от хмельного сна»:

Жизнь в этом мире – всего лишь большой сон.
Зачем же нам делать ее трудной?
Поэтому я и пью весь день.

Начертано рукой Ли Бо

Если строки первого стихотворения говорят о жизнелюбии поэта, о его стремлении к радости и наслаждению жизнью, то во втором стихотворении – тот же призыв радоваться жизни, но с совсем другой мотивацией: жизнь есть сон…

Но не следует видеть в этих словах представление об иллюзорности жизни. В книге «Чжуан-цзы» есть место, где рассказывается, как философ Чжуан-цзы раз заснул и увидел сон, будто бы он превратился в бабочку. И проснувшийся философ уже не мог понять, кто он – философ, которому снится сон, что он превратился в бабочку, или бабочка, которой снится сон, что она философ… Это не представление о жизни, как о сновидении, это мысль об одинаковой реальности того, что мы называем действительностью, это мысль об одинаковой реальности жизни и мечты… У Ли Бо очень много стихов о жизни. В них он говорит о радостях и горестях людей, о своей родной стране, о событиях своего времени, о смуте, постигшей страну во время мятежа Ань Лу-шаня. Мятеж задел и его самого. Когда император Сюань-Цзун бежал из столицы и затем отрекся от престола, властителем стал его старший сын, но на власть покушается принц Юн-Ван, и Ли Бо

посчитал, что принц представляет интересы народа. Принц был разбит, а поэт, попавший в плен, был приговорен к смертной казни. К счастью, один из военачальников правительственных войск в свое время вместе с Ли Бо был среди народных рыцарей. Это и спасает поэта, попавшего под амнистию…

Есть еще одна черта, которая проявляется в многогранном творчестве поэта. Это – нежнейшая любовь к родине. Как говорит поэт, когда он поднимает взор вверх, то видит небо родины, когда опустит глаза вниз – видит землю ее, то есть, думает о ней непрестанно…

Таков был поэт Ли Бо – воплощение духа вольности, жизни, деятельности. Его мятежный, неугомонный дух вполне проявился в его поэзии, преисполненной поистине магической силой внутреннего напряжения, высокой лиричностью. Вероятно, именно поэтому китайская традиция и называет его сянем – магом!

По поводу смерти Ли Бо в 762 году существует легенда: поэт, будучи в состоянии опьянения, потянулся к отражению луны в воде, выпал из лодки и утонул…

Ли Бо на рисунке XI века

Наследие Ли Бо, как говорят историки литературы, составляют 30 томов стихотворных произведений и включает классические стихотворения, стихи в жанре народных песен «юэфу», четверостишия, ритмическую прозу «фу» и прозу классическую.

Ли Бо. Храм на вершине горы

Наиболее известен цикл «Древнее» – это размышления о возможности китайского ренессанса в культуре и общественной жизни. Начинается цикл с воспоминаний о «золотом веке» китайской мысли. Для Ли Бо это была эпоха древнего Чжоусского царства (XII-VIII века до н.э.), когда были написаны Великие оды из «Шицзин» – «Книги песен». Ли Бо полагал, что именно тогда был обретен высокий идеал поэзии, утраченный позже, когда правители «пожирали друг друга».

Общий стиль поэзии Ли Бо прост, лишен украшательства. Его

лирика – классический образец китайской средневековой поэтики, включающий разнообразные жанры, в том числе стихи на исторические и мифологические сюжеты о героях и полководцах древности. Посвятил он, как уже упоминалось, немало строк и юным красавицам, друзьям и вину – временному убежищу от горестей и тревог. И природа – верный друг и собеседник Ли Бо, который говорит с цветами и травами, горами и реками, с ветром и дождем, и они ему отвечают… В природе он находит успокоение и силу. К жанру пейзажной лирики относятся его шедевры: «В весеннюю ночь пируем в саду, где персик и слива цветут», «Думы тихой ночью», «Мерный чистый напев», «Одиноко пою под луной» и другие…

Смотрю на луну
И видится мне, будто встарь -
Там заяц небесный
Толчет порошок опять.
Сегодня она
Для меня – всего лишь фонарь,
Глаза уж не видят,
Приходится вспоминать.
Когда-то мы с ней
И со старым блохастым псом
По нескольку чарок
Втроем осушали легко.
Нередко был пьяной
Собакой укушен потом,
А заяц с луны
Плясал себе там, далеко.
Под ветками ивы
Сижу я сегодня один.
И зайца не вижу,
И пес мой умер давно.
Когда тает снег,
Белизна не сходит с седин.
Лишь крик обезьян
Ранит мой слух все равно.

Резюме: Ли Бо приписываются более 1000 стихотворений, но достоверность этого все же во многих случаях вызывает сомнения. Наиболее известны и, скорее всего, созданы именно им, работы в жанре юэфу, эмоциональные и фантастические. Это связано, безусловно, с даосизмом поэта, как важнейшим элементом его произведений. Хотя в некоторых стихах он часто принимает точку

зрения конфуцианца-моралиста, и многие его стихотворения достаточно традиционны для тогдашней культуры.

Этот забавный памятник Ли Бо установлен в Кыргызстане, где поэт, якобы, родился…

Мы увидели, что, как и о большинстве гениев, существует множество легенд о том, насколько легко давалось Ли Бо поэтическое творчество, говорили, что сочиняет он с невиданной скоростью и без последующей правки. Его любимый размер – стих из 5 и 7 слов (им написано более 160 произведений). Ли Бо черпал вдохновение в наблюдениях за природой и человеческой жизнью. Обладая просто невероятным воображением, Ли Бо мог создавать изящные примеры всемерного использования любых элементов китайского языка. Его произведения поражают не эрудицией автора (как у Ду Фу), а неудержимой фантазией и отождествлением читателя с этой уникальной, свободомыслящей личностью автора, великого и неповторимого Ли Бо! Разве это не мы вместе с поэтом, глядя с берега реки, тихо говорим или думаем, мечтаем и размышляем:

Вижу белую цаплю
На тихой осенней реке;
Словно иней, слетела
И плавает там, вдалеке.

Загрустила душа моя,
Сердце – в глубокой тоске.
Одиноко стою
На песчаном пустом островке…

§ 11. Ду Фу

Одним из самых великих китайских поэтов, наряду с Ли Бо, считают *Ду Фу* (712-770). Более того, всемирно известным поэтом его признает и западная культура.

Ду Фу

Ду Фу, второе имя Цзы-мэй, уроженец Хэнани, внук поэта Ду Шэньяня, судя по ряду источников, родом из провинции Шэнь-си. С 740 года он жил в тогдашней столице Чан-ань, где занимал выдающееся положение среди придворных поэтов. То был известный в китайской истории период расцвета наук и изящных искусств, но… одновременно и грандиозных военных предприятий, истощивших страну и вызывавших неоднократно

целый ряд достаточно крупных восстаний…

Ду Фу, вероятно, происходил из старинного рода служилых людей. Среди его предков были и крупные полководцы, и замечательные ученые, писатели, поэты, видные государственные деятели. Но ко времени рождения Ду Фу это уже была захудалая семья обыкновенного провинциального чиновника.

До начала 40-х годов о жизни Ду Фу почти ничего не известно. Рассказывают, что в возрасте 20-35 лет он много путешествовал. Возможно, в этом проявилась его беспокойная натура, толкавшая его к скитальческой жизни, возможно, тут сыграли роль огорчение, недовольство в связи с неудачами на правительственных экзаменах, помешавшими Ду Фу вступить в ряды правительственных чиновников (к этому он стремился, скорее всего, в силу семейных традиций, да ипо необходимости – обеспечение средствами к существованию).

С 731 по 740 год Ду Фу путешествует с друзьями, Ли Бо и Гао Ши. Следует сказать, что стихов этого периода практически не осталось. Но даже из того, что дошло до нас, можно легко увидеть, как поэт стремился преодолеть традиции существовавшей до него поэзии с ее внешней красивостью при внутренней пустоте и оторванности от действительности.

Дом-музей Ду Фу в современном Чэньду

Следующая полоса жизни поэта – 40-е годы и первая

половина 50-х годов – до уже упоминавшегося нами мятежа Ань Лу-шаня. Поэт переселяется Чань-ань. Причина? Возможно, мысли и мечты о более или менее прочном устройстве жизни, о заработке на государственной службе… Ду Фу пытался даже сблизиться с влиятельными людьми, принимает участие в кутежах…

После подавления очередного восстания он даже получает должность «цензора» в Чан-ане. Но за независимое поведение вскоре попадает в опалу и вынужден удалиться в провинцию, где ведет жизнь бродяги и терпит лишения. Впоследствии Ду Фу еще раз вернулся на государственную службу, но страсть к бродяжничеству уже увлекает его. А между тем, в стране явно надвигался кризис… Сколько горечи звучит в его стихах:

Страна распадается с каждым днем.
Но природа – она жива:
И горы стоят, и реки текут,
И буйно растет трава.
Трагедией родины удручен,
Я слезы лью на цветы.
И вздрогнет душа – если птица вдруг
Крикнет из темноты.
Три месяца кряду горят в ночи
Сигнальных костров огни.
Я дал бы десять тысяч монет
За весточку от семьи.
Хочу надеть головной убор,
Но так ослабела плоть
И волосы так поредели мои,
Что шпилькой не заколоть.

Поэт начинает обращать внимание на несправедливость окружающей жизни, изображает зло, насилие, темные стороны действительности. В 744 году происходит и эпохальное событие – встреча с поэтом Ли Бо, оказавшая влияние на всю историю китайской литературы. Дружба порывистого громкоголосого Ли Бо и напоминающего кабинетного ученого Ду Фу была благотворна для обоих. Они странствуют, обмениваются впечатлениями и мыслями по поводу поэзии и судеб родины. В стихах этого времени Ли Бо и Ду Фу возмущаются грубостью и заносчивостью знати, жестокостью чиновников. Многие строки поэты посвящают друг другу. Ли Бо и Ду Фу называют «предками китайского стиха». Они создают совершенно новую стихотворную форму – стих в 5 и 7 слов, пришедший на смену старой 4-словной форме. Новая форма оставалась главной в китайской поэзии в течение тысячи с лишним лет, вплоть до «литературной революции» 1918.

Да, Ду Фу молод и горяч… А вот конец 50-х годов стал тяжелым и для Китая, и для поэта. Что ждет его? Скитания, бегство, пленение мятежниками, заключение в тюрьму, побег из заключения (вероятно, в 757 году), служба при дворе нового императора в освобожденной столице, отъезд (или ссылка) в провинцию Хуачжоу, неурожай и голод, снова переезд, чтобы спасти и накормить семью, снова голод и скитания. Горе и страдания людские звучат в стихах Ду Фу… Главные темы нового периода его творчества – темы человеческой жизни, судьбы беглеца и изгнанника.

Последний этап творчества поэта – с начала 60-х годов до самой смерти в 770 году. Поэт находит, наконец, то, что искал: возможность мирного и спокойного существования. Здесь – друзья, здесь и покровители. Он даже строит себе домик, где проживет только три года, но зато, наверное, самые светлые в его жизни.

Но пришел конец и этому. Снова беспорядки, снова надо спасать и себя, и свою семью. Снова маленькие городки и вечные, не покидающие поэта мысли о столице. Но столкновения и ссоры военных, нападения кочевников, недовольных правителями и поборами…

Фрагмент экспозиции в музее Ду Фу

Видимо, во время бегства, посреди реки Янцзыцзян, опрокидывается утлая лодочка, на которой плывет Ду Фу…

Ду Фу оставил после себя около 2 тысяч стихотворений, среди которых официальная китайская критика точно выделяет произведения, написанные на политические темы (воспевание императора) и на темы о бренности бытия и человеческом ничтожестве. Среди творений Ду Фу выделяются четверостишия, которые настолько перегружены историческими и мифологическими аллегориями, что их трудно понять без комментариев.

Но все-таки, вероятно, именно во время бродяжничества поэт стал значительно ближе к простому народу. Лишения и бедствия как результаты длительных и часто вынужденных странствий, породили те самые строки, в которых талант поэта достигает апогея. В связи с этим в стихах Ду Фу появляется душевная теплота, неожиданная для него при всех неудачах в его личной судьбе, при всех несчастиях его страны. Поэт, до этого говоривший о человеческом горе, понял, что за этим горем он перестал видеть самого человека, а через него – вечное в людях и в жизни. Именно благодаря этому пониманию в стихи его проникло теплое чувство к людям, соединенное с сознанием величия человеческого духа. И теперь нам становится вполне понятно, за что получает Ду Фу громкое звание поэта-мудреца.

Памятник Ду Фу в Чэньду

Резюме: при жизни Ду Фу даже не был написан его портрет… Величайший поэт Китая, выдающийся корифей-классик, чей талант сравним лишь с талантом Ли Бо, Ду Фу оставил огромное поэтическое наследие – около полутора тысяч стихотворений, от четверостиший до поэм, разнообразных по стилю и содержанию. Поэзию Ду Фу называют «историей в стихах». Словно бесконечные шелковые свитки, расписанные кистью вдохновенного художника, предстает перед нами далекая жизнь средневекового Китая. Замечательный мастер стиха оставил потомкам совершенные, реалистические произведения, яркие и многообразные. «Песня о боевых колесницах» и «В поход за Великую стену», «Засохшие пальмы» и «Большое мандариновое дерево», «Прощание старика» и множество других лирических и явно гражданских стихотворений составляют гордость и славу мировой литературы. И печаль за родину – как созвучна она многим скитальцам и бездомным, тем, кто переживает за судьбы и людей, и страны…

Как пусто все
На родине моей:
Поля у хижин –
В зарослях полыни.
В деревне нашей
Было сто семей.

А ныне нет их
Даже и в помине.
От тех, кто живы,
Не слыхать вестей,
Погибшие –
Гниют на поле боя.
А я
Из пограничных областей
Сюда вернулся
Старою тропою.
По улице
Иду я в тишине,
Скупое солнце
Еле золотится.
И попадаются
Навстречу мне
Лишь барсуки
Да тощие лисицы.
В деревне нету
Никого нигде,
Одна вдова
Живет в лачуге нищей.
Но если птица
Помнит о гнезде,
То мне ль не помнить
О своем жилище?
С мотыгой на плече
Весенним днем
Пошел я
В поле наше за рекою.
Но разузнал чиновник
Обо всем – И снова барабан
Не даст покоя.
Но хоть служу я
Там, где отчий край,
Кому на помощь
Протяну я руки?
Теперь – Куда угодно посылай:
Мне не придется
Думать о разлуке.
Нет у меня
Ни дома, ни семьи,
Готов служить и там,
Где мы служили.

Лишь мать печалит
Помыслы мои –
Пять лет она
Лежит в сырой могиле.
При жизни
Я не мог ей помогать:
Мы вместе плакали
О нашей жизни.
А тот, кто потерял
Семью и мать,–
Что думает
О матери-отчизне?

§ 12. Мацуо Басё

Мацуо Басё

Настоящее имя самого известного японского поэта *Басё* – *Мацуо* (1644-1694). При рождении он был назван *Кинзаку*, по достижении совершеннолетия – *Мунэфуса*, еще одно его имя – *Дзинситиро*. Родился он в 1644 году в Уэдо, провинция Ига, в семье самурая низкого ранга. После нескольких лет службы у молодого князя Ёситада, чей отец управлял замком Уэно, он отправился в императорскую столицу Киото, где попал под влияние выдающегося поэта Китамура Кигина. Дзинситиро и его сюзерен Ёситада, который принял псевдоним Сэнгин, стали близкими друзьями и обычно демонстрировали свои поэтические

наклонности, сочиняя модные «стихотворные цепочки» – рэнга. Уже в юности молодой самурай проявил такое мастерство, что, когда ему было 22 года, некоторые его стихотворения, как и стихотворения Сэнгина, были включены в антологию, изданную поэтом Огино Ансэй. Тогда же Дзинситиро принял литературное имя Мунэфуса. На следующий год, в апреле 1666 года, его хозяин и друг Ёситада, внезапно умирает.

Иллюстрация к строкам Басё

Рассказывают, что скорбящий Мунэфуса, взяв прядь волос своего господина, отправился на гору Коя, чтобы поместить волосы в знаменитом буддийском монастыре. Здесь он знакомится с дзэн-буддизмом и уже готов уйти от мира. Тем не менее, вскоре вновь оказывается в Киото и поступает в услужение к Кигину, литературному наставнику Сэнгина, с которым он продолжает изучение японских классических книг. Одновременно под руководством ученого Ито Танъана изучает китайских классиков. В это время молодой поэт-самурай еще раз изменил имя и стал называться Тосэй – «Зеленый персик», в честь китайского поэта, которым он восхищался (Ли Бо – «Белая Слива»).

Последующие пять лет Тосэй проводит в Киото, усиленно учась и сочиняя стихи. Теперь он близок к литературному

братству, поэтов, живущих в столице. В сборнике «Кайой» («Игра в ракушки») было опубликовано 2 его стихотворения и 58 стихов других поэтов, прокомментированных им. В 1672 году сегун вызвал Кигина в Эдо, и сопровождал его молодой ученик Тосэй. Чтобы как-то помочь ему свести концы с концами, его назначают ответственным за строительство сооружений по водоснабжению в Сэкигути, в округа Коисикава в Эдо. Но, даже занимаясь этим, Тосэй продолжал изучать классиков и слагать стихи. Вскоре он отказывается от должности и становится учителем стихосложения. Число его учеников, многие из которых потом прославились, постоянно росло. С каждой публикацией года растет и его слава. Один из его друзей и учеников, Сугияма Сампу, богатый рыботорговец, предоставил в распоряжение Тосэя свою хижину, расположенную на берегу реки Сумида в округе Фукагава. Здесь в саду Тосэй посадил банановое дерево (басё) и ученики стали называть его жилище «Басё-ан» («Обитель банановых листьев»). Не об этом ли деревце строки:

Как стонет от ветра банан,
Как падают капли в кадку,
Я слышу всю ночь напролет.

Именно тогда поэт и принял имя Басё, под которым он сегодня известен. Он наслаждается покоем, тишиной и красотой окружающего мира, слагает стихи и изучает основы дзэн-буддизма. Басё был истинным буддистом, именно дзэн был источником его гениальности. Дзэн, для тех, кто исповедует это направление буддизма, больше, чем религия, больше, чем образ жизни, больше, чем просто философия… О чем его строки?

Ива склонилась и спит,
И кажется мне, соловей на ветке –
Это ее душа.

Вот и банановое дерево…

Считается, что Басё был стройным человеком небольшого роста, с тонкими изящными чертами лица, густыми бровями и выступающим носом. Как это принято у буддистов, он брил голову. Здоровье у него было слабое, всю жизнь он страдал расстройством желудка. По его письмам можно предположить, что он был человеком спокойным, умеренным, заботливым, щедрым и верным по отношению к родным и друзьям. Хотя всю жизнь страдал от нищеты, почти не обращал внимание на это, будучи истинным философом-буддистом. Зимой 1682 года сегунская столица Эдо в очередной раз стала жертвой крупного пожара. К несчастью, этот пожар погубил «Обитель банановых листьев» и сам Басё чуть не погиб в огне.

Басё отправляется в провинцию, но вскоре он уже снова в Эдо, где с помощью учеников строит в сентябре новую хижину и сажает банановое дерево. Но это лишь символ… Отныне и до конца своей жизни Басё – странствующий поэт. В августе 1684 года, в сопровождении своего ученика Тири, в возрасте сорока лет, Басё отправляется в свое первое путешествие (что было чрезвычайно трудно в те времена). Многочисленные заставы и проверки документов причиняли путникам немало хлопот. Однако надо думать, Басё был достаточно умен и достаточно известен, чтобы пройти все преграды.

Вот он, Басё – большая плетеная шляпа (которые обычно

носили священники), светло-коричневый хлопчатобумажный плащ, на шее сума, в руке посох и четки со ста восемью бусинами. В сумке лежат несколько китайских и японских книг, флейта и крохотный деревянный гонг. Он похож на буддийского паломника.

После многодневного путешествия по главному тракту Токайдо, Басё и его спутник прибыли в провинцию Исэ, где поклонились легендарному храмовому комплексу Исэ-дайдзингу, посвященному богине Солнца Аматэрасу. Осенью они уже оказались на родине Басё, в Уэно, где поэт повидал брата и узнал о смерти родителей. Затем ученик возвращается домой, а Басё после странствий по нескольким провинциям снова идет в Уэно, где встречает новый год.

И снова в путь. Лишь весной он возвращается в свою обитель. Путешествие Басё служило и распространению его стихов, ибо везде поэты и аристократы приглашали его к себе в гости. Правда, здоровье Басё заставляло волноваться его поклонников и учеников, и они облегченно вздохнули, увидев поэта дома…

Рассказ о путешествии Басё озаглавил «Смерть в пути». После года спокойных размышлений в своей хижине, в 1687 году, он издает сборник стихов «Весенние дни», поместив здесь не только свои творения, но и строки своих учеников. Именно здесь все и прочли одно из самых выдающихся стихотворений Басё – «Старый пруд».

Старый пруд
Прыгнула лягушка
Всплеск воды.

Строки Басё на родном языке

Не только полная безупречность этого стихотворения с точки зрения многочисленных предписаний этой краткой, лаконичной формы поэзии, которые Басё, кстати, никогда не боялся нарушить, но и глубокий смысл, квинтэссенция красоты Природы, спокойствия и гармонии души поэта и окружающего мира, заставляют считать эту хайку (хокку) великим произведением

искусства. Здесь можно говорить не только о традиционной для японской поэзии игре слов, позволяющей создавать в 17 или 31 слоге два, три, а то и четыре смысловых слоя, поддающихся расшифровке лишь знатоками, а то и лишь самим автором, но и о совершенно особой красоте… на сегодня занимают не один книжный том.

До конца своей жизни Басё путешествовал, черпая силы в природе. Исследователи выяснили, что поклонники ходили за ним толпами, повсюду его встречали ряды почитателей – крестьян и самураев. Его путешествия, его гений дали расцвет еще одному прозаическому жанру, популярному в Японии – жанру путевых дневников, зародившемуся в X веке. Лучшим дневником Басё считается книга «По тропинкам севера». Японцы перечитывают эту книгу по несколько раз в год:

> В третий месяц, в седьмой день последней декады, когда небо чуть брезжило зарей и луна клонилась к закату, гася свой свет, еле виднелась вершина Фудзи, и от дум: ветви вишен в Уэно и Янаке, когда же снова? – сжалось сердце. Все близкие собрались накануне с вечера и провожали меня на лодках. Когда я сошел с лодки в месте по имени Сэндзю, мне стеснили душу мысли о трех тысячах ри пути, предстоящих мне впереди, и на призрачном перепутье бренного мира я пролил слезы разлуки.
>
> Весна уходит!
> И плачут птицы, у рыб
> На глазах слезы…

Дом под банановым деревом

Перед читателем встает описание описывается самого продолжительного путешествия поэта вместе с учеником Сора, начавшееся в марте 1689 года и продолжавшееся сто шестьдесят дней. В 1691 году Басё снова отправляется в Киото, тремя годами позже – опять на родину, а затем снова приходит в Осаку. Это путешествие оказалось для него последним. О последних днях жизни подробно рассказывает один из его биографов: «29-го числа сего месяца (сентябрь 1694 года) Басё участвовал в поэтической вечеринке в особняке госпожи Соно, своей прилежной ученицы, которая устроила в его честь роскошный прием. К несчастью, ужин оказался роковым для поэта, уже несколько дней страдавшего расстройством желудка… Болезнь, вероятно, дизентерия, приняла серьезный характер. Прикованный к постели поэт сказал: «Мокусэцу из Оцу хорошо разбирается в состоянии моего здоровья. Пошлите за ним». Поэт-врач пришел и осмотрел его.

Поэт сказал: «Мне нужно кое-что сказать Кераю» и послал за Кераем в Киото. В доме его ученика Содо, где он остановился по прибытии, не было необходимых условий для ухода за ним и 3 октября Басё перенесли в заднюю комнату владельца цветочной лавки по имени Нидзаэмон, близ храма Мидо. Не говоря о Сико и Идзэне, сопровождавших поэта в его последнем путешествии, за ним день и ночь ухаживали Сидо, Керай, Мокусэцу, Сяра, Донсю,

Дзесо, Отокуни и Сэйсю, которые прибыли из разных мест, узнав о болезни Басё. Тревожная весть распространилась по окрестным провинциям, и толпами начали приходить его ученики и друзья, охваченные тревогой и страхом. Вышеупомянутые десять учеников принимали их и благодарили, но к больному в комнату никого не пускали. Обнаружив, что состояние больного критическое, Мокусэцу предложил Басё пригласить какого-нибудь другого врача, но умирающий поэт не желал об этом слышать, сказав: «Нет, твое лечение меня вполне устраивает. Никого другого мне не надо». Когда его попросили написать последнее стихотворение, он ответил: «Мое вчерашнее стихотворение – сегодня будет моим последним стихотворением. Мое сегодняшнее стихотворение завтра станет моим последним стихотворением. Каждое стихотворение, которое я когда-либо писал в своей жизни, – это последнее стихотворение». Однако 8-го числа он призвал к постели Дзесо, Керая и Донсю и продиктовал Донсю следующее стихотворение:

В пути я занемог
И всё бежит, кружит мой сон
По выжженным полям.

«Это стихотворение не последнее, – сказал поэт, – но возможно, что оно и последнее. Во всяком случае, это стихотворение вызвано моей болезнью. Но думать об этом сейчас, когда я стою перед великой проблемой жизни и смерти, пусть даже я всю жизнь посвятил этому искусству, было бы заблуждением». 11-го числа прибыл Кикаку, один из учеников Басё, который только узнал о болезни учителя.

Памятник Басё в Риссякудзи

На следующий день Басё попросил приготовить ему ванну и, призвав к своему ложу Кикаку, Керэя, Дзесо, Отокуни и Сэйсю, продиктовал Сико и Идзэну подробное завещание о том, как распорядиться его имуществом, а также оставил послания своим ученикам и слуге в Эдо, о том, как распорядиться его рукописями и прочее. Записку своему брату Хандзаэмону в Уэно он написал сам. Высказав все, что ему хотелось, он сложил руки и, шепотом прочитав что-то, напоминающее отрывок из сутры Каннон, вскоре после четырех часов дня, в возрасте пятидесяти одного года,

издал последний вздох»…

Резюме: руководствуясь философией дзэн, в основу творчества Басё положил принцип «озарения», чрезвычайно заметный в его поэтическом наследии, которое представлено семью антологиями, созданными им и его учениками: «Зимние дни» (1684), «Весенние дни» (1686), «Заглохшее поле» (1689), «Тыква-горлянка» (1690), «Соломенный плащ обезьяны» (книга 1-я, 1691, книга 2-я, 1698), «Мешок угля» (1694), лирическими дневниками, написанными прозой в сочетании со стихами (наиболее известный из них – «По тропинкам Севера»), а также предисловиями к книгам и стихам, письмами, содержащими мысли об искусстве и взгляды на поэтическое творчество. Поэзия и эстетика Басё оказали колоссальное влияние на развитие японской литературы средних веков и Нового времени. Избрав для себя популярную форму юмористических японских эпиграмм – «хайкай», Басё практически заново создал серьезный поэтический жанр «хайку» (хокку). В основном, вся поэтическая деятельность его проходит под знаком «хайку», проникнутых философскими настроениями в духе даосизма и дзен-буддизма – проповедей принципов опрощения жизни, погружения в созерцание природы и отказа от праздного гедонизма. Но есть еще и великие «хайку» о жизни художников, бродячих поэтов и артистов… После знаменитого афоризма «познав высокое, надо вернуться к жизни простых людей», он вводит в поэзию сюжеты из жизни купцов, разносчиков и прочих представителей демократических слоев населения. Басё на протяжении всей своей поэтической деятельности борется с традициями классической аристократической поэзии: он вводит в «хайку» слова из обиходной вульгарной речи, снижая до конца выспренний, архаический стиль «танка», любовную тему он заменяет бесстрастными описаниями природы с точки зрения наблюдательного странника, вместо сюжетов из жизни знатных людей описывает жизнь и труд горожан и крестьян. Он прослыл чудаком, человеком не от мира сего. Может быть, это все, что имел он при жизни. А после смерти оказывается, что это был гений, в своем одиночестве нашедший ответы на бесконечные вопросы человечества, постигший истину. А Истина оказывается на удивление проста.

В этой-то простоте и заключен гений познавшего ее. Одинокий странник никогда не гонится за славой, никогда не ждет награды за свое одиночество. Его уход – не бегство от общества, но только путь к себе, а общество, как всегда, опаздывает на шаг, а то и на столетия. Но, бывает, прозревает, обнаруживает, что гений, оказывается, был рядом, во плоти, в

человеческом облике. И тогда оно канонизирует своего героя. Он, Басё, превращается в легенду, в персонаж из мифов…

§ 13. Ихара Сайкаку

Один из выдающихся писателей, заключающих японское средневековье, был *Ихара Сайкаку* (1642-1693). Сведений о его жизни сохранилось совсем немного. Есть основания полагать, что настоящее имя писателя – Хираяма Того и что родился он в Осаке, крупнейшем торговом городе Японии тех времен в семье зажиточного торговца, то есть, фактически и принадлежал именно к той среде, жизнь которой позднее ляжет в основу его произведений. Однако он не продолжил дело отца, а посвятил себя писательскому труду. Рано умерла его любимая жена, ослепла и умерла дочь. Трагические события отдалили его от семьи, он оставляет дом и работу и выбирает удел путешественника, скитальца, собирателя сказок, преданий и легенд. Путешествия сделались знаком эпохи – говорят, по обочинам японских дорог валялись тысячи пар изношенных сандалий… Зато и богатейший материал жизни всех уголком страны – сборники «Рассказы из всех провинций» (1685) и «Дорожная тушечница» (1687) стали результатом его странствий. В сочинении некоего Ито Умэу «Рассказы об увиденном и услышанном» (начало XVIII в.) мы читаем:

«В годы Дзёкё и Гэнроку проживал в Осакской гавани, в провинции Сэтцу, горожанин по имени Хираяма Того. Был он человеком добродетели безупречной, но жену потерял рано. Единственная дочь его страдала слепотой, и она также скончалась. Оставив дела свои на приказчиков, он повел свободную жизнь, странствовал по всем провинциям, подолгу не возвращаясь домой. Чрезвычайно любя поэзию, он достиг в ней больших успехов, писал на свой особый лад и потом сменил имя на Сайкаку…».

Автопортрет Ихара Сайкаку

Как видим, в начале своего творческого пути Сайкаку был известен как поэт. О его таланте и, особенно, об удивительной способности слагать стихи с неимоверной быстротой ходили легенды. Одна из них гласит, что Сайкаку за один день и одну ночь сложил двадцать три тысячи пятьсот строк, отчего и прозвали его Мастер двадцати тысяч строк. Есть сведения, что он собирал толпы людей перед храмом и читал по четыре тысячи новых стихотворений каждый день…Но считался довольно посредственным, хотя и плодовитым поэтом.

В 1675 году появился поэтический сборник Сайкаку «Тысяча строф хайкай, сложенных в одиночестве в течение одного дня». Это сборник печальных строк: все его стихи написаны на смерть жены и проникнуты болью, страданием и горечью утраты.

Известно, что Ихара Сайкаку пробует свои силы и в драматургии, но пьесы его не принесли славы автору.

Сайкаку, безусловно, все же был выдающимся мастером трехстиший. Но этот традиционный жанр оказался недостаточно емким, чтобы вместить его наблюдения над городской жизнью и раздумья над ней. Именно поэтому не поэтическая деятельность послужила бессмертию Сайкаку.

Из давних иллюстраций к произведениям Сайкаку

На склоне жизни он обратился к прозе и в возрасте сорока одного года написал свой первый роман. Сайкаку прожил после этого немногим более десяти лет, но за это время благодаря его книгам облик японской прозы претерпел значительные изменении: Сайкаку разработал прозаические жанры, создал подлинно новый художественный метод. Ихара Сайкаку стал признанным классиком. Уже после смерти писателя его произведения были отнесены к жанру укиё-дзоси («повести об изменчивом мире» или «повести из нашей жизни»). Этот жанр был известен и ранее и включал незатейливые рассказы о горожанах, но только благодаря творчеству Сайкаку он достиг необыкновенной художественной высоты и подлинно мастерского воплощения.

И еще иллюстрация к прозе Сайкаку

Вообще, буддийский термин «укиё», ранее означавший «горестный», «грешный», «быстротечный» мир, в контексте культуры этого времени становится символом самоценности земного бытия. По мнению академика Н. И. Конрада, слово «укиё» приобрело жизнеутверждающий и даже гедонистический оттенок: мир скорби и печали превратился для людей эпохи Сайкаку в быстротечный, но от этого еще более привлекательный мир радости и удовольствий, хозяевами которого они начали себя ощущать. Понятие «укиё» по-новому впервые было осмыслено в XVII веке Асаи Рёи в его «Повести об изменчивом мире» («Укиё моногатари»), герой которой живет по законам «изменчивого мира», «сладко покачиваясь на волнах неведомого, точно тыква на воде».

В творчестве Ихара Сайкаку философия и эстетика «изменчивого мира» получают глубокое и полностью законченное воплощение. В 1682 году появляется его первое прозаическое произведение – «Косёку итидай отоко» («Мужчина, несравненный в любовной страсти», «Мужчина, предавшийся любви», «История любовных похождений одинокого мужчины»), которое знаменует собой не только возникновение нового направления в прозе, но и рождение принципиально нового метода познания действительности.

Итак, перед нами роман, состоящий из самостоятельных

новелл-глав и повествующий о любовных приключениях горожанина по имени Ёноскэ («человек изменчивого мира»). В имени героя, которое продолжает ряд значащих имен японской литературы канадзоси, воплощена главная идея романа – прославление ценности и красоты земного бытия и человека, ищущего наслаждений. С этой идеей связаны и основные принципы создания образа главного героя, явно тяготеющие к гротеску. Уже в семилетнем возрасте в Ёноскэ пробуждается любовная страсть, которая вскоре увлекает его по пути безудержного разгула. Не осталось ни одного квартала публичных домов, где бы не побывал Ёноскэ. Слухи о похождениях Ёноскэ доходят до отца, и тот изгоняет его из дома. В девятнадцать лет Ёноскэ принимает постриг. Несколько дней он истово читает сутры, но вскоре это занятие ему надоедает, и он уходит из монастыря. Начинается период скитаний героя. Жизнь Ёноскэ, изгнанного из дома и лишенного средств к существованию, изображена в манере, близкой к западноевропейской пикареске или плутовскому роману: странствия героя дают автору возможность развернуть перед читателем широкую картину жизни Японии, рассказать об особенностях быта и нравов различных областей страны, изобразить представителей разных общественных слоев. Хотя, следует отметить, социального анализа в книге Сайкаку нет. После смерти отца Ёноскэ наследует огромное состояние. Кончается период скитаний, начинается пора новых любовных приключений. «К пятидесяти четырем годам он познал любовь 3742 женщин и 725 юношей. Об этом нам известно из его дневников», – с точностью фокусника или мистификатора публики замечает Сайкаку.

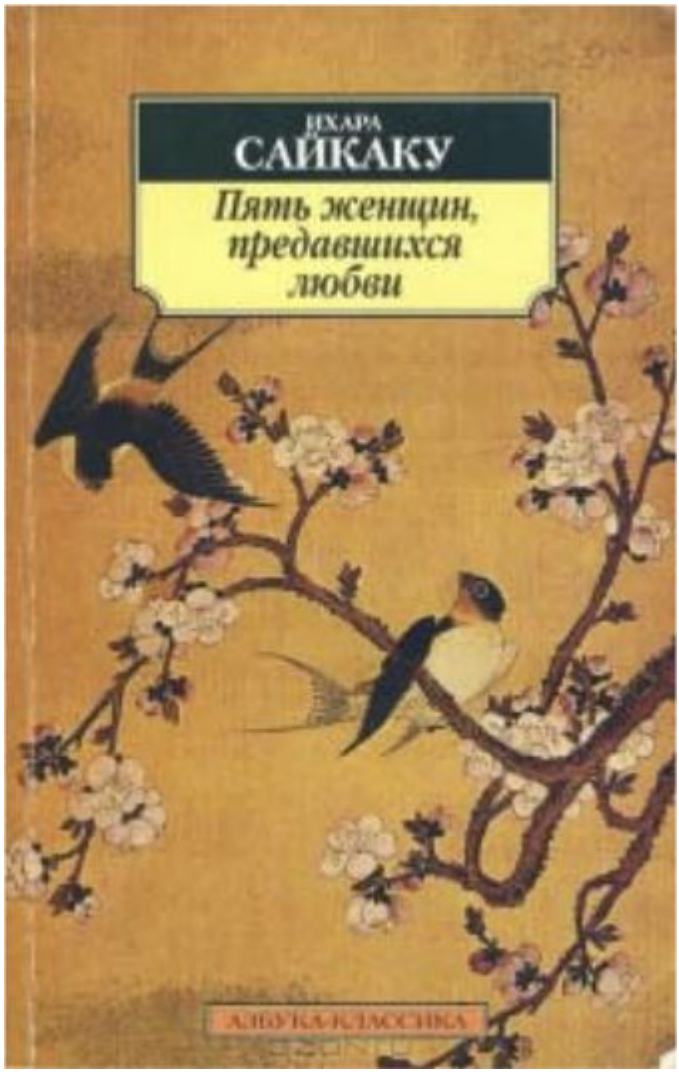
Но вот Ёноскэ исполняется шестьдесят лет. «Годы любовных утех истощили его силы. Ничто теперь не влекло его к суетному миру… Без палки из тутового дерева ходить ему было так же трудно, как трудно ехать телеге на шатких колесах. Да и на ухо он сделался туговат. Так он постепенно превратился в жалкое посмешище… Изменчивый мир! И верно, ничто так не меняется, как жизнь человека…» Казалось бы, Сайкаку подготавливает читателя к восприятию кризиса и духовного перерождения героя после грешной жизни в полном соответствии со средневековой традицией. Но автор предлагает совершенно неожиданную развязку.

Афиша японского фильма по роману Сайкаку «Любитель женщин». 1961 год

Решив, что ему поздно помышлять о райском блаженстве, Ёноскэ отправляется в Нагасаки (единственный открытый порт страны), покупает корабль, называет его «Кораблем Сладострастия» и отплывает на легендарный Остров Женщин, обитательницы которого таковы, что «сами налетают на мужчин» (эротические книги и альбомы того времени изобиловали описаниями этого острова).

Фантастически-гротескная концовка романа воспринимается как условность, но условность несколько иная – ведь Ёноскэ – не столько обобщенный образ реального человека, сколько

художественное допущение, гипербола. Он неутомимый сластолюбец, и только. Вся его жизнь, а следовательно, и все сюжетные перипетии определяются лишь одним – безудержным стремлением героя к чувственным радостям. Не знающее границ любострастие персонажа Сайкаку выводит его за рамки обычной жизни с присущей ей жесткой системой регламентаций, тем самым освобождая главного героя от необходимости считаться с ними. Ёноскэ олицетворяет собой идеал свободной личности, живущей так, как подсказывает ему чувство. Он идеальный герой в своем роде, но в ином смысле, чем идеализированные герои средневековой литературы. Ёноскэ – гротескный персонаж, описание его приключений нередко сопровождается смехом. Комизм – вообще существенная особенность творческого метода Сайкаку – многие элементы сюжета строятся по принципу пародийного снижения соответствующих эпизодов книги «Гэндзи моногатари» Мурасаки Сикибу («Повесть о принце Гэндзи», X-XI вв.). Да и сам Ёноскэ – пародийный двойник блистательного принца Гэндзи. Современники называли книгу Сайкаку продолжением «Гэндзи». Роман «Косёку итидай отоко» положил начало целой серии «книг о любовной страсти», в которых оттачивается и совершенствуется мастерство Сайкаку-реалиста. В последующих произведениях этого своеобразного цикла писатель обращается уже к вполне обычной, заурядной действительности.



Одно из российских изданий книги Сайкаку

Новый этап в творчестве и развитии реалистического метода Сайкаку знаменует книга «Косёку гонин онна» («Пять женщин, предавшихся любви», 1686). В этом сборнике повествуется о судьбах пяти женщин из городской среды, которые, повинуясь велению сердца, преступают законы семьи и официальной конфуцианской морали. Предметом художественного осмысления теперь становится человек, вынужденный в силу своего положения считаться с требованиями официальной этики, но не желающий с ними мириться, отстаивающий свое право на свободное чувство. Немаловажно и то, что сюжет каждой из пяти новелл этого сборника, в отличие от первого романа Сайкаку, основан на реальных событиях, хорошо известных читателям: о

них сообщалось в хрониках городской жизни – в так называемых «листках с происшествиями», служивших далеким прообразом современных газет и журналов-таблоидов.

Из иллюстраций к произведениям Сайкаку

Героини книги «Косёку гонин онна» абсолютно осознанно и совершенно добровольно идут на «преступление». Они не только чувствуют и поступают по-новому, но и думают по-новому. С этой точки зрения примечателен следующий эпизод из новеллы о составителе календарей. Осан, жена придворного составителя календарей, вступившая в противозаконную связь с приказчиком Моэмоном, вынуждена бежать с ним в отдаленную провинцию. Остановившись на ночлег в храме, герои видят сон, в котором бодхисаттва Мондзю советует им, пока не поздно, дать монашеский обет и ступить на Путь Просветления. Но Осан отвечает: «Что бы там ни было в будущем, не беспокойся о нас! Мы по собственной воле, рискуя жизнью, решились на эту измену…».

«По собственной воле, рискуя жизнью», решаются на проступок, влекущий за собой трагедию, Онацу, полюбившая приказчика, и жена бондаря Осэн, вступившая в тайный сговор с мужем соседки, Осити, которая, не найдя иного способа увидеться с возлюбленным, устраивает пожар в родительском доме.

На фоне первых новелл сборника с их трагической развязкой выделяется пятая новелла со счастливым концом: герои этой новеллы – Оман и Гэнгобэй, вкусившие все печали и горечь жизни, в конце концов, благополучно женятся. В наследство от родителей девушки они получают в сказочное богатство (помимо денег и драгоценностей, волшебный мешок с сокровищами бога богатства Дайкоку, счетную книгу бога-покровителя торговли Эбису и прочие диковинные вещи). Условность сказочной развязки тем более заметна, если учесть, что реальные события, легшие в основу ее фабулы, трагичны (известно, что в 1663 году Оман и Гэнгобэй, реальные прототипы персонажей Сайкаку, вместе покончили с собой).

Сказочное разрешение конфликта в этой, заключающей сборник новелле существенно для понимания специфики воссоздания действительности в искусстве той эпохи в целом. Эстетическое сознание проводило отчетливую грань между миром, творимым в художественном произведении, и миром подлинным. Условность концовки новеллы, по-видимому, понадобилась Сайкаку для того, чтобы его книга воспринималась как произведение художественное, вымышленное (фикция, мистификация), а не как документальный рисунок реальных событий. Но и нарочитая вымышленность этой благополучной развязки снимается иронической заключительной фразой автора: «Гэнгобэй и радовался и печалился… За одну свою жизнь эдакого богатства не истратишь…»

У Сайкаку, как и у Боккаччо или Сервантеса, старые формы наполнялись новым содержанием, опровергались новым восприятием мира. Эта особенность художественного метода Сайкаку наглядно проявилась в повести «Косёку итидай онна» («Женщина, несравненная в любовной страсти», «История любовных похождений одинокой женщины», 1686), которая может быть понята и как отголосок, в некоторой степени, пародийный, средневекового жанра повести-исповеди. Кажется поначалу, что Сайкаку строго следует канону этого жанра – посещение путником (в роли путника выступают автор и двое юношей, изнуренных любовной страстью), уединенной хижины старухи-отшельницы, которая рассказывает им историю своей жизни, заставившей ее в, конце концов, ступить на стезю спасения. Но, по существу, Сайкаку изобличает условность названного жанра, пародирует его общие места. Так, хижина отшельницы носит отнюдь не совсем не подобающее название – «Обитель Сладострастия», а хозяйка оказывается не «чистой сердцем святой», а разряженной старухой, которая, опьянев, затягивает песню о любви. Героини исполнена непривычного для средневекового жанра смысла – из иллюстрации идеи непрочности бытия и необходимости отрешения от земных страстей рассказ о ней превращается в правдивую повесть о трагической судьбе женщины в «изменчивом мире» наслаждений.

И снова иллюстрации

Но если в первом романе Сайкаку история любовных приключений героя служит задаче создания гротескного образа действительности, то здесь тот же сюжетный прием помогает изобразить жизнь «как она есть», с присущими ей трагическими конфликтами. Качественно иные здесь и принципы создания образа героини. Если характер Ёноскэ целиком исчерпывается понятием «сластолюбец», то образ одинокой женщины сложнее и глубже: она не только любвеобильна, но и цинична, горда, иронична, проницательна. Неоднозначность характера главной героини дает автору возможность создать психологически достоверный образ человека его времени.

Одна за другой появляются книги Сайкаку: в 1686 году он смеется над лжеправедниками в новеллах сборника «Двадцать непочтительных детей Японии» (пародия на конфуцианское сочинение XIII века «Двадцать четыре примера сыновней почтительности»), в 1688 году появляется сборник «Превратности любви», который вместе с книгой «Пять женщин, предавшихся любви» принадлежит к серии книг Сайкаку «о любовной страсти».

К другому циклу – «книги о горожанах» – относятся его сборники «Заветные мысли о том, как лучше прожить на свете» (1692) и увидевший свет уже после смерти писателя «Последний узор, вытканный Сайкаку» (1694). Совершенно удивительное впечатление производят новеллы из сборника «Ворох старых писем», вышедшего уже в 1696 году. В нем собраны письма, написанные Ихара Сайкаку от лица простых горожан, их стилем и языком. Эти письма-эпизоды хаотичны и сбивчивы, но их прелесть и заключается в этом своеобразии самопроявлений личности автора…

Буддийская концепция жизни отчетливо выражена в сборниках так называемых «рыцарских» новелл Сайкаку – «Записи о передаче воинских искусств» (1687) и «Повести о самурайском долге» (1688). Эти произведения наследуют традиции средневековой эпической литературы, народных героических преданий, по-своему толкующих события прошлого. Ценность человеческой личности осмысливается с помощью критериев самурайской этики, главные из которых – верность своему господину, готовность мстить за обиду, способность пожертвовать жизнью ради долга.

Повествования об идеальных воинах, рыцарях «без страха и упрека» подчиняются совершенно особой этике, отделяющей героических персонажей от читателя. Теперь уже нет того непосредственного, а местами и фамильярного контакта с читателем, свойственного Сайкаку в предшествующих книгах. Но и при всей традиционной идейно-художественной скованности «самурайских» сборников Сайкаку в них тоже находят выражение новые принципы осмысления личности, противостоящие представлению о самурае как сверхчеловеке: «Душа у всех людей одинакова… Прицепит человек к поясу меч – он воин… Облачится в черную рясу – он буддийский монах, возьмет в руки мотыгу – крестьянин, станет работать тесаком – он ремесленник, а положит перед собой счеты – купец»…

Резюме: творчество Ихара Сайкаку знаменует период наивысшего расцвета японской повествовательной прозы XVII века. Осознание ценности земного бытия, человеческой жизни, стремление к точному и беспристрастному психологическому анализу жизненного материала, создание особого, индивидуального стиля, в котором так явственно ощущается личность автора – это художественные открытия Сайкаку, позволяющие рассматривать все его творчество как новую идейно-эстетическую целостность, отличную не только от японской литературы Средневековья, но и от литератур других стран. Его творчество проложило путь художественному

мышлению Нового времени.

Памятник Ихара Сайкаку

Так грустно и гордо звучат слова Сайкаку: «…мне довелось прожить больше положенного срока…».

Два лишних года
Суждено мне было любоваться
Луной изменчивого мира.

Японский Боккаччо, Сайкаку повлиял, конечно, не только на литературу своей родины, без его книг немыслимо представить всю мировую литературу. Повторимся, Сайкаку прошел по пути литературы гораздо дальше многих своих современников. Он поднялся туда, где проходит граница между средневековым мышлением и его преодолением и в науке, и в философии, и, конечно же, в литературе и искусстве.

Список учебной литературы для самостоятельной подготовки

1. Андреев Л.Г., Козлова Н.П., Косиков Г.К. История французской литературы. – М., 1987.

2. Аникст А.А. История английской литературы. – М., 1956.

3. Зарубежная литература Средних Веков. Вып.I. Латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы. – М., 1987.

4. Зарубежная литература Средних Веков. Вып.2 Немецкая, испанская, итальянская, английская, чешская, сербская, болгарская литературы. – М., 1987.

5. Зарубежная литература эпохи Возрождения. Хрестоматия. Сост. Б.И.Пуришев. 2-е изд. – М., 1976.

6. История всемирной литературы в 9-ти тт., т.1. – М., 1983.

7. История зарубежной литературы. Средние века. Возрождение. – М., 1987.

8. История зарубежной литературы XVII века. – М., 1987.

9. История зарубежной литературы XVIII века. – М., 1987.

10. Косиков Г.К. Средние века // История французской литературы: Учебник / Л.Г. Андреев, Н.П. Козлова, Г.К. Косиков. – М.: Высшая школа, 1987.

11. Пахсарьян Н.Т. История зарубежной литературы XVII-XVIII веков. Учебно-методическое пособие. – М., 1996.

12. Разумовская М.В. и др. Литература XVII-XVIII веков. – Минск, 1989.

13. Пуришев Б.И. Литература эпохи Возрождения. Курс лекций. – М., 1998.

14. Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV-XVII вв.. – М., 1955.

15. Разумовская М.В. и др. Литература XVII-XVIII веков. – Минск, 1989.

Список дополнительной литературы для самостоятельной подготовки

1. Андреев М. Средневековая европейская драма. – М., 1989.

2. Андреев М.Л., Хлодовский Р.И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. – М., 1988.

3. Асоян А.А. «Почтите высочайшего поэта. Судьба «Божественной комедии» Данте в России. – М., 1990.

4. Аникст А.А. Шекспир: Ремесло драматурга. – М., 1974.

5. Багно В. Дорогами «Дон Кихота». – М., 1988.

6. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965.

7. Виппер Ю.Б. Поэзия Плеяды. – М., 1976.

8. Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. – М., 1971.

9. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972.

10. Державин К.С. Сервантес. Жизнь и творчество. – М., 1958.

11. Елина Н.Г. Данте: Критико-биографический очерк. – М., 1965.

12. Жирмунский В.М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. – М., 1962.

13. История всемирной литературы. Т.2. – М., 1984 (Литературный процесс III-XIII вв.).

14. История всемирной литературы. Т.3. – М., 1985 (Литературный процесс с конца XIII-начала XIY веков до рубежа XYI-XYII в.).

15. Культура эпохи Возрождения и Реформации. Сб.статей. – М.1991.

16. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М., 1978.

17. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М., 1986.

18. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман. – М., 1976.

19. Михайлов А.Д. Старофранцузская городская повесть-фаблио и вопросы специфики средневеково пародии и сатиры. – М., 1986.

20. Пинский Л.Е. Шекспир: Основные начала драматургии. – М., 1971.

21. Пинский Л.Е. Реализм эпохи Возрождения. – М., 1961.

22. Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XY-XYII вв. – М., 1955.

23. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги: Становление

литературы. – Л., 1984.
24. Хлодовский Р.И. Декамерон: Поэтика и стиль. – М., 1982.
25. Хлодовский Р.И. Франческо Петрарка: Поэзия гуманизма. – М., 1974.
26. Эстетика Ренессанса. В 2-х тт. – М., 1981.

Список дополнительной литературы для курсовых работ и семинаров

1. Аникст А.А. Трагедия Шекспира «Гамлет». – М., 1986.

2. Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: Стиль жизни, стиль мышления. – М., 1978.

3. Блок Марк. Феодальное общество // М.Блок. Апология истории. – М., 1986.

4. Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-X VIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М., Прогресс, 1986.

5. Бицилли П. Элементы средневековой культуры. – СПб., 1995.

6. Гаспаров М. Л. Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. – М., 1975, с. 421–514.

7. Гуревич А. Я. Эдда и сага. – М., 1979.

8. Дюби Жорж Тысячный год от Рождества Христова/ Жорж Дюби; Пер. с фр. Н.Матяш. – Москва: Путь,1997. – 239 с.

9. Зарубежная литература от античности до Средневековья. – М.: АСТ, 2008.

10. История Всемирной литературы в 9 т.т. Т. I.. – М., 1983.

11. История зарубежной литературы: Раннее Средневековье и Возрождение / Под редакцией В. М. Жирмунского. – М., 1987.

12. Литература и искусство западноевропейского Средневековья. – М.: Владос-Центр, 2002.

13. Луков Вл.А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней: Учебное пособие для вузов. – М.: ИЦ «Академия», 2008.

14. История крестовых походов: Перевод с английского/ The Oxford illustrated history of the crusades (загл. ориг.)/ Под ред. Джонатана Райли-Смита. – Москва: Крон-пресс,1998.

15. Кардини Франко Истоки средневекового рыцарства/ Франко Кардини. – Сретенск: МЦИФИ, 2000.

16. Кенигсбергер Гельмут. Средневековая Европа, 400-1500 годы: Перевод с английского/ Гельмут Кенигсбергер; Предисл. и коммент. Д.Э.Харитоновича. – Москва: Весь мир, 2001.

17. Кин Морис. Рыцарство. – М., Научный мир, 2000.

18. Косиков Г. К. Франсуа Вийон // Франсуа Вийон. Стихи. – М., 1984.

19. Культура эпохи Возрождения и Реформации. – М., 1981.

20. Ле Гофф Жак. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада: Перевод с французского/ Жак Ле Гофф. –

Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.

21. Ле Гофф Жак Средневековый мир воображаемого. – Москва: Прогресс, 2001.

22. Ле Гофф Жак Цивилизация средневекового Запада: Перевод с французского/ Жак Ле Гофф; Послесл. А.Я.Гуревича. – Сретенск: Межконфессиональный центр историко-философских исследований Толедо, 2000.

23. Луков Вл.А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней: Учебное пособие для вузов. – М.: ИЦ «Академия», 2008.

24. Макьявелли Н. История Флоренции. – М., «Наука», 1987.

25. Мандельштам О. Франсуа Виллон. Разговор о Данте. – М., 1999.

26. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.

27. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. – М., 1976.

28. Ортега-и-Гассет. Размышления о «Дон-Кихоте». – М., 1997.

29. Писатели Франции. М., 1964.

30. Федотов О.И. История западноевропейской литературы средних веков: Учебник-хрестоматия: Идеограммы, схемы, графики. – М.: Флинта: Наука, 2004.

31. Хейзинга Й. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах: Перевод с нидерландского; Сост. и пер. Сильверстов Д.В.; Вступ. ст. и общ. ред. Уколовой В.И.; Заключ. ст. и науч. коммент. Харитоновича Д.Э. – Москва: Прогресс-Культура, 1995.

32. Шайтанов И.О. История зарубежной литературы. – М.: Владос-Пресс, 2002.

33. Эко, Умберто. Эволюция средневековой эстетики. – СПб., 2004.

Список художественных текстов

1. Ариосто Л. Неистовый Роланд.
2. Басё М. Избранное.
3. Боккаччо Д. Декамерон.
4. Брант С. Корабль дураков.
5. Данте. Божественная комедия. Новая жизнь.
6. Ду Фу. Избранное.
7. Кальдерон П. Жизнь есть сон.
8. Камоэнс Л. Лузиады.
9. Ли Бо. Избранная лирика.
10. Лопе де Вега. Собака на сене.
11. Макиавелли Н.Государь.
12. Молино Т. Севильский озорник.
13. Монтень М. Опыты.
14. Мор Т. Утопия.
15. Петрарка. Книга песен.
16. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль.
17. Ронсар П. Избранная лирика.
18. Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре.
19. Сайкаку И. Пять женщин, предавшихся любви.
20. Сервантес М. Дон Кихот. Назидательные новеллы.
21. Тассо Т. Освобожденный Иерусалим.
22. Чосер Д. Кентерберийские рассказы.
23. Фирдоуси. Шах-наме.
24. Хайям О. Рубайат.
25. Хафиз. Диван.
26. Шекспир. Сонеты. Ричард II. Двенадцатая ночь. Ромео и Джульетта. Гамлет.
27. Король Лир. Отелло. Макбет.
28. Эразм Роттердамский. Похвала глупости.

Примерные вопросы для самостоятельной подготовки к экзаменам и зачетам

1. Средние века как историко-культурная эпоха.

2. Мифологический и героический эпос Средневековья.

3. Рыцарская литература в Средние века.

4. Городская средневековая литература.

5. «Божественная комедия» Данте.

6. Понятие о ренессансном гуманизме и общая характеристика европейского Возрождения.

7. Национальные варианты ренессансной культуры.

8. Ранний европейский гуманизм: творчество Петрарки и Боккаччо.

9. Специфика ренессансной лирики (Петрарка, «Плеяда», английская поэзия конца XVI века).

10. Роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Сюжет, герои, проблематика.

11. «Трагический гуманизм» Шекспира.

12. «Великие трагедии» В.Шекспира. Основная тематика.

13. Синтез повествовательных жанров в романе Сервантеса «Дон Кихот».

14. Барокко в западноевропейской литературе XVII века.

15. Западноевропейский роман XVII века.

16. Испанский театр «Золотого века» (драматургия Лопе де Вега и Педро Кальдерона).

17. Проблематика «Божественной комедии» Данте, способы ее художественного воплощения.

18. Художественное своеобразие поэзии Франческо Петрарки.

19. Общая характеристика творчества Джованни Боккаччо.

20. Особенности композиции «Декамерона» Боккаччо, ее роль в художественном мире произведения.

21. Творческая эволюция Торквато Тассо.

22 Особенности литературы Возрождения во Франции.

23. Природа комического «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле.

24. Жанровое своеобразие «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле.

25. Особенности литературы Возрождения в Англии.

26. Гуманистическая проблематика «Утопии» Т. Мора.

27. Основные жанры драматургии В. Шекспира (Раскрыть

художественные особенности одного из них – на примере какого-либо произведения по выбору).

28. Особенности литературы Возрождения в Германии.

29. Поздние произведения Сервантеса, анализ одного из них (по выбору).

30. Художественное своеобразие творчества Мартина Лютера.

31. Традиции средневековой литературы в творчестве Ганса Сакса (раскройте на примере одного из произведений по выбору).

32. Художественное содержание «Тиля Уленшпигеля».

33. «Легенда о докторе Фаусте» как образец «народной книги».

34. Идейно-философская проблематика творчества Эразма Роттердамского.

35. Португальская средневековая поэзия. Творчество Камоэнса.

36. Поэзия Ф.Кеведо.

37. Художественные особенности поэзии Микеланджело и Аретино.

38. Л. Ариосто и его «Неистовый Роланд».

39. Великие английские поэты. Рассказать о Ф.Сидни и Э.Спенсере.

40. Драматургия К. Марло и Б.Джонсона.

41. Поэзия Саади и Хафиза.

42. Творчество Низами.

43. «Шах-наме» в мировой литературе.

44. Китайская поэзия. Философия природы в творчестве Ли Бо и Ду Фу.

45. Земной эротизм И.Сайкаку.

46. Хайку как жанр японской поэзии.

47. О.Хайям. История и своеобразие жанра рубаи.

48. Д.Чосер. Легендарная поэзия Англии.

49. «Утопия» Т.Мора. Новаторство и проблематика.

50. Основные особенности средневековой поэзии и драматургии.

notes

1

Гвиницелли (Гуиницелли) Гвидо (между 1230 и 1240-76) – итальянский поэт, родоначальник «Дольче стиль нуово» – новый сладостный стиль, автор канцон и сонетов, воспевающих любовь, как мистическое познание мира, возвеличивающую человека, поднимающую его над реальностью обыденного мира.

2

Кавальканти Гвидо (1259 – 1300) – итальянский философ и поэт. Был другом Данте и до него главой флорентийских поэтов, продолжил философски-мистическую любовную поэзию болонца Гвиничелли. В его стихах говорится о безжалостной любви как великом роке, влекущем к смерти.

3

Гвельфы – политическое течение в Италии XII – XVI веков, представители которого выступали за ограничение власти императора Священной Римской империи в Италии и усиление влияния папы римского.

4

Гибеллины (итал. Ghibellini) – получили наименование, по-видимому, от Вайблингена (Weiblingen) – родового замка Штауфенов, объединяли сторонников императора (преимущественно дворян).

5

Пьер де Ронсар (Ronsard, 1524–1585), поэт французского Возрождения. Отказавшись от средневековой традиции и избрав образцом для подражания классическую литературу Греции и Рима, он оказал решающее влияние на развитие французской поэзии последующих столетий.

6

Пастораль – термин «пастораль» (от латинского pastoralis – «пастушеский») употребляется в широком и узком смысле. В широком смысле пастораль означает пастушескую поэзию всех времен и народов. В узком смысле под пасторалью понимается определенная конкретно-историческая разновидность пастушеской поэзии XVI – XVII вв.

7

Мейстерзингер – поэт, член цехового объединения (от мейстерзанг -нем. *Meistersang*, *Meistergesang* – поэзия цеховых ремесленников Германии, культивировавшаяся в специальных литературно-певческих обществах (школах). Период наиболее интенсивного развития мейстерзанга – XIV – XVI вв. – эпоха подъёма немецких городов на основе расцвета торговли и цехового ремесла. Крупнейшие центры складывающейся бюргерской культуры (Майнц, Страсбург, Вормс, Ульм, Аугсбург, Нюрнберг, Мюнхен и др.) становятся очагами мейстерзанга, откуда поэзия «мастеров» распространяется затем на более отсталые области восточной Германии.

8

Шванки -веселые, занимательные рассказы, сначала в стихах, а позднее и в прозе. Начало появления – видимо, XIII век, Северная Германия. Шванки возникали в противовес изысканному рыцарскому эпосу, тяготевшему к фантастике, и порой до изнеженности сладостным песням миннезингеров, последователей провансальских трубадуров. В шванках, так же, как и во французских фаблио (анекдотах, байках), говорилось о быте, о повседневной жизни простых людей, причем все легко, в шутку, озорно, дурашливо.

9

Шпрух (нем. Spruch – изречение) – жанр немецкой средневековой поэзии -короткая басня, поговорка, загадка, заключающие в назидательной форме жизненную мудрость.

10

Ода – поэтическое произведение, отличающееся торжественностью и возвышенностью.

В Древней Греции любая форма лирики, предназначенная сопровождать музыку, называлась одой, в том числе хоровое пение. Среди знаменитых од можно назвать «Оду к радости» Ф.Шиллера, «Бог» Г.Р.Державина, «Оду на день восшествия на всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года» М.В. Ломоносова.

11

Элегия (греч. elegeia) – жанр лирической поэзии; в ранней античной поэзии -стихотворение, написанное элегическим дистихом, независимо от содержания; позднее (Каллимах, Овидий) – стихотворение грустного содержания. В новоевропейской поэзии сохраняет такие устойчивые черты, как интимность, мотивы разочарования, несчастливой любви, одиночества, бренности земного бытия, что и определяет некоторую риторичность в изображении эмоций; классический жанр сентиментализма и романтизма

12

Сатира (здесь) – от латинское satira; от более раннего satura – буквально «паштет, фарш, смесь, всякая всячина»). Определенный стихотворный лиро-эпический малый жанр, сложившийся на древнеримской почве (в творчестве поэтов-сатириков Горация, Ювенала и др.) и возрожденный в XVI-XVIII вв.

13

Эклога -от лат. *ecloga* – отбор, выбор -в античной поэзии (например, в «Буколиках» Вергилия) означал избранную идиллию, то есть сцену из пастушеской жизни (как правило, любовную), выраженную в форме повествования или драмы. В литературе классицизма установилось различие (впрочем, соблюдавшееся не строго), согласно которому в идиллии ожидалось больше чувства, а в эклоге больше действия.

14

Эссе – (фр. essai «попытка, проба, очерк», от лат. exagium «взвешивание») – литературный жанр прозаического сочинения небольшого объема и свободной композиции.

Эссе выражает индивидуальные впечатления и соображения автора по конкретному поводу или предмету и не претендует на исчерпывающую или определяющую трактовку тему (в пародийной русской традиции «взгляд и нечто»). В отношении объёма и функции граничит, с одной стороны, с научной статьёй и литературным очерком (с которым эссе нередко путают), с другой – с философским трактатом. Эссеистическому стилю свойственны образность, подвижность ассоциаций, афористичность, нередко антитетичность мышления, установка на интимную откровенность и разговорную интонацию.

15

Дивертисмент (франц . divertissement, букв. – развлечение):

1) вставные, преимущественно вокально-хореографические номера в драматических, оперных и балетных спектаклях XVII-XIX веков.

2) Программа из номеров различных жанров (пение, музыка, танцы, сценки и др.), показывавшаяся с XVII века в драматическом театре по окончании основной пьесы.

16

Фолио (от фолиант) – объемистая книга.

17

Ауто (auto sacramental – «священное действо») – спектакли, разыгрываемые на празднике Тела Христова и связанные с таинством причастия. Ауто в Испании, в отличие от других европейских стран, где религиозный театр процветал лишь в средние века, сохранились до второй половины XVIII века, а их литературную обработку начал именно Лопе де Вега.

18

Комедия дель арте (commedia dell'arte), комедия масок, вид итальянского театра, спектакли которого создавались методом импровизации, на основе сценария, содержащего краткую сюжетную схему представления. Персонажами ее были типовые «маски», переходившие из одного спектакля в другой. Возникнув в середине XVI в., она унаследовала реалистические традиции народного фарса, маски и буффонаду карнавальных действий, а также использовала некоторые мотивы и сюжеты гуманистической «учёной комедии» («комедия эрудита»).

19

Зороастризм (самоназвание: добрая вера, почитающая мудрость) – древнейшая пророческая религия, созданная полулегендарным Заратуштрой (греческая форма имени – Зороастр) предположительно на рубеже I-II тысячелетий до н. э., распространившаяся первоначально в Восточном Иране и Средней Азии, затем в Персии, части стран Ближнего Востока и Закавказья. Зороастризм был официальной религией в Персии при парфянах и особенно Сасанидах, пытавшихся построить теократическое государство; после арабского завоевания он был постепенно вытеснен исламом. Небольшие группы зороастрийцев сохранились в настоящее время в Иране (гебры) и Индии (парсы). Поклонялись огню.

20

Суфизм – (на арабском-тасаввуф, буквальный перевод - одетый в шерсть, от арабского «суф» -грубая шерстяная ткань, власяницаотличительный знак аскета) религиозно-философское учение (мистико-аскетическое),сложившееся в рамках ислама. Предположительно возникло в середине II-VIII века на территории нынешнего Ирака и Сирии и оказало огромное влияние на арабскую, персидскую и тюркскую литературы. В основе суфийской идеологии лежит мистическая любовь и приближение к Богу, непосредственное общение (и слияние) с ним в интуитивных экстатических озарениях. Для суфизма характерно сочетание метафизики с аскетической практикой. Члены некоторых суфийских орденов на своих собраниях устраивают радения с песнопениями и плясками, во время которых впадают в мистический экстаз.

21

Касыда – самый «высокий» и устойчивый жанр арабской и вообще ближневосточной лирики. Название происходит от глагольного корня, означающего «направлять(ся) к цели», вероятно потому, что поэт ставит определенную цель и должен идти к ней установленным путем. Целью бывает прославление или порицание племени (своего и чужого), позже восхваление покровителя и выпрашивание подарка.

22

Бейт (араб.), в поэзии народов Ближнего и Среднего Востока двустишие в любом поэтическом жанре -газель, касыда, рубаи или месневи. Делится на две строки (мисра) и может выступать как отдельная жанровая форма. В двустишии обязательно должна быть выражена законченная мысль. Стихи, составляющие бейт, в зависимости от поэтического жанра, могут быть рифмованными и нерифмованными. Например, в газелях и касыдах первый бейт состоит из рифмованных стихов, а вторые стихи последующих бейтов. рифмуются со вторым стихом первого бейта (аа, ба, ва…). Объём стихотворного произведения обычно определяется по количеству бейтов.

23

Газель (арабск. Gazal, буквально -двустишие) – поэтическая форма, состоящая из бейтов-двустиший, рифмовка начинается в первом бейте, далее однозвучная рифма идет через строку, то есть рифмуется каждая вторая строка двустишия. Лирическое стихотворение в поэзии народов Востока. Возникла в VII веке и исполнялась под аккомпанемент струнного инструмента. В последнем двустишии обязательно указывался автор.

24

Касыда -поэтическая форма народов Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии. Название происходит от глагольного корня, означающего «направляться к цели». Это стихотворение, восхваляющее или порицающее племя (свое или чужое), позже – влиятельное лицо. Признаки: большой объем (до 200 бейтов), однозвучная рифмовка (по типу «aa ba ca da…») и композиция из трех частей (лирическое вступление, путешествие поэта, восхваление или порицание). В XI-XII веках появилась философская касыда. Обязательное упоминание в тексте имен, часто, событий и дат делает касыду важным историческим источником.

25

Кыта -одна из стихотворных форм персидско-таджикской поэзии, для которой характерно наличие от двух до семи, а иногда и более двустиший. Вторые строки в бейтах кыты также рифмуются однозвучно. Как правило, кыта имеет философский и дидактический смысл.

26

Масневи (месневи) двустишие, рифмованное по принципу аа бб вв и т. д. Классическая эпическая поэзия исламского Востока (дастаны, поэмы, стихотворные романы) писалась именно двустишиями-масневи.